

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 21. № 4

Volume 21. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2022

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2022

Том 21. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2022

Volume 21. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

2022. Vol. 21. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*

Making up: *E.S. Reshetnikova*

Technical editing: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Dec. 19, 2022.

Date of publication: Dec. 30, 2022.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 10.5. Published pages 11.3.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–27).

Order 157. «C» 42.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2022. Т. 21. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com

Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *С.А. Астаховой*,
Н.М. Вишняковой, *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 19.12.2022 г.
Дата выхода в свет: 30.12.2022 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).
Заказ 157. «С» 42.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Дорофеев Д.Ю.</i> Русские странники. Многообразие религиозных образов русского странничества XIX века	5
<i>Тихонова С.В.</i> Дискурс-анализ интерактивного сериала «Найден_жив» (первый сезон)	20
<i>Иванов А.Г.</i> «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин»: нормативный порядок современного российского кинематографа и ностальгия по советским спортивным победам	29
<i>Дыдров А.А., Гредновская Е.В., Кленовская В.А.</i> Кино в контексте арт-практики: постскрипtum к конференции	37
<i>Храпова В.А., Комова В.А.</i> Феноменологические аспекты исследования концепта «культурный статус»	46

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

<i>Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С.</i> Пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей: возможный сценарий изменений	55
<i>Власова Т.А.</i> Социальные условия сохранения традиционных обрядов и старинных вещей в селах на севере Удмуртии	70
<i>Полтавская М.Б., Хомутова Н.Н., Васильев Е.С.</i> Телекоммуникационные средства связи как фактор изменения социальных практик студенческой молодежи	84
<i>Дудина И.М., Ефимова Е.Г., Простова Д.М.</i> Социально-ориентированные некоммерческие организации в структуре «третьего сектора» экономики России	95

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Dorofeev D.Yu.</i> Russian Wanderers. The Variety of Religious Images of Russian Wandering in the 19 th Century	5
<i>Tikhonova S.V.</i> Discourse Analysis of the Interactive Series “Nayden_zhiv” (First Season)	20
<i>Ivanov A.G.</i> “The World Champion” and “Eleven Silent Men”: The Normative Order of Modern Russian Cinema and Nostalgia for Soviet Sports Victories	29
<i>Dydrov A.A., Grednovskaya E.V., Klenovskaya V.A.</i> Movie in the Specialty of Art Practice: Post Scriptum to the Conference	37
<i>Khrapova V. A., Komova V.A.</i> Phenomenological Aspects of the Study of the Concept of “Cultural Status”	46

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

<i>Drozdova Ju.A., Martinson Ja.S.</i> Spatial and Temporal Patterns of Development of Territorial Communities: Possible Scenario of Change	55
<i>Vlasova T.A.</i> The Social Conditions of Preservation of Traditional Rituals and Antiques in Rural Communities of North Udmurtia	70
<i>Poltavskaya M.B., Khomutova N.N., Vasiliev E.S.</i> Telecommunication Means of Communication as a Factor of Changing Social Practices of Students	84
<i>Dudina I.M., Efimova E.G., Prostova D.M.</i> Socially-Oriented Non-Profit Organizations in the Structure of the “Third Sector” of the Economy in Russia	95

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.1>

UDC 130.2
LBC 87.5

Submitted: 08.11.2022
Accepted: 05.12.2022

RUSSIAN WANDERERS. THE VARIETY OF RELIGIOUS IMAGES OF RUSSIAN WANDERING IN THE 19th CENTURY ¹

Daniil Yu. Dorofeev

Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the diverse manifestations of the phenomenon of religious wandering in Russian culture of the 19th century, with the study of their external aesthetic image, lifestyle, Orthodox foundations and principles, characteristic language, methods of organization and institutionalization. The author considers the concept of “wanderer” as one of the fundamental concepts in world and especially Russian culture, emphasizing its polysemantic and heterogeneous nature, and also points to its special value as a visible embodiment of the Orthodox understanding of God, man and the world, permeated with the spirit of hesychasm. At the same time, the author confines himself to the consideration in his article of mainly folk religious forms of Russian pilgrimage, which were widely developed and spread in the 19th century. The central place in the study is devoted to the consideration of the richest material of the book “Wandering Russia for Christ’s Sake” by the researcher of folk religious life of the second half of the 19th century S.V. Maksimov, in which the features of life, image, language of the most diverse forms of Russian religious wandering are collected and preserved for us. The article shows wandering as a kind of worldly obedience, self-denial and humility associated with the test of the roads and the possible transformation on them. The main types of wandering, their features are analyzed in detail: from religiously motivated to vagabond, parasitizing on a pious attitude towards pilgrims. On the one hand, the article demonstrates the connection between the phenomenon of Russian Orthodox wandering and the phenomenon of religious pilgrimage as such, but, on the other hand, the specifics of wandering, its differences from similar forms of religious piety, are clarified. The author refers to the essay “Candid Stories of a Pilgrim to his Spiritual Father” to show the influence of hesychasm on the formation of the idea of wandering in its highest and most perfect religious form, as a fundamental Orthodox value worthy of being presented and recognized as a separate form of holiness. The article contains numerous examples of wandering, individual characteristics of the most famous representatives of this movement.

Key words: Russian wanderer, Orthodoxy, hesychasm, Russian painting of the 19th century, Dostoevsky, image, folk religiosity.

Citation. Dorofeev D. Yu. Russian Wanderers. The Variety of Religious Images of Russian Wandering in the 19th Century. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 5-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.1>

УДК 130.2
ББК 87.5

Дата поступления статьи: 08.11.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

РУССКИЕ СТРАННИКИ. МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРАЗОВ РУССКОГО СТРАННИЧЕСТВА XIX ВЕКА ¹

Даниил Юрьевич Дорофеев

Санкт-Петербургский горный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию многообразных проявлений феномена религиозного странничества в русской культуре XIX в., с изучением их внешнего эстетического образа, образа жизни, православных оснований и принципов, характерного языка, способов организации и институализации. Автор рассматривает понятие «странник» как один из основополагающих концептов в мировой и особенно русской культуре, подчеркивая его полисемантическую и неоднородность, а также указывает на его особую ценность как зримого воплощения православного понимания Бога, человека и мира, пронизанного духом исихазма. При этом автор ограничивается рассмотрением в своей статье преимущественно народных религиозных форм русского странничества, которые получили широкое развитие и распространение в XIX веке. Центральное место в исследовании посвящено рассмотрению богатейшего материала книги «Бродячая Русь Христа ради» исследователя народной религиозной жизни второй половины XIX в. С.В. Максимова, в которой собраны и сохранены для нас особенности жизни, образа, языка самых многообразных форм русского религиозного странничества. В статье показано странничество как своеобразное мирское послушание, самоотречение и смирение, связанное с испытанием дорогами и возможным преображением на них. Подробно разбираются основные виды странничества, их особенности: от религиозно мотивированного до бродяжнического, паразитирующего на благочестивом отношении к паломникам. С одной стороны, в статье демонстрируется связь между феноменом русского православного странничества и феноменом религиозного паломничества как такового, но, с другой стороны, уточнена специфика странничества, его отличия от аналогичных форм религиозного благочестия. Автор обращается к сочинению «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему», чтобы показать влияние исихазма на формирование представления о странничестве в его самой высшей и совершенной религиозной форме, как основополагающей православной ценности, достойной быть представленной и признанной как отдельная форма святости. Статья содержит многочисленные примеры странничества, индивидуальные характеристики наиболее известных представителей этого движения.

Ключевые слова: русский странник, православие, исихазм, русская живопись XIX века, Достоевский, образ, народная религиозность.

Цитирование. Дорофеев Д. Ю. Русские странники. Многообразие религиозных образов русского странничества XIX века // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 5–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.1>

Впереди перед нами еще очень длинный путь по бесконечной и разнообразной Бродячей Руси.

*С.В. Максимов
«Бродячая Русь Христа ради»*

1.

То, что русские странники, даже учитывая общую для всех них религиозную подоплеку, действительно были разными и неоднородными хорошо показывает портретный ряд этих образов в изданной в 1877 г. книге С.В. Максимова «Бродячая Русь Христа ради» [Максимов 2020].

Но в начале скажем несколько слов о самом Сергее Васильевиче Максимове (1831–1901). С.В. Максимов был «бытописателем земли русской» [Мартынова 1987], сохранившим для нас многие черты народной русской культуры в целом и особенно ее отдельных областей. Вся жизнь его прошла в научных командировках-путешествиях и этнографических

экспедициях по самым разным регионам России – он был на Севере, доходя до Белого моря и Северного Ледовитого океана, и на Дальнем Востоке, посещал побережья Каспийского моря и Урал. Собранный в этих поездках бесценный материал С.В. Максимов публиковал в многочисленных книгах и брошюрах, посвященных подробному описанию и исследованию жизни, языка, верований, мировоззрения русского народа, для которого, кстати, он во многом и писал и публиковал в специальных сериях свои очерки с характерными названиями «О русской земле», «Русские степи и горы», «О русских людях» и т. п. В этих сочинениях Максимов с трепетным вниманием, любовью и сосредоточением изучал благодаря непосредственному соприкосновению, что называется face-to-face, живые образы крестьян и раскольников, ссыльных и каторжных, низшего духовенства и мещан с купцами – весь тот богатый, неоднородный, выразительный пласт, на котором формировалась, стояла и развивалась традиционная русская культура. Кстати, очень показательным, что начинал Сергей Васильевич свои экс-

педии в 1855 г. именно с пешеходных странствий по Владимирской, Костромской, Вятской, Нижегородской губерниям, то есть фактически «научное странничество» послужило основой его научной деятельности и к его же подробному исследованию он возвращается спустя многие годы зрелым и известным уже в России писателем и ученым. Поэтому так важна для нас здесь именно его книга «Бродячая Русь Христа ради», в которой он обратил свой заинтересованный взор к разного рода странникам земли русской, показав их поразительное многообразие, отличающееся в каждом случае своей религиозной настроенностью.

Жанр этой книги определить непросто, точнее говоря, она не вписывается в границы лишь одного жанра. Вся эта большая (более 500 страниц) книга посвящена разным родам и видам русского религиозного странничества, о чем говорится в соответствующих главах. Каждая глава начинается с пейзажных ландшафтных зарисовок центральных, северных и северо-западных регионов нашей страны, порой чем-то напоминающих тургеневские. Затем появляется почти художественная часть, в которой герои главы, зарисованные с натуры и списанные вживую автором во время его экспедиций, выразительно передают своими диалогами типические, но индивидуально представленные образы, характеры, повадки, особенности взаимоотношений, привычки, традиции и т. п. Именно органичное взаимодействие индивидуально-личного и типично-характерного определяет в этой книге портретный ряд странников. Очевидно, все образы были «списаны» с реальных прототипов и почти документально зафиксированы в ходе многочисленных поездок автора, поэтому здесь не чувствуется какой-либо искусственности и произвольности. При этом отдельные герои, сохраняя свою индивидуальную выразительность и конкретность, одновременно представляют определенный тип людей этого рода, являя аутентичный срез русской народной жизни второй половины XIX в. в лицах. И особо ценен сохраненный С.В. Максимовым очень сочный, пластичный, наглядный народный язык, который своими меткими местными словечками, оборотами, грамматическими конструкциями, зачастую уже малопонятными сейчас и во многом, скорее всего, утраченными в естественной языко-

вой среде, приобщает нас русской народной душе лучше любых теорий. Наконец, завершают главу размышления автора над теми материалами, которые были собраны им в ходе этнографических путешествий, правда, не в строго академической форме, а скорее в научно-просветительской и местами даже публицистической, доступной самому широкому кругу читателей. При этом вся книга отличается редкой целостностью, динамизмом и выразительностью в представлении изучаемых разнородных образов странников, являя синтез художественной, историко-документальной и научно-аналитической установок. Действительно, на ее страницах пред нами предстает религиозный феномен русского народного странничества во всем его множественном разнообразии, касающегося специфики религиозной составляющей, эстетической образности, языка, мотивации, способов самоорганизации, форм институализации и т. д.

Пожалуй, единственное, что сближает и объединяет представителей странничества – это религиозно окрашенные русские дороги, которые для одних становятся пространством исполнения православного послушания и смирения, для других – местом и способом пропитания и выживания с помощью «Христа ради», для третьих – возможностью спрятаться от мира и государства. Пристальный взгляд выявляет потрясающую широту и глубину русских дорог, на которых есть место для всех и поэтому на них под внешне схожими формами встречаются ведущие страннический образ жизни самые разные человеческие типы, у каждого со своим микрокосмом. Многие из них уже исчезли, некоторые, в несколько преобразенном виде, еще можно изредка встретить в глубинке России. Давайте, обращаясь к сочинению С.В. Максимова, посмотрим к ним повнимательнее.

2.

Странники, собирающие подаяния на строительство или поддержание церкви Божией, переходя из одной стороны России в другую, хорошо известны. Вспомним, например, что отец Зосима из «Братьев Карамазовых», только начиная свой иноческий подвиг, в течение многих лет странствовал по земле рус-

ской с отцом Анфимом, собирая подаяние на один бедный малоизвестный костромский монастырь [Достоевский 1982, 334]. Такое «пешее служение Богу» было известно издревле и почиталось за особую ценность, а представляющих его людей почитали как воплощающих в своем образе особый народный, близкий, угодный милый Богу дух русского православия.

Неудивительно, что Максимов начинает свою книгу именно с тех, кто был связан с этой страннической миссией и кого называли в разных местах по-разному – *прошаки, сборщики, запрошки, кубраки, лабори* и т. д., – воплощая собой, наверное, в наибольшей степени дух старой, средневековой святой Руси. Таких странников и в XIX веке было еще очень много, хотя их количество неумолимо сокращалось. Их можно было легко встретить на столичных дворах и сельских ярмарках, во время православных праздников (особенно больших) на церковных папертях и почитаемых монастырских центрах религиозного паломничества, на базарах и в народной толпе. Обычно они ходили не поодиночке, а парами, могли быть самого разного возраста и звания – больше всего из крестьян и мещан, но встречались также из отставных солдат и, конечно, монашеского сословия, причем как мужского, так и женского пола. Не заметить их трудно, а не услышать – и вовсе невозможно. В самом деле, их выкрики – «Пожертвуйте, православные, на церковь Николая Угодника»² – были резкими, нараспев, на два тона, и просительные их стихи были простыми и краткими, без жалобных слов и слезливых интонаций (которыми отличались выпрашивающие подаяния исключительно для себя) по образцу духовных стихов, даже с особой торжественностью и чувством особого уважения к своей деятельности. Видно было, что в этих выкриках воплощалось и понимание особой сакральной значимости, которой выпало заниматься просящему на ту или иную церковь страннику-прошаку [1].

Поэтому такого рода деятельность не являлась произвольным выбором и имела определенные социально-институализированные формы. Так, неизменной составляющей образа странствующего прошака являлась обернутая в черную шелковую тряпицу с выши-

тым на ней мишурным, то есть медными посеребрянными или позолоченными нитями, крестом прошнурованная *книжица*, на которой шнур был припечатан казенной сургучной печатью и на последней странице имелось свидетельство выдавшей его духовной консистории, причем чаще всего с разрешения местного епископа или настоятеля монастыря. Именно с этой книгой в руках ходил проситель и на нее же чаще всего и клали подаяния. Это был полноценный официальный документ, подтверждающий легитимный статус просильщика и не позволявший видеть в нем обыкновенного бродягу, прикрывающего именем церкви свое попрошайничество, даже если все внешние составляющие у них очень схожи, вплоть до невозможности различения (отличия, правда, у них можно было выделить в целостном эстетическом образе, по тому, как держит себя человек, как он говорит и т. п.). В этом документе, являющемся своего рода способом институализации и социализации религиозной миссии странника, четко прописывалось, например, на какой срок человек делегируется на данную деятельность, точнее образ жизни, и где (в каких губерниях, крупных городах, включая столицы) ему разрешается заниматься собиранием средств на церковь. Кроме того, такая «*сборная книга*» – это еще и, как мы бы сказали, финансовый документ, ведь на ее страницах, прошнурованных и занумерованных, чтобы воспрепятствовать вырыванию (что грозило чуть ли не уголовным наказанием), отмечалось кто и сколько дает вспоможения, чтобы имя его или умерших родных поминалось – во здравие или за упокой – на службе в той церкви, которой он помог. Правда, все эти предосторожности, как мы еще увидим ниже, не защищали от злоупотреблений, хотя бы потому только, что большинство жертвователей были в середине XIX в. безграмотными да и не во всякой деревне легко было найти чернила; кроме того, многие благочестивые дарители и вкладчики желали оставить свое благодеяние в тайне. Пропитание же такому страннику обеспечивает сам «статус» человека, который несет на себе Божью благодать, собирая на нужды своего храма и щедро одаривая ею всех тех, кто ему помогает, сильнее откупая своими грошами свои грехи, чем поповы молитвы и

даже собственное покаяние. Поэтому накормить и приютить такого человека считалось «святым делом». Так, Максимов отмечает, что в народе было принято кормить таких странников *яичницей-верещагой* (то есть яичницей, поджаренной на сковороде), которая воспринималась как «мать-покровительница странников»: «придумал ее народ, спознавший нужду переселений и странствий, и за ее великую и неоценимую службу в качестве скорого и дешевого кушанья никогда и никому предложить ее не скупится» [Максимов 2020, 36]; за эту же быстроту в приготовлении ее называли еще *скородумкой* [Максимов 2020, 113].

Такая официальная институализация и формализация, являющаяся условием и неотъемлемой составляющей ортодоксальных православных прошаков, резко отличала их от старообрядцев, также занимавшихся прошениями подаяний своему сокрытому от людей скиту, но не имевших какого-либо статуса и могущих быть за эту деятельность даже сосланными в Сибирь. Их и называли иначе – *запрощиками*, и миссия у них была иная – не только просить вспоможения, в частности у разбогатевших старообрядцев, но и проповедовать свое учение. Для этого, конечно, человек должен был обладать особыми качествами: быть грамотным, внушать доверие, уважение, даже благоволение своим строгим сановитым видом, почти неотъемлемой составляющей которого была почтенная осанка, большая широкая борода, длинные усы. Но главное он должен был быть умелым и искусным рассказчиком, ведь именно своими историями он в основном и влиял на успех своих сборов, вызывая в слушателях сострадание и жалость к мученикам старой веры. Мы не останавливаемся здесь подробнее на странниках-старообрядцах, хотя в книге С. Максимова им (скрытникам и другим разновидностям) посвящено большая глава [Максимов 2020, 352–510], поскольку подчеркиваем именно православные основания русского странничества. Но не можем не отметить, что странничество старообрядцев идет, так сказать, от отрицания мира, который, по их учению, уже находится во власти сатаны (каковым они иногда называли Петра Великого), что вынуждает их вести предельно замкнутый образ жизни, тогда как православные

странники не бегут от мира (например, в малодоступные леса или переходя с места на место) а, наоборот, стремятся открыть его, увидеть его божественную красоту и проникнуться ею. Поэтому и сами лица странников открыты, душевны, в чем-то даже, при очевидной трудности их реальной жизни, возвышенно-наивны, даже благолепны, хотя все-таки в целом, из-за зачастую неоднородной маргинальности их существования еще не являют ту *красоту благообразия*, которая отличает русских старцев [Дорофеев 2020], но уже стремятся к ее обретению, и немало сделали для ее обретения.

Итак, можно было бы сказать, что наличие такого официального документа являлось тем нормативным условием и механизмом, которое делало в глазах народа такого прошака «человеком Божьим» с соответствующим отношением к нему. Но точнее, впрочем, говорить о том, что сам этот документ стал возможен как определенная официальная объективация или манифестация специфически русского религиозного чувства, как институализация и юридическая формализация на основе исконно присущей русскому народу любви к людям, просящим «Христа ради», причем просящим не себе, а храму, Божьему дому, по сути – ради самого Христа. Такой человек, собирающий на нужды храма именем Бога, воспринимался как несущий на себе Божью благодать, и способный щедро одаривать ею всех тех, кто ему помогает, тем самым сильнее откупая поданными в «сборную книгу» грошами свои грехи, чем поповы молитвы и даже собственное покаяние. Отсюда и неоднородное отношение к такому страннику, ведь в нем видели одновременно и сирого, «странного захожего», и приближенного Богу, возвышающегося над подавляющим большинством тем, что он посвятил, положил свою жизнь (или по крайней мере ее часть) Богу, служению Ему. И любовь в народе к такому человеку была вызвана в частности еще и тем, что он своим видом и образом жизни приближал к Богу людей, с ним соприкасающихся и помогающих ему, идя к ним смиренно навстречу. Поэтому он был близок и понятен людям, не осуждал их за грех, а лишь просил помочь ему – он, который, возможно, сам может помочь всем, ведь за ним видели самого Иисуса Христа.

Неудивительно, что выбор людей на дело странников-прошаков был довольно ответственным. В случае монахов это был особый вид послушания «сборной памяти», который мог продолжаться не один год. Что касается мирян, то деревенские батюшки или представители храмового причта выбирали на эту миссию особых «церковных ревнителей», которые выделялись среди прочих особым жизненным складом, характером, образом жизни (в частности, отношением к церковным службам) и, несомненно, особой благолепной внешностью [Максимов 2020, 18–23]. Чаще всего это были богомольные и хозяйственно обеспеченные старики или явно выделяющиеся среди остальных своей религиозностью люди среднего возраста. Перед нами целый *тип* бытовавших в России людей, готовых пойти странником по дорогам с конкретной целью сбора подаяний для своей церквушки. «Этого сорта люди иногда возбуждают жалость и сострадание к видимой ненадобности их существования, как бы к людям лишним, но первые же шаги знакомства с ними не замедлят показать, что это самые симпатичные люди в среде нашего простонародья. Беспольные во всю свою жизнь, они являются подлинными избранниками по призванию, когда придет час их служения, и творят чудеса при энергии, когда откроется благоприятный случай» [Максимов 2020, 23].

Видимо, не все были готовы к этому странническому подвигу, что-то должно было быть в человеке, помимо искренней приверженности православию и своему приходу, чтобы он бы готов связать свою жизнь, пускай и на определенный период, с дорогами. Ведь помимо опасностей и неопределенности такого существования, человек должен был быть готов отказаться от своего способа и образа жизни ради принципиального нового, полагаемого миссией служения Богу на русских дорогах. Перед нами особого вида мирское послушание, самоотречение и смирение, связанное с испытанием дорогами и возможным преображением на них. И когда такой человек после своего странничества возвращался в село или деревню, от людей был ему большой почет и уважение, так как в нем видели уже другого, нежели он был раньше, преображенного страннической благодатью, и таким

его делало служение Богу на дорогах России. Видимо, и сам человек ощущал, что опыт странничества сделал его другим, и прежний оседлый образ жизни, который он принимал как естественный, многим из них уже стал казаться пресным и скучным. Став хоть раз образом жизни, пусть лишь и на определенный период, дорога не отпускает уже от себя, призывая вернуться на ее проторенные и не очень тропинки, которыми так славится Русь. «Раз попавшийся на эту зарубку не соскакивает и очень часто всю жизнь свою изнашивает на подобных странствиях, пока не подломятся ноги и хвороба или дряхлость не уложат на печь прислушиваться к чуткому звону церковного колокола, вылитого его усердием и бескорыстным и неустанным стяжанием» [Максимов 2020, 46].

Такой образ странника, конечно, органично вписывается в представление о Святой Руси, которое, при всей своей духовной привлекательности, является однородной схематизацией и даже идеализацией, если им только и ограничиваться, закрывая глаза на *реальную* сложно организованную множественность явлений, встречающихся на русских дорогах. Было бы, наверное, странно, если бы при таком почитании в русской народной культуре православия, благолепия церковей, людей, выпрашивающих подаяния на них на бескрайних русских дорогах, не появились бы и те, кто, так сказать, использует такое утвердившееся в русском этосе религиозно-ценностное отношение в своих корыстных интересах. В конце концов, на любом поле возрастают не только цветы, но и лопухи, важно лишь чего на нем больше, что является определяющим при взгляде на него.

3.

С.В. Максимов в этой связи подробно говорит о *кубраках и лаборях*. И те и другие (первые, в основном мещане, были белорусами, вторые, из крестьян, – малороссами) сделали собирание денег на храмы способом профессионального зарабатывания денег, промыслом или, говоря современным языком, бизнесом на дорогах, умело использующим для наживы религиозное чувство русского народа. Мстиславль был столицей кубраче-

ства, где такого рода деятельность была поставлена на поток и ей занималось достаточно большое количество людей, составляя между собой своего рода цеховую артель. Естественно, у этой деятельности была и своя четко выработанная техника, позволяющая сделать максимально эффективным этот промысел по выпрашиванию денег и о которой не задумывались искрение богомольные прошаки. Так, например, кубраки и лаброки, будучи умелыми разговорщиками и отличаясь словоохотливостью, всегда знали с кем и как надо говорить, используя то витиеватую заумную речь, то слова попроще, умея вести себя скромно, льстиво или учтиво, часто беззастенчивым обманом вызывая жалость и сострадание, тем самым проникая «в тайны благотворительных сердец и в свойства характеров благотворителей» [Максимов 2020, 76] – и это при полном осознании и признании всей недостойности построенного на обмане такого рода дела. Отличал их и внешний вид, в котором почти неизменной составляющей была шапка с козырьком, долгополый черный армяк, кожаные сапоги – это ведь тоже способствовало успеху предприятия! Поскольку в дорогу отправлялись не в одиночку, а по 3–4 человека, то главный организатор нанимал остальных, выплачивал заранее каждому оговоренную сумму, оформлял для них паспорта и одевал их. Если прошаки в основном странствовали пешком, то кубраки, чтобы захватить большие территории, передвигались на телеге, которую, вместе с лошастью, тоже надо было купить. А ведь еще нужно было приобрести «сборную книгу», позволяющую легитимировать весь этот процесс – для этого нужно было «отблагодарить» благочинного, чтобы он рекомендовал их консистории, и в самой консистории, чтобы выдали разрешения на собирание денег по максимально большой территории России. Как пишет Максимов, «грехов и расходов было много» – для того чтобы пуститься в дорогу обычно нужно было около 200 рублей [Максимов 2020, 79].

Как видно, подготовка была серьезная, да ведь и отправлялись на «сборы» на длительный срок – на год, а то и два. За это время они, как и гастарбайтеры XXI в., регулярно высылали своим семьям деньги, вполне достаточные для безбедного существования,

да и сами в конце концов приносили вполне приличные средства. По данным Могилевской консистории, к которой был причислен Мстиславль, в 1865 на сбор были уполномочены 51 человек, которые принесли 7 969 рублей, в среднем на каждого по 156 руб., а в 1866 году 42 человека принесли 10 512 рублей, в среднем на каждого около 250 рублей. Эти суммы были прописаны в «сборных книжках», но там была прописана лишь малая часть собранных денег, а реальный доход кубраков за год хождений («выхаживаний»), по подсчетам Максимова, был до 1 000 рублей (а ведь были еще, например, и жертвуемые церквям ткани, передаваемые кубраками своим женам) [Максимов 2020, 84]. Что говорить, деньги очень большие, но, доставшись легко и не благим делом, они, как только кубрак возвращается домой, не шли им впрок и также легко и быстро уходили, тратясь на многодневные пиры и, конечно, выпивку, в которой, впрочем, они не отказывают себе и во время хождений. Поэтому отекавшее, с крепкого похмелья лицо кубраков и лаборей также черта их образа и выразительное свидетельство их жизни, которая и складывается из циклических, следующих друг за другом периодов шатаний по дорогам, и гуляний на добытые скверным обманом деньги.

Надо сказать, что русская дорога всегда многих из нищей братии кормила. Правда, одни выходили на нее вследствие случившегося с ними несчастья, по необходимости и на время, не имея по сути другого выхода. Таковы были, например, *погорельцы*, которые с характерным для Руси постоянством на протяжении веков появлялись именно в осеннее время – скорей всего, потому, что после празднований по поводу сбора урожая количество пожаров резко увеличивалось. Такие становились странниками на какой-то период, до тех пор, пока не собирали хоть сколько-нибудь денег на начало нового жизненного обустройства. А помогали им на деревнях и весях беззаветно, со всей присущей русскому народу страстью жалости и сострадания. К тому же пожар мог прийти к каждому, и недаром в России говорили и продолжают говорить, что «от тюрьмы и от сумы не зарекайся»: а сума ведь это и есть неотъемлемый атрибут русского странника. Дорога может стать приста-

нищем каждого, поэтому помогая идущему на ней погорельцу, люди, возможно, с одной стороны, стремились отвести от себя эту возможность, а с другой – видели и себя в этом образе.

Но были и другие, для которых дорога, а точнее говоря, сердобольный отклик русского сердца на скитающихся и Христовым именем бродящих по ней был профессионально поставленным и организованным промыслом, способом нехитрого, но имеющего свои секреты и приемы зарабатывания, нередко и весьма прибыльного³. Житье попрошайством есть настоящая уличная, дорожная премудрость, в которой все – внешний образ, речь, выдуманные истории, знание народного этоса, устоев и архетипов, православные ассоциации – прагматично используется с целью получения максимальной прибыли выбирающими это ремесло. Называли их, в зависимости от региона, по-разному, в основном *нищоброды* и *калуны* (так, например, нищоброды из староверов назывались *гусялки*, а из Можайского и Верейского уездов – *шувалики*). В отличие от кубраков и лаборей, они уже не прикрывались именем церкви, необходимостью ее постройки или ремонта и соответствующими документами, а откровенно занимались выпрашиванием себе «Христа ради». Были такие нищие *сезонными странниками*, точнее сказать, бродячими попрошайками, пик деятельности которых приходится на лето и осень, самые «хлебные» времена, а к концу зимы или, в крайнем случае, к началу поста, когда крестьянам и себя-то кормить нечем, возвращаются к себе домой. «Христарадят» эти «промышленники Христовым именем» [Максимов 2020, 146, 177] всегда группой, объединяясь в целые артели, человек до 10, которые или составляют настоящий семейный подряд, включая увечных и немощных (лишь бы ходить могли) или нанимаются главным организатором этого коммерческого предприятия, определяющего каждому его месячную или понедельную плату.

Причем артель эта состоит большей части из ребят до 10-13 лет [2], двух-трех взрослых мужчин, а также женщин, настоящих плакс, зарабатывающих прежде всего складными, умело давящими на народную жалость и сострадание причитаниями, явля-

ющих собой целый отдельный жанр народной поэзии. Так и промышляли – иначе и не скажешь – они на русских дорогах, притворяясь то погорельцами, то убогими (даже специально имитируя то или иное увечье), то юродами (юродивыми). Вот как описывает С.В. Максимов *судогодских нищобродов*, самых древних, известных, многочисленных и «профессиональных»: «Рваные бараньи шапчонки на нечесаных головах, бороды неприглаженные и волосы на них космочками, как пишут на старинных иконах Христа ради юродивых. К тому же лица неумытые и грязные, и на теле все домотконное и рваное, с большими и яркими заплатами: серые зипуны и понитки (понитки – это летний крестьянский кафтан из плотной домотканной материи у восточных славян). У баб (и в ситцевой стороне) вместо всякого платка кусок простого белого холста, похожего на тряпку» [Максимов 2020, 179].

4.

Особое место среди типологических портретов русской дороги занимают *калики переходжие*, которыми в XIX веке были артели слепцов, под водительством нанятого ими же поводыря, обычно мальчика-подростка. Название это происходит от слова *калиги* (ср. греч. *καλίγια* и лат. *caligae*) – еще у древних римлян это была солдатская обувь для длительных переходов с толстой подошвой, покрытой шипами (Калигула, прозвище римского императора, означало «сапожок»); в дальнейшем стала пониматься как вид страннической обуви, сапог с низким голенищем. В древней Руси калика означала также сумку и кошель, частые атрибуты странников, и неудивительно, что каликами обозначали странствующих паломников, например в Святую землю (они упоминаются в «Хождениях Даниила игумена» и в сочинении Стефана Новгородца). Сумка, мешок являлись отличительными знаками образа западных и русских странников. При этом в древние времена каликами называли также и воинов-богатырей, променявших поприще житейской славы на подвиг святой пустынной жизни, что еще раз подтверждает энантиосемию термина «странник» [Степанов 2001, 185]. Некоторые бедные калики и после возвращения из паломничества

оставались переходными просителями милостыни, рассказывая, в частности, о своих скитаниях, чем и жили; с другой стороны, часто в странничество отправлялись по необходимости, от крайней бедноты. Постепенно это слово приобрело значение нищего странника, а поскольку чаще всего просили «Христа ради» убогие, с врожденными недостатками (в частности, слепотой), то это значение слова расширилось и впоследствии даже преобразовалось в слово «калека», то есть инвалид, недееспособный, увечный.

На Руси издревле особо любили и жалели сырых и убогих, особенно слепцов, для которых строились особые странноприимные дома, в каждой деревне готовы были выделить отдельное помещение, и даже московские цари, например Алексей Михайлович, выстраивали для них отдельные палаты. За это калики переходные щедро одаривали своих милостивцев рассказами диковинных историй и былин, но особенно распевом духовных стихов и песен, из которых самыми популярными в XIX веке были на тему жития юродивого Алексея человека Божия, о Вознесении, о Страшном Суде (например, в Малороссии таких слепых певцов, подыгрывающих себе на лире, называли «*лирниками*», а в Белоруссии «*волошебниками*» и «*лалышниками*», духовными песнями с дудой и скрипкой). Исследовать это явление и собирать эти стихи как важную составляющую традиционной русской культуры начали уже в XIX веке: [Безсонов 1861; Безсонов 1863]. Конечно, особенное, почти гипнотическое влияние на народную душу имели эти распевы не на ярмарках и базарах, а на церковной паперти и под монастырскими стенами, словно освещаясь и преображаясь там благодатной энергетикой православной памяти народа, в которой идеалы аскетизма сочетались с былинным духом. Такие калики были неотъемлемой частью, почти символом русской культуры, и неудивительно, что они обладали даже своими отдельными юридическими правами.

Но финансовый успех пения каликов здесь во многом зависел от места, которое они занимали на богомолье и у которого была своя цена. Так, за нахождение у святых ворот нужно было платить монастырским властям 20 рублей, а еще более выигрышное сидячее

место на церковной паперти стоило еще больше [Максимов 2020, 267]. «Ужасно любит народ слушать этих слепых горланов, и не знаю, любит ли он еще что-нибудь больше. Это пение... умиляет душу и освежает нравственное чувство простолюдина. Уча в то же время терпеливо переносить превратности жизни. Здесь он желает видеть выражение своих лучших и задушевных мыслей и чувств. ... Они поют для денег – он этого понимать не хочет и думает, что слепцы священнодействуют. Он очень искренне требует и приличной обстановки, и своего рода торжественности, и смирения во взорах и голосах. Пусть они обманывают, пусть уже ночью пропьют все собранные здесь деньги – что ему за дело? Ему и в голову не приходит ничего, кроме той мысли и представления, что перед ними творится священная служба, совершается умирительное таинство. ... Конечно, лучше обмануться, чем терять верования в свои вековые помыслы» [Максимов 2020, 239–240].

5.

И все же, конечно, самыми архетипичными представителями многообразного религиозно окрашенного страннического сословия на русских дорогах были *богомольцы*. Как пел Владимир Высоцкий, «купола в России кроют чистым золотом, // чтобы чаще Господь замечал». И эти же купола церквей и храмов, особенно чем-то прославленных, например, святыми мощами, чудотворными иконами, старцами, выразительно проповедующими батюшками, даже только лишь искусными певчими, являлись точкой сильного притяжения и для самих русских людей, особенно в дни больших праздников (которые часто приходились на время, свободное от крестьянских работ). Центрами такого притяжения являлись монастыри, а учитывая их количество (на 1 января 1887 г. в России числилось 667 монастырей, 420 мужских и 267 женских, из которых 342 штатных, 7 ставропигиальных и 4 лавры [Зверинский (ред.) 1887, 5–8]; к 1914 году их было уже больше 1000), понятно, что выбор для богомолья был большой. Более того, в каждой части России, даже если не брать столицы, можно найти в достаточном количестве особо почитаемые места: на Се-

вере это Валаам, Соловецкие острова, Тихвин, Новгород, Псково-Печерская лавра, в средней полосе это Троице-Сергеева лавра, Оптина и Саровская пустынь, на юге это Киево-Печерская и Почаевская лавра, святыни Воронежа и Задонска – и это только небольшая часть. Прекрасное описание такого монастырского богомолья, которое было вызвано желанием видеть живущего в скиту и получившего уже широкую известность старца, получить от него благословение и наставление, прикоснуться к нему, попросить помолиться за умершего или даже просто увидеть его и на которое стекались со всей России, часто совершая по много сотен верст, представлено Достоевским в «Братьях Карамазовых», где говорится об общении отца Зосимы с приехавшим его услышать или только даже увидеть народом [Достоевский 1982, 35–36, 54–61]. Известно, что Федор Михайлович писал эти страницы в Старой Русе опираясь на свой личный опыт посещения старца Амвросия в Оптиной пустыни в 1878 г., к которому приезжали не только, что называется, люди из народа, но и свет русской интеллигенции – Н. Гоголь, братья Киреевские, Л. Толстой, Вл. Соловьев, К. Леонтьев и др. [Григорьев 2001; Беловолов 1997]. Во второй половине XIX века богомолье было явлением массовым, объединявшим если и не все российское общество, то большую его часть. Так, только одну Киево-Печерскую лавру, по подсчетам С.В. Максимова, посетило в 1861 году 177 000 паломников [Максимов 2020, 341].

Как может показаться, такой религиозной перспективе рассмотрения странника в русской культуре наиболее близок образ европейского *пилигрима* (от лат. *peregrinus* – чужеземец, странник) или *паломника*, названного так благодаря веточкам пальмы (лат. *palma*), которыми встречали приехавшего в Иерусалим Иисуса Христа и которые было принято привозить из Святой земли (в русском православии, как известно, праздник Вхождения Иисуса в Иерусалим называется «вербное воскресение»: за неимением пальм в нашей северной стране освященные веточки верб знаменуют собой одновременно праздник и предзнаменование Голгофы).

Со временем, происходя из древних христианских традиций, паломничество стало

обозначать поездки с целью религиозного поклонения к любым христианским и не только святыням, будь то древнегреческие Дельфы, храмы Аммона в египетских Фивах, буддистские пагоды в Китае, мусульманские Мекка и Медина, православный Афон и католический Рим или что-то еще. Кроме того, странник-пилигрим стал уже пониматься безотносительно от устремленности к конкретному месту, но аллегорически, как стремящийся к трансцендентным божественным далям и поиску Бога, как это представлено, например, в написанном в конце XVII века романе Джона Беньяна «Путешествие пилигрима в Небесную Страну» [Беньян 2021]. И все-таки мы бы не спешили отождествлять европейского паломника-пилигрима и русского странника-богомольца, поскольку эти с виду столь схожие феномены паломничества, с одной стороны, и хождения-богомолья, с другой, подпитывались и формировались разными культурными традициями. Правда, к концу XVII века – началу XVIII века, когда Европа стала все активнее влиять на Русь (что очень наглядно представлено в изменении иконописи), западные термины стали активно проникать в русскую культуру и стали обозначать собой традиционные религиозные «хождения», как это видно по путевым запискам черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского, использующего для этого мало употребляемый сейчас термин «пелгримация» [Ольшевская, Травников 2019].

Для многих православный дух этих святых мест был достаточной причиной пуститься в далекое, занимающееся до нескольких месяцев, а то и года (если целью было посещение Афона, Иерусалима или Царьграда) странствие, требующее особой решимости и расходов. Нужно понимать, что, помимо пусть и минимальных, но дорожных расходов, предполагались траты и в самом монастыре, который очень рассчитывал на паломников, приносящих с собой пожертвования. Однако и помимо этих «дальних богомольцев» существовало еще большее количество тех «ближних богомольцев», кто постоянно отправлялся в близлежащие храмы и монастыри. Так, в написанной уже в эмиграции в 1931 г. автобиографичной повести «Богомолье» И.С. Шмелев очень душевно, лично, аутентично

передавая атмосферу русской дореволюционной жизни, описывает, как один из работников его отца, плотник Михаил Горькин, решает отправиться в *небольшое духовное странствие* из Москвы в Сергиев Посад и Троице-Сергиеву лавру (с ним в итоге разрешается отправиться и самому юному Ване). Всего набирается 5 человек, которые и следуют к Преподобному из Москвы по *Святой Дороге*, встречая на ней и многочисленных пеших богомольцев (сами они следовали на телеге, хотя часто, подчеркивая сакральную значимость испытания, шли пешком рядом с ней), прошаков, нищую братию и повсюду испытывая на себе уважительно-благодарное, почти-тительное отношение тех, с кем они сталкивались, но кто по тем или иным причинам не мог позволить себе такого духовного удовольствия – отправиться на поклон и молитву к Преподобному Сергию Радонежскому. Вот что говорит один купец, хозяин чайной лавки на Святой Дороге, у которого наши странники остановились передохнуть: «А богомольцев не из корысти принимаю, а нельзя обижать Угодника. Спокон веков от родителей. Дорога наша свята, по ней и цари к Преподобному ходили. В давние времена мы солому заготовливали под царей, с того и Соломяткины. У нас и Сбитневы есть, и Пироговы. Мной, может, и покончится, а закон держу. Кака корысть! Зимой – метель на дворе, клюшкой стучит в окошко: «Пустите, кормильцы, заночевать!» Иди. Святое дело, от старины. Может, Господь, заплатит» [Шмелев 2018, 532]. Такое богомолье, тем более непосредственно сам переход, не занимало слишком много времени, но к нему долго готовились, часто вспоминали и рассказывали о нем, оно имело большую духовную ценность и для самого богомольца, и для других – что же говорить о странствии в отдаленные места и о высоком уважении и почитании тех, кто нашел в себе силы отправиться в него!

Конкретная цель такого богомолья, указываемая и в дорожных документах как причина временного отлучения из крестьянской общины, могла быть самая разная: замалывать свои грехи, получить благословение и напутствие от старца, просить перед иконой святого о благополучном совершении важных дел (женитьбы, призыва в армию, постройки но-

вого дома, урожая), поминать почивших родных и сельчан, отслужить молебен. И все-таки еще более важным было даже не это, а возможность пережить (причем не столько индивидуально, сколько соборно, в общине единоверцев) ту духовную, почти пасхальную светлую радость, которой приобщался русский человек становясь странником, направлявшимся к православным святыням. Ивану Шмелеву очень точно и выразительно удалось передать именно этот радостный настрой богомолья: для участвующих в нем людей это не обязанность, а светлый праздник, вызванный приближением к Богу и его Угоднику и способный преобразить и их самих, и весь окружающий мир в их глазах.

Чаще всего на богомолье отправлялись группами, от двух-трех человек до десяти, и это было вызвано не столько причинами безопасности (все-таки дорога, даже если она относительно недалекая, всегда таит в себе непредвиденные опасности), сколько тем, что порыв отправиться на поклон к святым местам был не индивидуальным состоянием, проявлением и выбором конкретного человека, а охватывал собой целые группы людей, являясь, особенно в крестьянской среде, откуда было большинство странников, выражением их православной соборной общности. Впрочем, определяясь цикличностью жизни и природным порядком организации сознания крестьянина, подымаясь как приливы в определенное время, эти порывы в определенный момент, словно отливы, спадали, ожидая времени для своего очередного возникновения. И только лишь единицы выбирали для себя странничество как постоянный образ жизни, определяемый дорогами богомолья к святыням, уже известным из прошлого опыта хождений или только предстоящим. Естественно, такие странники шли по русским дорогам в одиночку, лишь изредка и на определенном этапе находя себе временных попутчиков. Они действительно освобождались тем самым от прежней жизни, в которой у них могла быть семья, дом, связанные с бытовыми проблемами заботы; наверное, самым наглядным выражением такого разрыва с прошлым являлась смена имени [Сидоров 2002, 350–358].

Такого странника мы встречаем на страницах сочинения второй половины XIX века

«Откровенные рассказы странника духовному отцу своему», представляющего, наверное, самый выразительный и глубокий (хотя в своих трех частях и очень неоднородный) портретный образ русского религиозного странничества, воплощающего в своем образе и в своей жизни принципы православного исихазма. Недаром он начинает свое странствие с желания узнать, как возможно достичь постоянно звучащей в сердце Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»), и в его скудной котомке всегда лежит «Добротолубие», собрание пронизанных исихастским духом православных аскетических текстов IV–XV вв., к чтению которого он обращается ежедневно.

Но это не искусственно измышленный образ. Думается, что такой образ реален в своей собирательности, наподобие, например, образа странника Макара Ивановича Долгорукого из «Подростка» Достоевского, который также воплощает собой благообразную красоту русских старцев, или Михаила Панкратыча Горкина из повести И. Шмелева «Богомолье», который светится благолепным умилением, оставаясь простым реальным плотником, или старец, открывающий мистические тайны молитвы и божественной сущности имени Иисуса Христа в сочинении схимонаха Илариона «На горах Кавказа». Более того, Россия, пусть и не часто, рождала таких *духовных светильников*, которые были ориентирами, маяками, наставниками для многих и многих русских людей, встающих на путь к Богу, идущими по нему и взывающим помощи на нем. Просто подобные образы русской народной религиозности, шанс встретить которых на русских дорогах, особенно в провинции, всегда (возможно, и в наши дни) есть, воплощают собой во всей чистоте, полноте и выразительности тот православный дух русского странничества, который издревле на протяжении многих веков формировался на Руси многочисленными представителями страннического движения и с которыми мы сталкиваемся на полотнах русских художников и страницах книг русских поэтов и писателей XIX–XX веков. И русская литература, живопись, даже фотография начала XX в. (например, Карл Булла) обращалась к образам таких странников из реальной жизни России

того времени, среди которых были и известные на всю страны подвижники на дорогах, выбравшие странничество для себя православным подвигом жизни во имя Бога. Достаточно вспомнить лишь Митю Козельского и Василия Босоногого, Александра Крайнева и Ивана Троицкого, Матрону Босоногую и Ивана Лапина и многих, многих других, причем из самых разных слоев общества.

Даже сам образ таких странников был преобразен их религиозным подвигом и *послушанием на дорогах*, и этим они отличались от просто нищенствующих побирушек, хотя, казалось бы, внешних отличий между ними и не было. И здесь особую ценность имеют впечатления от непосредственных встреч с странниками и странницами, которыми так богата небольшая книга свящ. Сергия Сидорова, рассказывающего, например, о «светлой страннице Марьюшке» [Сидоров 2002, 338]. Но послушаем его внимательней: «Рядом со мной стояла нищенка. Она была одета в синее широкое платье. Черный с белым платок закрывал ее до половины. В руках вместо вербы была палка с прилепленным огарком. Но, несмотря на это, *по лицу ее, особенно по рукам, можно было догадаться, что она из иного мира и не принадлежит к этим тягучим припадающим нищим*. Лицо ее было очень правильно. Помню изгибы бровей и твердый рот, сосредоточенно сомкнутый. Глаз ее я не заметил: они были закрыты длинными темными ресницами. Руки, очень красивые, маленькие, с острыми и слишком узенькими пальцами, лежали на полке. Она кланялась и изредка, не поднимая ресниц, протягивала руку. Я с изумлением замечал, что никто особенно не обращал на нее внимания. ...И теперь... мне кажется, что и я видел такую странницу под маской нищенства, несущую светлый подвиг отрицания былой греховной жизни» [Сидоров 2002, 357–358]. Или еще одно описание того же автора: «Впереди шел странник. Я как бы впервые подробно разглядел его лицо. Он был строг и важен. Борода седая, длинная, густая покрывала грудь. Черные брови. Острые пытливые голубые глаза выражали глубокую веру. Такие глаза были у древних святых, что шли по дорогам Руси, неся новую истину неверным язычникам в раннем рассвете христиан-

ства на родине нашей» [Сидоров 2002, 336]. Так перед нами предстает сформированный подвигом странствия эстетический образ русского православного странника, в чем-то самом важном больше говорящий о подлинном духе православия, чем любые слова. Вглядываясь в него можно увидеть не только следы уникального духовного жизненного опыта, характеризующего путь конкретного человека к открытию Бога, самого себя и мира, но и просвечивающуюся в нем душу, этос, лик всей Руси.

С.В. Максимов также представляет нам портрет одного из таких странников-богомольцев [Максимов 2020, 285–291]. Странствовал он уже шестой год, много уже обошел святынь и даже не по одному разу, как, например, в любимой им Киево-Печерской лавре, имел свою цикличность посещений, каждый год регулярно бывая в Троице-Сергиевой лавре, сподобился побывать даже на Афоне и теперь мечтает посетить храм Гроба Господня в Иерусалиме. Для таких дальних странствий, понятное дело, нужны средства. «Экономика» русских странников-богомолов была связана с тем, что им давали *поминальные деньги*, которые жертвовались на дорогу с просьбой заказать поименные службы, во здравие и за упокой, привести просфорку, поставить лампадки, прочитав молитвы перед иконами и т. п. в знаменитых православных святынях, обителях и церквях. Сами такие «заказчики», даже вполне состоятельные, не могли по разным причинам доехать в эти места, но очень хотели бы и желали приложиться хотя бы так, опосредованно, через странствующего модельщика. В страннике видели представителя, «депутата» в святых местах, и поскольку каждое из этих мест обладало своей неповторимой благодатью, то в нем видели ее живое воплощение и, давая ему заказ, верили, что часть этой благодати может перейти и на них. Кроме того, сама такая поддержка странника обладала собственной бескорыстной самоценностью. Поэтому почти неперменной составляющей такого богомола была сумма с чужими поминальниками, а деньги на них лежали зашитыми в подряснике или пояске. Кстати, по этой же причине направление страннических дорог зачастую определялось не самим странником, а пожеланиями таких заказчиков.

Конечно, такие странники принципиально отличаются – и в своем эстетическом образе, и по своим внутренним религиозным установкам и принципам – не только от западных паломников-пилигримов, но и от тех, кто, как отмечают С. Максимов и автор «Откровенных рассказов странника», становятся странниками «от нечего делать или по лености к делу, да и шалят на дороге» [Откровенные рассказы... 2002, 94]. Наш же герой во время своих странствий часто нанимается на временную работу, хотя может и Христовым именем прокормить себя или быть принятым с любовью странноприимцами. Но нельзя не признать, что таких, кто «зарабатывал» на почитаемом в народе образе русского странника, в XIX в. тоже было достаточно. Действительно, такая ярко выраженная, на протяжении всей жизни, личная религиозно-мистическая исихастская направленность в реальности встречалась довольно редко, требуя особого склада и подвижничества (отчего таких странников в народе очень любили и уважали); в основном такие люди странствовали в одиночку, хотя нарочито и не чуждались людей и общения с ними. Гораздо чаще встречались те, кто выбирал дорогу или как способ зарабатывания денег, или исполнения, пусть и искреннего, поручения по сбору денег на церковь. Подтверждением этому выступает один эпизод из «Откровенных рассказов странника». Однажды странника на большой дороге встретили по всей видимости беглые солдаты и, услышав в ответ на требования отдать все деньги, что их у него совсем нет, «дерзко кричали»: «Врешь! Странники много набирают денег!» [Откровенные рассказы... 2002, 27]. По всей видимости, в народе сложилось устойчивое представление, что странники, в самом широком смысле этого понятия, или зарабатывают себе денег посредством «христорадить», или выпрашивают на церковь, или получают их для заказа поименных служб в святых местах, но в любом случае их имеют, хотя странничество могло быть и иным, самоценным и «бескорыстным» образом жизни.

Впрочем, как одинокое странничество, так и коллективное; как проникнутое искренним религиозным чувством, так и паразитирующее на нем; как молчаливо-созерцатель-

ное, так и словоохотливое; как постоянное, являющееся выбранным образом жизни, так и временное, на какой-то, пусть даже не очень большой промежуток времени – все это проявления того неоднородного многообразного феномена русского религиозного странничества XIX века, без которого трудно понять русское православие и русскую душу, причем не только прошлого, но и настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре».

This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 2001100385a: “The iconography of ancient and medieval philosophers in Orthodox churches: the specificity of the visual representation of man in Russian culture”.

² С.В. Максимов отмечает, что на храмы Николая Чудотворца просили чаще всего (есть и соответствующая поговорка «Призывай Бога на помощь, а св. Николая в путь!»), хотя предпочтения во многом определялись географической принадлежностью просильщика – так, например, на храм Богородице, прежде всего Успения и Рождества Ее, чаще всего просили выходцы из московской (восточной и центральной) Руси, на церковь Спаса – из западных и северных регионов, а на юге особо почитался св. пророк Илья; также нужно учитывать и особо почитаемых в конкретных городах местночтимых святых, икон, праздников, которым посвящались там церкви.

³ Нужно понимать, что в многочисленных бедных русских крестьянских семьях с большим количеством детей из-за невозможности прокормить их часто отдавали на такого рода деятельность. Перед нами социально-экономический и даже частично политический аспект русского странничества, который требует отдельного изучения и который не входит в горизонт нашего исследования, при том, что не указать на него мы не могли. Феномен распространения и самоорганизации, в том числе криминальной, «нищей братии» не ограничился средневековой Русью или XIX в., ведь как раньше она шла на ярмарки, базары и в монастыри, так и сейчас она выбирает для себя крупные мегаполисы, занимаясь в метро или на улицах игрой на религиозной памяти народа, жалостливым попрошайничеством. И очевидно, что государство несет за это свою и немалую долю ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безсонов 1861 – *Безсонов П.А.* Калики переходные. Сборник стихов и исследование. В 2 ч. Ч. 1. М.: В Типографии А. Семена, 1861.
- Безсонов 1863 – *Безсонов П.А.* Калики переходные. Сборник стихов и исследование. В 2 ч. Ч. 2. М.: В Типографии А. Семена, 1863.
- Беловолов 1997 – *Беловолов Г.*, священник. Оптинские предания о Достоевском // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 14. СПб.: Наука, 1997. С. 301–312.
- Беньян 2021 – *Беньян Дж.* Путешествие пилигрима в Небесную Страну. М.: Рипол-Классик, 2021.
- Григорьев 2001 – *Григорьев Дм., прот.* Преподобный Амвросий и старец Зосима: у истоков религиозно-философских взглядов писателя // Достоевский. Материалы исследования Т. 16. СПб.: Наука. 2001. С. 150–164.
- Дорофеев 2020 – *Дорофеев Д.Ю.* Русские старцы: эстетика благообразной красоты // Дискурс. СПб.: ЛЭТИ, 2020. Т. 6, вып. 4. С. 5–21.
- Достоевский 1982 – *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1982.
- Зверинский (ред.) 1887 – *Зверинский В.В. (ред.)*. Монастыри в Российской империи: стат. очерк и перечень существующих монастырей. СПб.: Тип. Эттингера, 1887.
- Максимов 2020 – *Максимов С.В.* Бродячая Русь Христа ради. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.
- Мартынова 1987 – *Мартынова А.Н.* Бытописатель земли русской (Куль.-ист. очерк о писателе, ученом-этнографе С.В. Максимова). М.: Молодая гвардия, 1987.
- Ольшевская, Травников 2019 – *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Пеллигримация, или путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709. М.: Наука, 2019.
- Откровенные рассказы... 2002 – Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Свящ. Сергей Сидоров. О странниках Русской земли. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2002. С. 7–295.
- Сидоров 2002 – *Сидоров С., священник.* О странниках земли русской // Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Свящ. Сергей Сидоров. О странниках Русской земли. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2002. С. 295–371.
- Степанов 2001 – *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001.
- Шмелев 2018 – *Шмелев И.С.* Лето Господне. Богомолье. Старый Валаам. Минск: Белорусская православная церковь, 2018.

REFERENCES

- Bezsonov P., 1861. *Kaliki Wanders. Collection of Poems and Research. In 2 Pt. Pt. 1.* Moscow, V Tipografii A. Semena.
- Bezsonov P., 1863. *Kaliki Wanders. Collection of Poems and Research. In 2 Pt. Pt. 2.* Moscow, V Tipografii A. Semena.
- Belovolov G., priest, 1997. Optina Legends About Dostoevsky. *Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 14.* Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 301-312.
- Bunyan J., 2021. *Pilgrim's Progress to the Heavenly Land.* Moscow, Ripol-Klassik Publ.
- Grigoriev Dm., prot., 2001. St. Ambrose and the Elder Zosima: At the Origins of the Religious and Philosophical Views of the Writer. *Dostoevsky. Materials and Research. Vol. 16.* Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 150-164.
- Dorofeev D.Yu., 2020. Russian Elders: Aesthetics of Fine Beauty. *Discourse.* Saint Petersburg, LETI Publ., 2020, vol. 6, iss. 4, pp. 5-21.
- Dostoevsky F.M., 1982. *Collected Works. In 12 Vols. Vol. 11.* Moscow, Pravda Publ.
- Zverinsky V.V., 1887. *Monasteries in the Russian Empire.* Saint Petersburg, Tip. Ettingera.
- Maksimov S.V., 2020. *Wandering Russia for Christ's Sake.* Saint Petersburg, Dmitry Bulanin.
- Martynova A.N., 1987. *Writer of the Russian Land (Cult.-Historical Essay on the Writer, Ethnographer S.V. Maksimov).* Moscow, Molodaya gvardiya Publ.
- Monasteries in the Russian Empire: Stat. Essay and List of Existing Monasteries.* Saint Petersburg, Tip. Ettingera, 1887.
- Olshevskaya L.A., Travnikov S.N., 2019. *Pelgrimage, or the Traveler of Ippolit Vishensky. 1707–1709.* Moscow, Nauka Publ.
- Frank Stories of a Wanderer to His Spiritual Father: Holy Sergei Sidorov. About Wanderers of the Russian Land.* Moscow, Orthodox St. Tikhon Theological Institute, 2002, pp. 7-295.
- Sidorov S., priest, 2002. About Wanderers of the Russian Land. *Frank Stories of a Wanderer to His Spiritual Father: Priest Sergei Sidorov. About Wanderers of the Russian Land.* Moscow, Pravoslavny Svyato-Tikhonovsky Bogoslovsky Institut, pp. 295-371.
- Stepanov Yu.S., 2001. *Constants: Dictionary of Russian Culture.* Moscow, Acad. proekt Publ.
- Shmelev I.S., 2018. *Summer of the Lord. Pilgrimage. Old Valaam.* Minsk, Belorusskaya pravoslavnaya tserkov.

Information About the Author

Daniil Yu. Dorofeev, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University, 21-ya liniya V.O., 2, 199106 Saint Petersburg, Russian Federation, dandorof@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1583-4545>

Информация об авторе

Даниил Юрьевич Дорофеев, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Санкт-Петербургский горный университет, ул. 21-я линия В.О., 2, 199106 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, dandorof@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1583-4545>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.2>

UDC 141.21:316.776.33
LBC 87.6

Submitted: 15.07.2022
Accepted: 05.12.2022

DISCOURSE ANALYSIS OF THE INTERACTIVE SERIES “NAYDEN_ZHIV” (FIRST SEASON) ¹

Sophia V. Tikhonova

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article deals with the discourse analysis of the mythologization of time in the interactive web series “Found Alive” (first season). The author explores the formation of interactive cinema, considering its genre, stylistic and technological features. The principal feature of interactive cinema is to change the communication scheme typical for cinema, in which the viewer is assigned a passive role. Since the viewer becomes a participant in the narrative of the film and can influence the development of its plot, the discourse of interactive cinema acquires new features associated with the introduction of computer game mechanics into the structure of the film. The formation of the temporal structures of the film is enriched by the potential of game mechanics, which requires calibration of research optics. Choosing N. Fairclough’s discourse analysis algorithm as a starting methodological point, the author uses J. Bogost’s ideas about the work of object-oriented ontology in the study of computer games. She refuses to consider the interactive component of the series as an additional narrative and focuses on identifying the work of the aesthetics, mechanics and dynamics of the game inserts of the film to analyze the experience they form. As a result, the discourse analysis of interactive cinema involves three levels: a syntagmatic analysis of the cinematic narrative, a paradigmatic analysis of the interactive game and an appeal to the external nodes of the narrative. The author shows that the key element of the discourse of the series “Nayden_Zhiv”, reproducing the principles of the work of the search and rescue team “LizaAlert”, is time as the main factor in the effectiveness of the search for a missing child. The film’s discourse forms the image of time as an anti-force opposing rescuers, clashing two temporal strategies. The strategy of the cinematic narrative is aimed at gradually accelerating the subjective perception of time, leading to an acute experience of its deficit. The interactive strategy uses the potential of slowing down when mastering simulators and solving quests in the subjective experience of the player delays the solution of the basic goal of the film. The external narrative nodes formed by the creators of the series when contacting the press, online and offline audiences coincide with its internal nodes. According to the author, the complex discourse of interactive cinema enhances the mythologization of time.

Key words: discus analysis, game studies, interactive cinema, time, mythologization of time, volunteers, “LizaAlert”, “Nayden_Zhiv”.

Citation. Tikhonova S.V. Discourse Analysis of the Interactive Series “Nayden_zhiv” (First Season). *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 20-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.2>

УДК 141.21:316.776.33
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 15.07.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ИНТЕРАКТИВНОГО СЕРИАЛА «НАЙДЕН_ЖИВ» (ПЕРВЫЙ СЕЗОН) ¹

Софья Владимировна Тихонова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена дискурсу-анализу мифологизации времени в интерактивном веб-сериале «Найден_жив» (первый сезон). Автор исследует становление интерактивного кинематографа, рассматривая его жанровые, стилистические и технологические особенности. Принципиальная особенность интерактивного кино заключается в изменении типовой для кинематографа схемы коммуникации, в которой зрителю

отводится пассивная роль. Поскольку зритель становится участником нарратива фильма и может влиять на развитие его сюжета, дискурс интерактивного кино приобретает новые черты, связанные с внедрением в структуру фильма механик компьютерных игр. Формирование структур темпоральности фильма обогащается потенциалом игровых механик, что требует калибровки исследовательской оптики. Выбирая в качестве отправной методологической точки алгоритм дискурс-анализа Н. Фэркло, автор использует идеи Я. Богоста о работе объектно-ориентированной онтологии в исследовании компьютерных игр. Он отказывается от рассмотрения интерактивного компонента сериала как дополнительного нарратива и ориентируется на выявление работы эстетик, механик и динамик игровых вставок фильма для анализа формируемого ими опыта. В итоге дискурс-анализ интерактивного кино предполагает три уровня: синтагматический анализ кинематографического нарратива, парадигматический анализ игрового интерактива и обращение к внешним узлам нарратива. Автор показывает, что ключевым элементом дискурса сериала «Найден_жив», воспроизводящему принципы работы поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт», является время как основной фактор эффективности поиска пропавшего ребенка. Дискурс фильма формирует образ времени как антисилы, противостоящей спасателям, сталкивая две темпоральных стратегии. Стратегия кинематографического нарратива направлена на постепенное ускорение субъективного восприятия времени, приводящее к острому переживанию его дефицита. Стратегия интерактива использует потенциал замедления, когда освоение симуляторов и решение квестов в субъективном опыте игрока затягивает решение базовой цели фильма. Внешние узлы нарратива, формируемые создателями сериала при контактах с прессой, сетевой и офлайн-аудиторией, совпадают с его внутренними узлами. По мнению автора, сложный дискурс интерактивного кино усиливает мифологизацию времени.

Ключевые слова: дискурс-анализ, философия видеоигр, интерактивное кино, время, мифологизация времени, волонтеры, «ЛизаАлерт», «Найден_жив».

Цитирование. Тихонова С. В. Дискурс-анализ интерактивного сериала «Найден_жив» (первый сезон) // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 20–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.2>

Интерактивность в кинематографе началась с попыток сблизить действия главного героя фильма, снятого от первого лица, с восприятием зрителя. Такие поиски начались в жанре нуар в конце 1940-х гг. (Р. Монтгомери, «Леди в озере», 1947; Д. Дэйвс, «Черная полоса», 1947). В 1950-х жанр хоррор тестирует перспективы использования приемов, напоминающих «дополнительное измерение» – вибрацию кресел, появление в зрительном зале муляжей монстров. Собственно интерактивным фильмом можно считать артхаусную работу Р. Чинчеры «Киноавтомат», подготовленную для чехословацкого павильона выставка Экспо-67 (Монреаль). Эту ленту относят как к сатирам на демократию, так и, шире, к сатирам на детерминизм. Для ее просмотра требовался специальный кинотеатр, в котором нечетное количество кресел было оборудовано кнопками для голосования, зеленой и красной; нажатие кнопки проецировало соответствующий цвет на схему раскладки, транслируемой на экран. Также использовались два синхронизированных проектора с разной подкраской пленки (зеленой и красной), переключение осуществлялось закрытием крышки проектора. Сюжет включал девять

точек остановки действия, на которых к зрителям выходил модератор и просил зрителей проголосовать нажатием кнопки за одну из двух сцен. Независимо от зрительского выбора, финальной сценой был горящий дом. После показа фильма по чешскому телевидению выяснилось, что его интерактивность была крайне ограниченной – альтернативных сюжетных линий было только две, и поскольку они сходились в каждой точке остановки, зритель по факту всегда выбирал только между двумя версиями фильма.

Поскольку права на концепцию «Киноавтомата» принадлежали коммунистическому государству, Голливуд не смог ее получить. Поэтому дальше развитие идеи интерактивного кино осуществляли игровая индустрия – в 1970-е гг. видеоигры стали использовать для передачи сюжета видеофрагменты, в которых живые актеры играли на фоне декораций. Так появились Full Motion Video (FMV) игры. Их дальнейшее развитие было связано с обращением к анимации, совершенствованием игровых механик (к аркадам добавлялись элементы квеста), переход от короткометражных фильмов с живыми актерами к полнометражным. Во многом оно определялось техноло-

гическими новациями – появились первые проигрыватели лазерных дисков, которые, в отличие от линейного воспроизведения кассет, могли мгновенно оказываться на любом месте трека, тем самыми обеспечивая нелинейность повествования и ветвление сюжета. В результате сложился канон интерактивного фильма-видеоигры, предполагающий наложение игрового меню поверх видеофильма. Направление игровой индустрии, сближающие игры с кинематографом, переживало взлеты и падения (могло пройти полдесятилетия тотального штиля в этой сфере), постепенно дрейфуя в сторону технологий AR и VR. Собственно кинематограф регулярно обращался к идее интерактивного кино, разворачивая ее в сторону усиления взаимодействия со зрителями. Чистое интерактивное художественное кино относится к довольно редким проектам, поскольку требует дополнительного оборудования для кинотеатров, включая домашние (например, «I'm Your Man», 1992; «Mr. Payback: An Interactive Movie», 1995; «Черное зеркало: Брандашмыг», 2018). Чаще всего речь идет об использовании приемов интерактивного маркетинга и видеоарта; появление интерактивного компонента на YouTube стало основой внедрения интерактивного взаимодействия в неигровые жанры кинематографа, включая документалистику и реконструкцию. Пограничный (между художественным и игровым кинематографом) жанровый контент – реконструкция событий с помощью игры актеров – сегодня также применяет интерактивные приемы.

Интерактивное кино интегрирует иммерсивность и включенность в контекст, поскольку оно обеспечивает более глубокое, по сравнению со смежными жанрами, эстетическое погружение в воображаемую реальность и связанный с ними социальный контекст. При этом оно разрывает с традиционной для кинематографа схемой коммуникации, в которой зритель на правах реципиента пассивен, и делает его активным субъектом коммуникации. Такая смена ролей близка моделям импакт-контента, поскольку в офлайне зритель готов продолжить ту стратегию действия, к которой он адаптировался в фильме. Иначе говоря, интерактивное кино культивирует перманентный отклик на нарратив, отклик, требую-

щий не только интеллектуальной или эмоциональной реакции, но и физических действий. Он задается как действие в механике компьютерной игры. Если в сети или реальности есть похожие инструменты для действия, то зритель будет их использовать. Эстетическое влияние контента прямо переводится в социальное. Важную роль в этом процессе играет смена временных режимов, разных для, собственно, киноконтента, игрового элемента и погружения в социальный контекст фильма. Зритель включается в процесс принятия решений героями, буквально соотносит себя с масштабом происходящих событий. Время становится неотъемлемым элементом дискурса интерактивного кинематографа, более того, последний может быть прочитан как дискурс о времени. Я попытаюсь осуществить дискурс-анализ первого интерактивного веб-сериала «Найден_жив», показав дискурсивную работу со временем.

Для этого необходимо ответить на вопрос о том, как возможен дискурс-анализ интерактивного кино. Если исходить из того, что дискурс конституирует социальное в трех измерениях, которыми являются знание, социальные отношения и социальная идентичность [Fairclough (ed.) 1992, 8], он концентрирует в себе правильные (нормативные в конкретную эпоху) способы координации этих измерений в человеческой деятельности. Языковая форма связана с когнитивной репрезентацией типичной ситуации и моделью поведения в ней. Соответственно, в практике дискурс-анализа возможны разные методологические векторы. Во-первых, возможен поиск схожих языковых форм в текстах разной этиологии и реконструкция по ним типичных ситуаций (Р. Водак [Wodak 1989]). Во-вторых, – микроанализ дискурса через обращение к локальным темам (топикам) дискурса (Т. Ван Дейк [Dijk 1993]). В-третьих, – установление того, какая часть знания является легитимной (З. Ягер [Jäger, Maier 2009]). В-четвертых, – рассмотрение дискурса как инструмента влияния на социум и субъекта (Н. Фэркло [Fairclough 1995; Fairclough 2003]). Для интерактивного кино, не отличающегося объемным корпусом произведений и прямо ориентированного на субъектность зрителя, принципиально ближе модель дискурс-анализа в версии Н. Фэркло.

Она уже использовалась для анализа художественного фильма: Е.А. Островская применяла его к исследованию религиозного содержания фильма А.П. Звягинцева «Левиафан» [Островская 2017]. Она адаптировала алгоритм дискурс-анализа Фэркло к своим задачам следующим образом: «В логике алгоритма Фэркло для первого этапа анализа предпочтительны вопросы о смысле и содержании дискурса киноленты. На втором этапе необходимо рассмотреть преобразования дискурсной формации фильма через привлечение иных узловых дискурсов. Конечная цель – установить, какие содержательные/семиотические структуры презентирует дискурс о православной идеологии, транслируемый «Левиафаном» в широком прокате и в публичном пространстве» [Островская 2017, 214]. В этом методологическом русле необходимо установить роль времени в нарративе изучаемого фильма и соотнести ее с узловыми дискурсами породившего его волонтерского движения. Однако интерактивный фильм – больше, чем «просто» фильм, поэтому невозможно ограничиться этой исследовательской программой.

Принципиальное значение при его изучении имеет учет встроенных в интерактивное кино компьютерных игр. Эта особенность интерактивного кино ставит довольно сложные задачи перед методологией, пригодной для его изучения. Подход, при котором компьютерные игры изучались как разновидность нарратива, в настоящее время признан в *game studies* устаревшим и несостоятельным. Как отмечает ведущий теоретик видеоигр Я. Богост, нарратология может быть для *game studies* примером того, как организация усилий исследователей вокруг специфического объекта порождает самостоятельную исследовательскую область, но ее прямая методологическая рецепция не позволяет ответить на вопрос о том, чем эти игры являются: «Можно было бы прочесть проблему людологии/нарратологии таким образом: представляет ли собой игра систему правил или же это некоторый нарратив? Но на деле у нас получается скорее вот что: является ли игра системой правил, подобно тому, как рассказ оказывается системой повествования?» [Богост 2015, 82]. Методологическая программа Богоста по исследованию игр сводится к следующему.

Выдвинутую им совместно с Н. Монтфортом модель пяти аспектов изучения компьютерного творчества (рецепция и операция; интерфейс; форма и функция; код; платформа [Montfort, Bogost 2009]) он переводит в русло плоской онтологии, принципиально отказываясь от онтологической иерархии объектов видеоигры: «Если мы согласимся с призывами Хармана и Брайанта сплющить онтологическое поле так, что все объекты будут иметь равные исходные позиции, результатом этого будет план недискриминирующих различий, в которых все аспекты игры потенциально равнозначны... Уже недостаточно искать ответ на один-единственный вопрос “Что такое игра?”» [Богост 2015, 92–93]. Методология вскрытия сущности игр для него близка к латуровской модели запутанных гибридных сетей актантов – людей и нечеловеков и методологической интенции Дж. Ло на утверждение «не-связанности», позволяющей фиксировать повседневный «бардак» в перекрещении практик институтов, поскольку для анализа игр требуется быстрое и простое конструирование единиц-объектов, порождающих игру. Соответственно, в анализе интерактивного кино фокусировку на его игровом компоненте нельзя свести к обращению к дополнительному нарративу, играющему поддерживающую и комплементарную роль по отношению к собственно кинематографическому. Необходимо выявить работу эстетик, механики и динамики фильмовой игры для того, чтобы показать формируемый ею у игрока опыт.

Итак, дискурс-анализ интерактивного кино методологически должен принять трехуровневую форму. Первый, синтагматический, предполагает анализ дискурса кинематографического нарратива. Второй, парадигматический, касается работы правил и механики, формирующих новый опыт игрока-зрителя. Третий, внешний, соотносит включения зрителя опыт нарратива с социальным опытом прототипами героев нарратива.

Ключевая социальная проблема веб-сериала – пропаганда и популяризация методов поиска пропавших людей, используемых волонтерами добровольческого поисково-спасательного отряда «ЛизаАлерт». По данным МВД, в России ежегодно пропадают без вести около 180 тыс. человек, при этом учитыва-

ются только те, чьи родственники обратились в правоохранительные органы. Пропадают люди по разным причинам, в том числе и криминальным, подавляющее большинство пропавших находят. Но наиболее проблематичен поиск детей, которые самостоятельно не могут о себе позаботиться. Правоохранители обладают достаточным арсеналом поисковых инструментов в условиях населенных пунктов, поиск же за пределами антропогенного ландшафта, особенно в сложных природных условиях (пересеченная, возможно заболоченная местность, плохие погодные условия, плохо проходимый лес) требует принципиально иных навыков, технологий и подходов. Кроме спецтехники, он требует весьма массивных человеческих ресурсов, грамотно координируемых и оперативно консультируемых. Силами специализированных институциональных структур государства решать такую задачу в настоящее время крайне проблематично, особенно с учетом эпизодичности потребности в ней. Поэтому социальная значимость деятельности «ЛизаАлерт» действительно высока, а ее эффективность прямо зависит от отклика неравнодушных людей.

Соответственно, фильмы сериала показывают принципы работы поисково-спасательного отряда, разъясняют их прагматическую и организационную работу на усредненном случае, лишённом неправдоподобных подробностей.

Первый сезон состоит из четырех серий: «Потеря», «След», «Надежда», «Финал». Собственно, драматический нарратив фильма выстроен таким образом, чтобы снять барьеры, препятствующие отождествлению зрителя с родственниками потерявшихся и волонтерами. Молодая семья с пятилетним сыном выезжает за город, чтобы отдохнуть в палатке. Буквально в трех шагах от палатки мальчик заблудился в лесу, родители сразу обращаются в полицию и поисковый отряд «ЛизаАлерт», начинаются поиски. Родители изображаются максимально позитивно, чтобы блокировать стереотипные представления о том, что ребенок может потеряться только у нерадивых отца или матери, подверженных девиациям, халатно относящихся к своим обязанностям и равнодушных к своему ребенку. Цепь мелких поступков, приводящих к тому,

что ребенок теряется, представлена как неблагоприятное стечение обстоятельств. Взаимоотношения волонтеров и основания их мотивации намечаются пунктиром – зритель сам может додумать их истории, но ему даются подсказки, указывающие на волонтерский «стаж» конкретного героя, связь отношения «коллег» и его успешности в волонтерской деятельности. Акцентируется эмоциональная вовлеченность волонтеров, их переживания в связи с угрозой жизни ребенка и радость от того, что его удалось найти.

Динамика действия обеспечивается наложением в фильме двух сюжетных линий – работы поисковой группы волонтеров (включает взаимодействие с родителями) и пути ребенка в лесу. Роль ребенка практически не предполагает текстовых реплик, за исключением призыва родителей, психологическое состояние передается невербаликой (мимикой, жестами, позами) и паравербаликой (плачем, вздохами, вскриками). Дополнительно за счет переноса центра ракурса на уровень роста пятилетнего мальчика зритель получает возможность увидеть лес его глазами и оценить сложность встречаемых препятствий. Путь мальчика предваряет работу группы, зритель уже знает (за исключением драматических обрывов), что происходит с ребенком, и может оценивать действия волонтеров с позиций адекватности наличной ситуации, но о расстоянии, разделяющем ребенка и взрослых, у него нет большей, чем у волонтеров, определенности.

Центральной дискурсообразующей фигурой в фильме является время. Время – критический фактор поисков, чем дольше длятся поиски, тем меньше у потерявшегося шансов на выживание. В ситуации, где у человека нет доступа к пище, воде, теплу, ресурсы организма расходуются очень быстро. Именно поэтому важность времени является ключевым концептом поисковой идеологии «ЛизаАлерт». В 2014 г. на средства отряда была создана передвижная инсталляция, мигрирующая по городам, – «Памятник потерянному времени». В нижней части песочных часов – фигура сидящего ребенка, песок из верхней части должен неизбежно ее погрести. На верхней части размещено обращение: «Медлить – значить хоронить! Когда пропадает че-

ловец, а тем более ребенок, решающим фактором в поиске является время. Данная инсталляция – символ потерянного времени, призыв действовать незамедлительно. Часто минуты играют роль, от них зависит жизнь пропавшего. Это наше обращение к людям нельзя оставаться равнодушными. Потому что чужих детей не бывает! Помочь может каждый! Памятник установлен по инициативе поискового отряда «Лиза Алерт»» (орфография и пунктуация сохранены. – С. Т.) [Памятник потерянному времени... web].

Соответственно, образу необратимого течения времени как антисилы, противостоящей людям, подчинен дискурс фильма, причем нарративная (синтагматическая) и игровая (парадигматическая) части используют полярные по направленности стратегии. Первая постепенно убыстряет темп времени, наращивая связанную с ним тревогу. Линия пути ребенка маркирует накопление очевидных признаков усталости и истощения в облике маленького героя – сначала он теряет ухоженный внешний вид, затем появляются синяки под глазами, обрезаются щеки, глаза вваливаются, действия замедляются, в конце фильма ребенок теряет силы настолько, что не может больше идти и остается лежать.

Линия работы волонтеров начинается в неторопливом методичном темпе, когда слаженность, деловитость и сосредоточенность буквально противостоят панике мечущихся в отчаянии родителей и замедляет ее. Тем не менее, размеренность действий волонтеров, методично выполняющих задачи поисковых работ (разворачивание штаба, взаимодействие с полицией и родителями, расклейка листовок, поиск свидетелей) приходит в диссонанс с их репликами, демонстрирующими отношение ко времени. Отмечу, что высказывания о времени органично встраиваются в рутинные типовые диалоги, функциональные для распределения действий, их координации и реакции на новую информацию. Например, оценка среды поиска, 1 серия, 12:09:

«– Ты карту посмотрел?

– Да, посмотрел, все очень грустно, много ловушек, тяжелый лес.

– Плюс возраст у парня...

– Плюс погода... Слушай, я почти на месте, чаты не успеваю отслеживать, возьми

на себя. Так, если что-то важное по поиску, срочное – звони.

– Принято».

13:40:

«– Чего, давай карту говорить?

– Очень сложный лес, много подболоченных мест, сыро, горельник, буреломы, ну, и размеры.

– Угу, вижу.

– Так, давай, забивай все в навигатор, комплекты для группы, Славик, тащи комплекты... Еще и дождь пошел».

Предварительный инструктаж, 19:03:

«– Очень важно найти до захода солнца, потому что вечером похолодание ожидается».

2 серия, инструктаж «лис», 10:29:

«– Так, друзья, слушаем внимательно, два раза повторять времени нет».

Все действия и диалоги волонтеров подчинены экономии времени. Решение поисковых задач осуществляется так, чтобы максимально рационально распоряжаться человеческими ресурсами, беречь группу от травм и дезориентации, поскольку появление сопутствующих проблем может заблокировать решение базовой – поиска ребенка. Локальные эпизоды показывают, что происходит, если родственники потерявшегося и волонтеры поддаются панике, игнорируют травмы, втягиваются в конфликты, игнорируют свои базовые потребности. Однако во второй половине сериала терпение начинает покидать поисковую группу, выдерживать накладку с переброской и работой техники становится все сложнее, руководитель отряда Николай «Леший» срывается на свою группу, призывая их заняться делом, хотя они и так заняты именно им. Напряжение объясняется просто – времени больше нет. К финалу фильма счет действительно идет на минуты – в полном соответствии с обращением «Памятника потерянному времени».

Интерактивная часть фильма доступна только в авторской версии фильма на сайте проекта <https://найден-жив.рф> [Найден_жив. Интерактивный веб-сериал web], она позволяет игроку пытаться («с помощью смартфона или компьютерной мыши») решать задачи, с которыми сталкиваются герои сериала. Парадигматический дискурс использует стратегию замедления – время в нем «пробуксовы-

вает» по вине пользователя. Принципиальное решение для его работы – блокировка перемотки фильма, подчиняющая реальное время игрока сюжетному времени фильма. Неудачи игрока снижают его счет и увеличивают время прохождения, поэтому каждое свое действие он соотносит с главной задачей фильма – найти мальчика. Каждая неудача игрока прямо увеличивает время поисков, а поскольку освоение игровых механик не одновременно и сами эти механики в фильме довольно разнообразны, эти неудачи неизбежны.

Игровые механики воспроизводят принцип симулятора в отношении «технических» средств поиска (к технике в широком смысле можно отнести использование поисковых собак). Интерактивная часть позволяет игроку включиться в решение следующих задач: обеспечение работы кинолога, принятие решений по допуску к поиску специфических групп людей (родственник), планирование прочесывания леса, занесение данных поиска на карту местности, принятие экстренных решений в ходе поиска, обновление данных поиска на карте, оценка рекомендаций по поведению в лесу, обработка фотографий с квадрокоптера для направления пеших поисковиков, использование тепловизора для этих же целей, управление подводным дроном для поиска на дне водоёма, обработка фотографий с дрона, подсказки о действиях при обнаружении потерявшегося. Применяется и дополненная реальность, сопровождающая интерактивное меню – всплывающие вокруг персонажа титры показывают логические основы принятия людьми решений, которые оказываются неправильными, несмотря на иллюзию очевидности.

Симуляторы и квесты интерактивного блока весьма реалистичны и максимально приближены к интерфейсам устройств, используемых героями фильма, их обучающий потенциал, остающийся за рамками данного анализа, вероятно, весьма высок. Однако с позиций темпоральности дискурса они работают на мотивацию игрока: убирая традиционную для компьютерных игр «условность» игровой смерти (уровень можно пройти заново, но это увеличит время поиска и снизит очки), они повышают серьезность включения в игру, сопереживание нарративу и идентификацию себя с ним.

Теперь перейду к внешнему уровню дискурс-анализа фильма. Выход на него прямо встроен в «тело» сериала. Каждая серия заканчивается баннером «Не уппусти свой шанс попробовать силы в реальном поиске, перейди по ссылке и выбери, кем хочешь стать в отряде “ЛизаАлерт”». Между сериями встроено меню с формами включения в волонтерское движение (присоединение к группам отряда в социальных сетях «ВКонтакте», «Инстаграм»), подписка на рассылку для поисковиков, ссылки на формы записи в волонтеры и базовое обучение волонтеров-поисковиков).

Режиссеры и продюсеры сериала, Никита Тихонов-Рау и Ольга Арлаускас, провели серию встреч, посвященных сериалу, и часто используют его как кейс в образовательных программах, посвященных импакт-контенту в России. Офлайновая стратегия продвижения сериала началась с того, что премьера первого сезона была приурочена к десятилетнему юбилею отряда «ЛизаАлерт» и активно освещалась в прессе. Заявление Никиты Тихонова-Рау для журналистов и стало основой дальнейших семантических блоков сообщений авторов, формировавших внешний дискурс их сериала: «Кино может преобразовываться в практические изменения в жизни людей. Сериал “Найден_жив” ставит своей задачей не только оставить след в душе зрителя, но пробудить в нем желание попробовать себя в роли поисковика в реальной жизни. Это проект, куда зритель погружается целиком. Он проживает жизнь потерявшегося мальчика, волонтера, который впервые собирает свой рюкзак на поиски человека, управляющего дроном, чтобы с воздуха снять квадраты поиска, девушку, которая идет в самую чашу. Зритель сможет смотреть на процесс поиска человека с разных позиций» [Альперина web]. При этом сериал отвечает определениям обучающего кино-нарратива [Singhal, Rogers, Brown 1993; Morgan, Movius, Cody 2009; Love, Tanjasiri 2012, Kim, Noriega 2020]. Таким образом, риторика внешнего дискурса сериала максимально сближена с его внутренней риторикой.

Подводя итоги анализа, необходимо отметить следующее. Дискурс рассматриваемого веб-сериала имеет сложную конвергентную структуру, подчиненную задачам формирования синергического эффекта воздействия,

подкрепляющего и усиливающего главное сообщение фильма. Время как дискурсообразующее звено мифологизировано, переведено в статус противостоящей героям и зрителю-игроку антисилы, которую необходимо победить. Мифологизация осуществляется, с одной стороны, через драматические средства кинонарратива. Нарращивание саспенса сопровождается демонстративной маркировкой истечения времени и акцентированием его фиксированного лимита, за пределами которого нахождение пропавшего ребенка утратит равнозначность его спасению. С другой стороны, на нее работает опыт зрителя-игрока, соотносящего ограниченность собственных интеллектуальных и соматических ресурсов, акцентируемых игровой механикой и связанную с ней потребность в увеличивающихся объемах времени для решения поисковых задач, с реалиями работы поисковиков-волонтеров. Победа над временем-антисилой выступает мощным мотивационным ресурсом, позволяющим зрителю выйти за рамки дискурса, опереться на его внешние узловые точки и интегрироваться в работу волонтерского движения. В интерактивном кино киносемиозис совмещается с социальным действием через игровое, обеспечивая новое качество процессов мифологизации времени.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований («Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики» № 20-011-00297).

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-011-00297 “Time mythologization in the modern media environment: the risks of transformation, construction strategies, discursive practices”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альперина web – Альперина С. К 10-летию отряда «ЛизаАлерт» выйдет новая серия проекта «Найден_жив» // https://rg.ru/2020/10/15/k-10-letiiu-otriada-lizaalert-vyjdets-novaiia-seriia-proekta-najden_zhiv.html
- Богост 2015 – Богост Я. Бардак в видеоиграх // *Логос*. 2015. № 1 (103). С. 79–99.
- Найден_жив. Интерактивный веб-сериал web – Сайт проекта «Найден_жив. Интерактивный веб-сериал» // <https://найден-жив.рф>.
- Островская 2017 – Островская Е.А. Дискурс-анализ «Левиафана»: православная идеология в артхаусном кино // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 2 (138). С. 211–232.
- Памятник потерянному времени... web – Памятник потерянному времени установили в Орехово-Зуеве волонтеры «Лизы Алерт» // <https://mosregtoday.ru/culture/pamyatnik-poteryannomu-vremeni-ustanovili-v-orehovo-zueve-volontery-lizy-alert/>
- Dijk 1993 – Dijk T.A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse & Society*. 1993. № 2 (4). С. 249–283.
- Fairclough (ed.) 1992 – Critical language awareness / N. Fairclough (ed.). London; New York: Longman, 1992.
- Fairclough 1995 – Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. London; New York: Longman, 1995.
- Fairclough 2003 – Fairclough N. Analysing discourse: textual analysis for social research. London; New York: Routledge, 2003.
- Jäger, Maier 2009 – Jäger S., Maier F. Theoretical and methodological aspects of Foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, SAGE Publications Ltd, 2009. P. 165–195.
- Kim, Noriega 2020 – Kim G., Noriega C. The Value of Media Studies Approaches for the Evaluation of Entertainment Education: A Case Study of East Los High // *Health Education & Behavior*. 2020. № 1 (47). С. 24–28.
- Love, Tanjasiri 2012 – Love G.D., Tanjasiri S.P. Using Entertainment-Education to Promote Cervical Cancer Screening in Thai Women // *Journal of Cancer Education*. 2012. № 3 (27). С. 585–590.
- Montfort, Bogost 2009 – Montfort N., Bogost I. Racing the beam: the Atari Video computer system. – Cambridge, Mass: MIT Press, 2009.
- Morgan, Movius, Cody 2009 – Morgan S.E., Movius L., Cody M.J. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors // *Journal of Communication*. 2009. № 1 (59). P. 135–151.
- Singhal, Rogers, Brown 1993 – Singhal A., Rogers E.M., Brown W.J. Harnessing the potential of entertainment-education telenovelas // *Gazette (Leiden, Netherlands)*. 1993. № 1 (51). P. 1–18.

Wodak (ed.) 1989 – Language, power, and ideology: studies in political discourse. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1989.

REFERENCES

Al'perina S. *By the 10th anniversary of the "LisaAlert" detachment, a new series of the "Found_alive" project will be released.* URL: https://rg.ru/2020/10/15/k-10-letiiu-otriada-lizaalert-vyjdet-novaia-seriia-proekta-najden_zhiv.html

Bogost I., 2015 A mess in video games. *Logos*, vol. 1 (103), pp. 79-99.

The website of the project "Found_Alive. Interactive web series". URL: <https://найден-жив.рф>

Ostrovskaya E.A., 2017. Discourse analysis of Leviathan: Orthodox Ideology in Arthouse cinema. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, vol. 2 (138), pp. 211-232.

Monument to Lost Time was Installed in Orekhovo-Zuev by Lisa Alert Volunteers. URL: <https://mosregtoday.ru/culture/pamyatnik-poteryannomu-vremeni-ustanovili-v-orehovo-zueve-volontery-lizy-alert/>

Dijk T.A. van, 1993. Principles of Critical Discourse Analysis. *Discourse & Society*, vol. 2 (4), pp. 249-283.

Fairclough N. (ed.), 1992. *Critical Language Awareness*. London; New York, Longman, 1992. 343 p.

Fairclough N., 1995. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London; New York, Longman, 1995. 265 p.

Fairclough N., 2003. *Analysing discourse: textual analysis for social research*. London; New York, Routledge, 2003. 270 p.

Jäger S., Maier F., 2009. Theoretical and methodological aspects of Foucauldian critical discourse analysis and dispositive analysis. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London, SAGE Publications Ltd, 2009, pp. 165-195.

Kim G., Noriega C. The Value of Media Studies Approaches for the Evaluation of Entertainment Education: A Case Study of East Los High. *Health Education & Behavior*, 2020, no. 1 (47), pp. 24-28.

Montfort N., Bogost I., 2009. *Racing the beam: the Atari Video computer system*. Cambridge, Mass, MIT Press, 2009. 180 p.

Morgan S.E., Movius L., Cody M.J. The Power of Narratives: The Effect of Entertainment Television Organ Donation Storylines on the Attitudes, Knowledge, and Behaviors of Donors and Nondonors. *Journal of Communication*, 2009, no. 1 (59), pp. 135-151.

Singhal A., Rogers E. M., Brown W. J. Harnessing the potential of entertainment-education telenovelas. *Gazette (Leiden, Netherlands)*, 1993, no. 1 (51), pp. 1-18.

Website of the project "Found_Aliv. Interactive web series". URL: <https://xn--7sbhghod8ae.xn-plai/>

Wodak R. (ed.), 1989. *Language, power, and ideology: studies in political discours*. Amsterdam; Philadelphia, J. Benjamins. 288 p.

Information About the Author

Sophia V. Tikhonova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Информация об авторе

Софья Владимировна Тихонова, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национально-исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.3>

UDC 130.2
LBC 87.63

Submitted: 14.10.2022
Accepted: 05.12.2022

**“THE WORLD CHAMPION” AND “ELEVEN SILENT MEN”:
THE NORMATIVE ORDER OF MODERN RUSSIAN CINEMA
AND NOSTALGIA FOR SOVIET SPORTS VICTORIES ¹**

Andrey G. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation;
Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the feature films “The World Champion” and “Eleven Silent Men” released by the domestic cinema in the winter of 2021/2022, which relate to the genre of historical films about a specific event. In the absence of a universal theory and methods of analyzing historical cinema, an attempt is being made to consider films based on the assumption that they broadcast the mythologeme “USSR – The West”. The current political situation is taken into account, characterized by the interest of the Russian state in the production of historical and patriotic motion pictures popular with the viewer, as well as the acute phase of confrontation between the Russian Federation and Western countries. The essence of historical films claiming to be connected with the modern context and going beyond the usual perception in the conditions of digital media communication is also taken into account. Using the example of the development of the “USSR – The West” mythologeme in feature films, the evolution of the “Us – Them” myth is shown and the approval of such a normative order in which Soviet sports victories acquire an epic scale and legendary dimension, and the actions of Soviet citizens are predictable, inscribed in the logic of rational, correct behavior. The actions of representatives of the Western world are associated with ambiguous, often caricatured images referring to heterogeneous socio-cultural phenomena. It is noted that an important factor in the success of films is what generation the audience belongs to, what forms of nostalgia they experience: this is both a restorative nostalgia, which allows us to recall the grandiose sports victories that the entire Soviet people were involved in, and a reflective nostalgia that focuses on details and contexts. After watching movies, the viewer begins to live as if in two realities. In one – cinematographic – the victories of Soviet athletes and almost fair play; in the other – objective – violations of international law and campaigns to discredit Russian athletes as heirs of Soviet winning traditions.

Key words: historical cinema, the mythologeme “USSR – The West”, normativity, nostalgia, Soviet sports victories, the image of the USSR.

Citation. Ivanov A.G. “The World Champion” and “Eleven Silent Men”: The Normative Order of Modern Russian Cinema and Nostalgia for Soviet Sports Victories. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 29-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.3>

УДК 130.2
ББК 87.63

Дата поступления статьи: 14.10.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

**«ЧЕМПИОН МИРА» И «ОДИННАДЦАТЬ МОЛЧАЛИВЫХ МУЖЧИН»:
НОРМАТИВНЫЙ ПОРЯДОК СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
КИНЕМАТОГРАФА И НОСТАЛЬГИЯ
ПО СОВЕТСКИМ СПОРТИВНЫМ ПОБЕДАМ ¹**

Андрей Геннадиевич Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация
Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания в статье находятся выпущенные отечественным кинематографом зимой 2021/2022 года художественные фильмы «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин», относящихся к жанру исторических фильмов о конкретном событии. В ситуации отсутствия универсальной теории и методов анализа исторического кино осуществляется попытка рассмотреть кинокартины исходя из предположения трансляции ими мифологемы «СССР – Запад». Учитывается современная политическая конъюнктура, характеризующаяся заинтересованностью российского государства в производстве популярных у зрителя художественных картин исторической и патриотической направленности, а также острой фазой конфронтации между Российской Федерацией и странами Запада. Также принимается во внимание сущность исторических фильмов, претендующих на связь с современным контекстом и выход за рамки обычного восприятия в условиях цифровой медиакommunikации. На примере развития в художественных фильмах мифологемы «СССР – Запад» показана эволюция мифа «мы – они» и утверждение такого нормативного порядка, в котором советские спортивные победы приобретают эпический масштаб и легендарное измерение, а поступки советских граждан предсказуемы, вписаны в логику рационального, правильного поведения. Действия же представителей западного мира сопряжены с неоднозначными, зачастую карикатурными образами, отсылающими к разнородным социокультурным феноменам. Отмечается, что важным фактором успешности кинокартин является то, к какому поколению относится аудитория, какие формы ностальгии она испытывает: это и реставрирующая ностальгия, позволяющая вспомнить о грандиозных спортивных победах, к которым был причастен весь советский народ, и рефлексивная ностальгия, акцентирующая внимание на деталях и контекстах. После просмотра фильмов зритель начинает жить как бы в двух реальностях. В одной – кинематографической – победы советских спортсменов и почти фейр-плэй; в другой – объективной – нарушения международного права и кампании по дискредитации российских атлетов как наследников советских победных традиций.

Ключевые слова: историческое кино, мифологема «СССР – Запад», нормативность, ностальгия, советские спортивные победы, образ СССР.

Цитирование. Иванов А. Г. «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин»: нормативный порядок современного российского кинематографа и ностальгия по советским спортивным победам // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 29–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.3>

«В «Мабиногионе» два короля
играют в шахматы на вершине холма,
а внизу сражаются их воины.
Один из королей выиграл партию,
и тут же прискакал всадник,
что войско второго разбито.
Людская баталия была отражением
баталии на шахматном поле».

Х.Л. Борхес («Гуаякиль»)

Сегодня, когда, с одной стороны, новые медиа перемешивают публичное и частное пространство, а распространение практик публичной истории с использованием музеев, современного искусства, фотографий, комиксов, мемов усиливает иммерсивное воздействие на обывателя, но, с другой стороны, возникают успехи в рамках иконического поворота, постулирующего значимость образительного ряда в противовес тексту, роль кинематографа рискует быть пересмотренной. Тем не менее художественные фильмы продолжают оставаться идеологическими рупорами, укрепляющими требующийся власти норматив-

ный порядок. В книге «От самбо до суперкубка» Дэниэл Дж. Либ задавался вопросом: влияют ли фильмы на аудиторию или же отражают ее идеи? – и пришел к выводу, что обе версии являются истинными, предположив также, что «фильмы – это развлечение, но они также являются символами, и за каждой тенью на большом экране стоит борьба за навязывание определений того, что есть и что должно быть» [Leab 1975, 278]. Особое место среди художественной кинопродукции принадлежит историческим лентам. В частности, видный теоретик кино Р. Розенстоун заключил, что исторические фильмы, в отличие от исторической литературы, имеют свою собственную историческую достоверность, поскольку изображают историческую правду в том смысле, что даже если фильмы не совсем точны в том, что касается исторических фактов, они являются мощным инструментом для сохранения чувства прошлого и предоставления зрителям психологического или эмоционального ощущения исторических событий [Rosenstone 1988].

Более того, рассмотрев особенности современного кинематографа, Е. Исаев пришел к выводу, что современные исследователи исторического кинематографа «не только оспаривают модернистский тезис о возможности построения объективного образа прошлого, указывая на привязанность исторического фильма к современному ему контексту <...>, но и разрабатывают новые исследовательские перспективы исторического кино как источника и феномена, в котором на смену диктату исторического факта приходят такие понятия, как опыт, чувства и имитация» [Исаев 2021, 275].

В современных же условиях, когда речь идет о массовом сознании цифровой эпохи с широким доступом ко всем видам социальных коммуникаций, роль кино требует особой оптики рассмотрения.

Уже типология исторических художественных фильмов показывает, насколько грандиозными возможностями они обладают. Так, сегодня существует довольно много самых разных классификаций исторического кино. Тот же Р. Розенстоун среди жанров исторических фильмов выделяет военные, биографические, эпические, метаисторические фильмы, а также фильмы о конкретной эпохе / событии [Rosenstone 1995]. Совершенно под другим углом зрения смотрит на типологию исторических художественных фильмов Е. Лапина-Кратасюк, выделяя три группы: 1) произведения – метафоры настоящего, которые нацелены на передачу удовольствия, превращающегося из привычного режима «удовольствие от подлинности» в «удовольствие от подделки»; 2) «псевдоисторическая» аудиовизуальная продукция, в которой история перестает быть ценностью, трансформируясь в форму построения художественного мира, где часто присутствуют ярко выраженные фантастические элементы сюжета; 3) фильмы, целью которых является создание условий для соприкосновения зрителя с реконструируемым прошлым ради возможности прочувствовать исторический опыт [Лапина-Кратасюк 2014, 11–12]. В свою очередь Е. Исаев, проанализировав специфику российского исторического кино, предложил такую модель его функционирования, которая включает как минимум четыре раз-

новидности исторических художественных фильмов: исторический блокбастер, декоративный фильм, кино как обнаженный прием, киноколлаж [Исаев 2021, 277].

Разговор о современном российском историческом кинематографе, конечно, не будет откровенным без определения роли государственного заказа.

Так или иначе, большая часть российского кинематографа находится в тесной связи с государством, а современное историческое кино сохраняет позиции одного из самых востребованных жанров у российского зрителя в отношении отечественной кинопродукции [Исаев 2021, 276–277].

В 2009 году в России был создан «Фонд кино» как канал финансирования киноиндустрии в русле государственной политики. Спустя еще четыре года Министерство культуры Российской Федерации начало поддерживать «общественно важные фильмы», к которым были отнесены практически все военно-исторические картины [Курилла 2022, 56]. Это, в свою очередь, сделало привлекательным для продюсеров выбор именно данного жанра, тем более, что в ряде случаев государство полностью покрывало расходы на производство таких кинолент. Также в 2013 году занимавший должность министра культуры В.Р. Мединский (известен также как автор цикла книг «Мифы о России») призвал директора «Фонда кино» сконцентрироваться на съемках «блокбастеров, хороших, кассовых, больших, социально значимых фильмов», причем это должны быть патриотические фильмы, «после которых хочется жить, и желательно здесь» [Фонд кино... web].

И в том же 2013 году Президент Российской Федерации В.В. Путин сообщил о двадцатикратном росте финансирования российского кинематографа по сравнению с 2000 годом. В настоящее время картины на историческую тему составляют существенную долю финансируемых государством фильмов. Наиболее известными стали фильмы о военной и спортивной истории и о космосе – о том, чем гордятся россияне: «Сталинград», «Движение вверх», «Лед», «Легенда № 17», «Салют-7», «Т-34» [Курилла 2022, 56–57].

Если в классификациях исторических художественных фильмов недостатка нет, то

в методологическом плане сложилась неоднозначная ситуация, когда, несмотря на разработанное поле аудиовизуальных и киноисследований, не существует универсального метода анализа кинокартин, как и универсальной теории, которая могла бы описать и типологизировать все то, что происходило и происходит в кинематографе [Эльзессер, Хагнер 2016, 203].

В такой ситуации мифоанализ способен дополнить складывающийся методологический инструментарий. Кроме того, учитывая то обстоятельство, что российское государство в сегодняшних условиях жесткого противостояния с Западом активно эксплуатирует прошлое с его значимыми победами для поддержания общественных представлений о собственных возможностях и способностях, а также вытекающую из этого необходимость демонстрации действий и свершений героических акторов, в роли которых выступают как отдельные личности, так и коллективы, следует дополнить отмеченные выше классификации исторических фильмов. Так, существует целый ряд фильмов, обыгрывающих «глобальный миф» «мы – они». Наиболее отчетливо такое противостояние проявляется в военных фильмах, связанных с периодом существования Советского Союза, будь то Великая Отечественная война или холодная война.

Итоги опроса «Почему я хочу в СССР», проведенного Russia Today в апреле 2016 года [Ностальгия... web], показали, что первое место поделили ответы про счастливое детство и спортивные достижения СССР. Если к этому добавить, что в лидерах ответов оказался и советский кинематограф, то актуальность и востребованность вышедших зимой 2021/2022 года в отечественный прокат художественных фильмов «Чемпион мира» и «Одиннадцать молчаливых мужчин» не вызывает сомнений. Вспоминая мысль Х. Уайта о влиянии современности на содержание художественных фильмов [White 1978], заметим также и то обстоятельство, что релиз фильмов пришелся на период между предъявлением 15 декабря 2021 года Россией Соединенным Штатам проекта договора о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности России и стран НАТО и началом 24 февраля 2022 года специальной

военной операции (хотя, конечно, съемки осуществлялись ранее).

Итак, в конце декабря 2021 года в широкий прокат вышел фильм «Чемпион мира», рассказывающий о событиях 1978 года, когда на Филиппинах в течение трех месяцев длился матч между А. Карповым и В. Корчным за звание чемпиона мира по шахматам. Той же зимой – 17 февраля 2022 года – в России состоялась премьера фильма «Одиннадцать молчаливых мужчин», повествующего о турне футбольного клуба «Динамо» по Великобритании в ноябре 1945 года.

Оба фильма, хотя и в разных модальностях, обыгрывают миф «мы – они» и укрепляют соответствующий нормативный порядок. При этом центральное место в фильмах занимает мифологема «СССР – Запад», восходящая к «глобальному мифу» «мы – они».

«Глобальные мифы», как правило, содержат основные фундаментальные явления, называемые нами мифоконтентными феноменами (например, герой, жертва, война, враг и т. п.), что обеспечивает стабильный интерес к таким мифам и их устойчивую воспроизводимость. Причем особый интерес вызывает не какой-то абстрактный противник, а соперник, в отношении которого уже исторически сложились вполне определенные представления. Или, другими словами, враг, вокруг которого уже существует устоявшийся репертуар мифов. Такой репертуар или комплекс мифов способствует в дальнейшем более легкому надстраиванию новых мифов и мифологем (способствует тому, что Х. Блюменберг назвал реокупацией). Важность наличия противника в известном смысле связана с собственной идентичностью тех, кто его создает; связана в том смысле, что наличие общего врага способствует сплочению социальной группы, народа, государства [Иванов 2022, 19].

В демонстрирующемся же в фильмах нормативном порядке уделом западных противников становятся мелкие пакости, психологические уловки, желание сорвать куш, сделать сенсационный репортаж; тогда как на советской стороне – кропотливая аналитическая работа, память о героях и жертвах войны, вера в идеалы страны-победителя.

И если время действия фильма о футболе (когда до речи У. Черчилля в Фултоне ос-

тавалось чуть более трех месяцев) приходится на тот непродолжительный период, когда противоборствующие команды и стоявшие за ними государства представляли собой один лагерь – победителей и союзников, то контексту шахматного противостояния драматизма добавляет уже набравший к 1970-м годам полный ход трек конфронтации с Западом, а также личные обстоятельства гроссмейстера В. Корчного, ставшего невозвращенцем.

Однако, каким бы ни был период существования СССР, советские спортивные победы приобретают эпический масштаб и легендарное измерение, тогда как поражения представителей западного мира оказываются сопряжены со все более мелкими прегрешениями – от деятельности нелегальных букмекеров в послевоенной Британии до карикатурного образа В. Корчного, черпавшего вдохновение в ставках на филиппинских петушиных боях. Но парадоксально и интересно то, что эти образы кажутся привлекательными и даже глубокими. Тот же феномен практикующихся в регионе Юго-Восточной Азии петушиных боев, так красочно описанный выдающимся антропологом К. Гирцом (см. главу «Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев» [Гирц 2004, 390–429]), обладает широким социокультурным смыслом. В то же время действия советских граждан в фильмах предсказуемы, вписаны в логику рационального, правильного поведения.

Фильмы интересны тем, что позволяют увидеть, так сказать, вариации на тему работы над мифологемой «СССР – Запад» и сопоставить эту работу с происходящими на наших глазах геополитическими событиями. Художественные картины дают возможность оценить эволюцию уровня соперничества и в историческом плане – от принципиального противостояния в советское послевоенное время и постепенного ухудшения ситуации в период холодной войны до тотальной деградации духа честной борьбы сегодня; от блистательных и элегантных репортажей Вадима Синявского до торжества фейковых новостей в современную эпоху постправды. В фильмах очевидна особенно подчеркиваемая нормативность, которая в достаточно доходчивой манере иллюстрирует вполне предсказуемые линии поведения как советских граждан, так

и представителей западных стран, укладывающихся в конечном итоге в довольно осязаемый сюжет, который выстраивается вокруг «глобального мифа» «мы – они».

Кроме того, важен и состав современной российской аудитории, по-разному воспринимающей транслируемую в фильмах мифологему «СССР – Запад». Если в случае с картиной «Одиннадцать молчаливых мужчин» подавляющее большинство зрителей относятся к поколению 2.0 или поколению постпамяти (см.: [Хирш 2021]), то при просмотре «Чемпиона мира» определенная часть аудитории помнит о центральном событии фильма с детства (так называемое поколение-1,5). Заметим, что мифы гораздо лучше работают в ситуации отсутствия живых свидетелей, когда роль конструктора полностью принадлежит команде создателей киноленты, руководствующейся не только соображениями сохранения исторической достоверности, но и стремлением одновременно как вписать сюжет в мифологический канон, так и соответствовать заданной заказчиком (государством) установке на трансляцию позитивного образа советской эпохи.

На фоне трансляции в фильмах работы мифологемы «СССР – Запад» при просмотре возникает чувство ностальгии, когда «...происходит “просветление” реальных фактов прошлого, которое приводит к созданию субъективно убедительного ностальгического мифа о Родине» [Нуркова 2000, 21]. А события декабря 2017 года, связанные с допинг-скандалом и решением Международного олимпийского комитета отстранить Россию от участия в Олимпиадах под своим государственным флагом и с гимном страны, и, тем более, прокатившаяся весной 2022 года волна вердиктов международных спортивных федераций об отстранении российских спортсменов и сборных команд от участия в крупных турнирах по многим видам спорта лишь усиливают эту ностальгию.

С. Бойм выделяет два ностальгических сюжета – реставрирующий и рефлексирующий (иронический): «Реставрирующая ностальгия ставит акцент на *nostos* – дом и пытается восстановить мифическое коллективное место обитания. Рефлексирующая ностальгия размышляет об *algia* – тоске как та-

ковой. Реставрирующая ностальгия занимается прошлым и будущим нации; рефлексирующая ностальгия отсылает, скорее, к индивидуальной и культурной памяти» [Бойм 2013, 120]. На наш взгляд, оба сюжета оказываются задействованными в рассматриваемых фильмах. Это и реставрирующая ностальгия, позволяющая вспомнить о грандиозных спортивных победах, к которым был причастен весь советский народ – от простых рабочих до руководителей партии: шахматные партии и футбольные матчи проигрывались в трудовых коллективах, о результатах игр напрямую докладывалось советскому руководству. Фильмы иницируют и рефлексирующую ностальгию, в которой акцент делается на деталях и контекстах: с информационного сообщения о победе советского гроссмейстера в борьбе за шахматную корону начинался выпуск телевизионной программы «Время»; футбол как один из самых демократичных игровых видов спорта стал неотъемлемым атрибутом советских дворов в восстанавливающейся после разрушительных последствий Великой Отечественной войны стране.

Кончено, ностальгия в цифровую эпоху обладает особой спецификой, связанной с нюансами медиакommunikации, которая, в свою очередь, играет видную роль в определении траекторий судеб субъектов и будет продолжать – уже в новом ключе – оказывать воздействие на режимы восприятия контента.

Интересно, что медиа становятся своеобразным триггером развития сюжета в обоих фильмах. Так, в картине «Чемпион мира» отправной точкой для раскручивания спирали конфронтации с советским режимом для гроссмейстера В. Корчного становятся последствия интервью 1974 года корреспонденту югославской газеты «Политика». В том интервью В. Корчной в резкой форме отозвался о профессиональных качествах молодого А. Карпова, автоматически ставшего чемпионом мира вследствие отказа Р. Фишера играть матч за мировую шахматную корону. В фильме же «Одиннадцать молчаливых мужчин» само название киноленты связано с эпизодом, когда советские футболисты оказались не готовы к пространственным высказываниям на пресс-конференции в ходе британского турне.

В итоге, после просмотра фильмов зритель начинает жить как бы в двух реальностях. В одной – кинематографической – победы советских спортсменов и почти фейр-плэй; в другой – объективной – нарушения международного права и кампании по дискредитации российских атлетов как наследников советских победных традиций.

Но, тем не менее, фильмы являются актуальными в том смысле, что заставляют задуматься о факторе спортивных побед как мобилизационном механизме, а также – с высоты сегодняшнего дня – отдать должное мастерству советских спортсменов, достижения которых в той или иной форме предаются забвению в западной медийной повестке.

Причем для современной молодежи, занимающей большую долю зрительской аудитории, оказывается непонятен идеологический задел фильма «Чемпион мира», но чуть более доходчивым является фильм «Одиннадцать молчаливых мужчин», что объясняется устойчивой связью – и временной, и каузальной – с победой в Великой Отечественной войне, являющейся в современной России мифом основания государства.

В дальнейшем в отечественных исторических художественных фильмах, видимо, будет продолжаться транслироваться изображение советских спортсменов как идейных и безупречных на контрасте с беспринципными и алчными западными соперниками. Тем самым будет создаваться почва для конструирования и поддержания позитивного мифа о советском прошлом. Главное – не исчерпать лимит сюжетов о советских спортивных победах.

P.S. Я из детства помню выдающиеся победы советских спортсменов (то есть по отношению ко времени советских спортивных побед принадлежу к поколению-1,5): на Зимних Олимпийских играх в Калгари в 1988 году, когда сборная Советского Союза заняла безоговорочное первое место в так называемом общекомандном медальном зачете; на прошедшей в том же 1988 году Летней Олимпиаде в Сеуле, когда сборная СССР также оказалась на первом месте в медальном зачете, и также получила больше всех золотых медалей, обойдя главных конкурентов – команды США и ГДР и одержав победы в самых

популярных командных видах спорта (баскетбол, волейбол, футбол). Очень хорошо, что в последнее время налажен выпуск художественных фильмов об отечественных спортивных победах. Но мне мало того, что сегодня такие победы одерживаются по ту сторону экрана.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

The reported study was funded by RSF according to the research project No. 22-18-00153 «The Image of the USSR in Historical Memory: A Study of Media Strategies for Reproducing Ideas about the Past in Russia and Foreign Countries».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойм 2013 – *Бойм С.* Будущее ностальгии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 3 (89). С. 118–138.
- Гирц 2004 – *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Иванов 2022 – *Иванов А.Г.* Пропаганда и «работа над мифом» в документальных сериалах (на примере фильма «Краткое пособие по тому, как устроен мир») // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 15–22. DOI: 10.17223/15617793/475/2
- Исаев 2021 – *Исаев Е.* Кинематограф // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории. М.: Новое издательство, 2021. С. 267–283.
- Курилла 2022 – *Курилла И.* Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022.
- Лапина-Кратасюк 2014 – *Лапина-Кратасюк Е.Г.* Аффекты истории: рассказы о прошлом в кино и на телевидении // Артикульт: научный электронный журнал факультета истории искусства РГГУ. 2014. № 4 (16). С. 6–13.
- Ностальгия... web – Ностальгия по детству и спортивным победам: почему многие читатели RT хотят в СССР // <https://russian.rt.com/article/157717>
- Нуркова 2000 – *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.

- Фонд кино... web – Фонд кино должен сконцентрироваться на блокбастерах – Мединский // <https://ria.ru/20130522/938781826.html>
- Хирш 2021 – *Хирш М.* Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021.
- Эльзессер, Хагенер 2016 – *Эльзессер Т., Хагенер М.* Теория кино. СПб.: Сеанс, 2016.
- Leab 1975 – *Leab D.J.* From Sambo to Superspade: The Black Experience in Motion Picture. London: Secker and Warburg, 1975.
- Rosenstone 1988 – *Rosenstone R.A.* History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really Putting History onto Film // *The American Historical Review*. 1988. № 93. P. 1173–1185. DOI: 10.2307/1873532
- Rosenstone 1995 – *Rosenstone R.A.* Visions of the Past: The Challenge of Film to our Idea of History. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- White 1978 – *White H.* Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978.

REFERENCES

- Boym S., 2013. The Future of Nostalgia. *NZ*, no. 3 (89), pp. 118-138.
- Geertz C., 2004. *The Interpretation of Cultures*. Moscow, ROSSPEN.
- Ivanov A.G., 2022. Propaganda and “Work on Myth” in Documentary Series (Using the Example of the Film “A Brief Guide to How the World Works”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 475, pp. 15-22. DOI: 10.17223/15617793/475/2
- Isaev E., 2021. Cinematograph. *Everything is in the Past: Theory and Practice of Public History*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 267-283.
- Kurilla I., 2022. *The Battle for the Past: How Politics Changes History*. Moscow, Alpina Publisher.
- Lapina-Kratasyuk E.G., 2014. Affects of the History: Stories About the Past in Cinema and on TV. *Articult*, no. 4 (16), pp. 6-13.
- Nostalgia for Childhood and Sports Victories: Why Many RT Readers Want to Go to the USSR*. URL: <https://russian.rt.com/article/157717>
- Nurkova V.V., 2000. *The Accomplished Continues: The Psychology of the Autobiographical Memory of the Individual*. Moscow, URAE Publ.
- Cinema Fund Should Focus on Blockbusters – Medinsky*. URL: <https://ria.ru/20130522/938781826.html>
- Hirsch M., 2021. *The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust*. Moscow, Novoe izdadel'stvo.

Elsaesser T., Hagener M., 2016. *Film Theory: An Introduction Through the Senses*. Saint Petersburg, Seans.

Leab D.J., 1975. *From Sambo to Superspade: The Black Experience in Motion Picture*. London, Secker and Warburg.

Rosenstone R.A., 1988. History in Images / History in Words: Reflections on the Possibility of Really

Putting History onto Film. *The American Historical Review*, no. 93, pp. 1173-1185. DOI: 10.2307/1873532

Rosenstone R.A., 1995. *Visions of the Past: the Challenge of Film to our Idea of History*. Cambridge, MA, Harvard University Press.

White H., 1978. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press.

Information About the Author

Andrey G. Ivanov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Faculty of Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation; Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University, Moskovskaya St, 30, 398055 Lipetsk, Russian Federation, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

Информация об авторе

Андрей Геннадиевич Иванов, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация; заведующий кафедрой философии, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30, 398055 г. Липецк, Российская Федерация, agivanov2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.4>

UDC 18+130.2
LBC 87.8+85.3

Submitted: 09.09.2022
Accepted: 05.12.2022

MOVIE IN THE SPECIALTY OF ART PRACTICE: POST SCRIPTUM TO THE CONFERENCE ¹

Artur A. Dydrov

South Ural State University, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Elena V. Grednovskaya

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Vasilisa A. Klenovskaya

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. On July 2–5, a conference was held (Chelyabinsk region, Miass), dedicated to art practices as a format of philosophizing and technology for developing a philosophical dialogue. The main structural elements of the conference were events that included the analytics of feature films (including author’s movie). The formal integrity of the event did not exclude the substantial unity provided by the permanent focus on anthropological issues and, above all, human subjectivity. The latter, in various historical epochs, faces heterogeneous challenges, including existential ones – borderline situations, critical social circumstances, life path uncertainty, progressive technical and technological innovationism and the threat of de-anthropologization. All the cinematographic works presented in a specific manner represented the variations of responses to these challenges. The philosophical and anthropological optics of analysis made it possible to keep the main task of carrying out a philosophical dialogue in focus. The issue of subjectivity and the challenges that call it into question is optimally illustrated in the situation of modernity by means of visual and audiovisual content, which actually includes all the patterns that are significant for today’s person – visibility, brevity, stimulation of affects, etc. The philosophical approach allows expanding the thesaurus of art practitioners beyond through the integration of cinematography, which can exist not only in the traditional locus of an independent direction of art, but also as a determinant for the implementation of philosophizing, a step for further development of conceptual ideas and the collaboration with the world philosophical culture.

Key words: movie, art practice, dialogue, digital technologies, laws of robotics, robots, intellectual systems.

Citation. Dydrov A.A., Grednovskaya E.V., Klenovskaya V.A. Movie in the Specialty of Art Practice: Post Scriptum to the Conference. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 37-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.4>

УДК 18+130.2
ББК 87.8+85.3

Дата поступления статьи: 09.09.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

КИНО В КОНТЕКСТЕ АРТ-ПРАКТИКИ: ПОСТСКРИПТУМ К КОНФЕРЕНЦИИ ¹

Артур Александрович Дыдров

Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация

Елена Васильевна Гредновская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Василиса Александровна Кленовская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. 2–5 июля прошла конференция (Челябинская область, г. Миасс), посвященная арт-практикам как формату философствования и технологии развертывания философского диалога. Главными структурными элементами конференции были мероприятия, включающие в себя аналитику художественного игрового кино (в том числе авторского). Формальная цельность мероприятия не исключала содержательно-единства, обеспечиваемого перманентным удержанием в фокусе внимания антропологической проблематики и прежде всего субъектности человека. Последняя в различные исторические эпохи оказывается перед лицом гетерогенных вызовов, в том числе экзистенциального порядка – пограничных ситуаций, критических социальных обстоятельств, неопределенности жизненного пути, прогрессирующего технико-технологического инновационизма и угрозы деантропологизации. Все представленные кинематографические произведения в специфической манере репрезентировали вариации ответов на эти вызовы. Философско-антропологическая оптика анализа позволила удержать в фокусе внимания основную задачу по осуществлению философского диалога. Проблематика субъектности и ставящих ее под вопрос вызовов оптимально иллюстрируется в ситуации современности средствами визуального и аудиовизуального контента, фактически включающего в себя все значимые для сегодняшнего человека паттерны – наглядность, кратковременность, стимуляцию аффектов и т. д. Философский подход позволяет расширить тезаурус арт-практик за счет интеграции кинематографа, способного существовать не только в традиционном локусе самостоятельного направления искусства, но и в качестве детерминанты для осуществления философствования, ступени для дальнейшего развития концептуальных идей и приобщения к мировой философской культуре.

Ключевые слова: кино, арт-практика, диалог, цифровые технологии, законы робототехники, роботы, интеллектуальные системы.

Цитирование. Дыдров А. А., Гредновская Е. В., Кленовская В. А. Кино в контексте арт-практики: постскрипtum к конференции // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 37–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.4>

Арт-практики как повод для живого мышления

В прошлом столетии в философских курсах отчетливо звучала мысль о том, что исполнение «живого мышления» (Ясперс) фактически доступно каждому человеку вне зависимости от вероисповедания, пола, расы и даже, что парадоксально, философской эрудиции и научно-академических статусов. «Каноническая» вариация этой идеи содержится в его известной пропедевтической работе [Ясперс 2000]. Некоторые эпатазирующие мыслители и ранее лишали философов прерогативы (вспомнить хотя бы высказывание Ж. Ламетри о патологоанатомах), но никто из них, однако, так и не решился (быть может, и не думал об этом) признать способность к философствованию за детьми. В дискурсе К. Ясперса ребенку присуща неутолимая жажда вопрошания, выражающаяся в спонтанно возникающих «неудобных» и откровенно странных вопросах (разумеется, в оптике взрослого человека). Интеллектуально-номадический образ жизни, конституирующийся переходом

от одного вопроса к другому и перманентным поиском, метафорически был обозначен как «живое мышление» в противовес, очевидно, нерелексивному мышлению, оперирующему готовыми пропозициями. Во второй половине XX столетия на Западе возникло интегральное течение (используем здесь это понятие не строго и не в соответствии с общепринятым значением) философствования, постепенно сформировавшееся в интеллектуальный тренд: в целом, речь идет о трансляции философского знания, разработке специальной методологии и популяризации форматов неакадемического философствования, условно объединяемых сегодня (в том числе в России) под маркировкой «философской практики». Наряду с этим интегральным образованием продолжали формироваться представления о «детском» и «наивном» философствовании (подробно об этом можно прочитать в статьях С.В. Борисова [Борисов 2008]) и соответствующие вариации их практической реализации. «Философская практика» вместе с тем является только одним, хотя и довольно значимым, форматом философствования.

Можно сказать, что она, в отличие от академической философии и философских наук, сравнительно эффективно попыталась решить проблему порога вхождения. Еще в пропедевтике К. Ясперса порог вхождения служил в качестве демаркационной линии, или водораздела между философствованием и занятием наукой [Ясперс 2000]. По оценке мыслителя, осуществление «живого мышления», как уже было сказано, доступно даже детям, тогда как научное исследование всегда требует известной содержательной подготовки и в том числе знаний о накопленном культурном опыте. В действительности устоявшиеся формы репрезентации философии в системе институционального образования прямо свидетельствуют о сохранении этой трудно преодолимой границы. На волне протеста против академизма философская практика имела другие ориентиры: фактически, а не номинально приобщить к философии водителя автобуса или продавца из обувного магазина. Очевидно, что философские идеи, как это следовало и из пропозиций К. Ясперса, формируются не только в контексте академической философии или контракадемических направлений. Поводом к «живому мышлению» могут быть не только собственно философские тексты, но и произведения литературы, живописи, музыки, кинематографа. Сам философский дискурс (с высокой частотностью это наблюдалось в истории XX века) удерживал культурную семантику в фокусе внимания в качестве префилософского [Делез, Гваттари 1998]. По аналогии с «философской практикой» формат осмысления (конструирования интерпретативного спектра) художественного или иного текста можно назвать «арт-практикой». В данном контексте понятие «арт-практика» используется расширительно, а его содержание существенно разнится с принятым в западном научном сообществе. Последнее устойчиво связывает арт-практику с арт-терапией и исследует потенциально измеримые данные (например, в исследовании J. Лие и J.H. На говорится о корреляции приобщения к произведениям искусства и профессиональной самоидентификации молодого поколения [Лие, На 2021]). В широком смысле арт-практика, разумеется, не сводится к терапевтическим воздействиям и предполагает аналитику

культурной семантики, производство интерпретативного спектра, формулирование и доказательность суждений, рационализацию аффектации и впечатлений и т. д. Конференция 2–5 июля (г. Миасс, Челябинская область) была посвящена антропологической проблематике, катализированной средствами арт-практик. В фокусе внимания находилась тема субъектности человека, что представляется особенно значимым в свете популяризации трансгуманистических и постгуманистических доктрин.

Проблема субъектности в digital эпоху как поле для философского дискурса прошедшей 2–5 июля 2022 г. конференции (Челябинская область, г. Миасс) объединила три видеоматериала: короткометражный игровой фильм «Blinky™», видеоролик, отснятый студентами ЮУрГУ «Визуализация картины “Афинская школа”» и игровой авторский фильм-сериал О. Павлова «Юность Есенина. Гл. 1 Возвращение». Весь материал рассматривался на конференции, посвященной арт-практикам, как формат философствования и технологий развертывания философского диалога в контексте осмысления проблемы субъектности в современном мире. В этой связи необходимо заметить, что участниками конференции и авторами статьи субъектность определяется как набор качеств человека, которые характеризуют сферу его деятельностных характеристик, а также его способность к самодетерминации, творческой активности и др. [Леонтьев web]. При этом важно отличать субъектность от субъективности, ибо последнее имеет дело с данностью, неизменностью и пассивностью, субъектность же, напротив, предполагает активную позицию, при которой субъект, является не просто носителем каких-либо свойств, а активно демонстрирует и проявляет свои свойства, формируя тем самым свое бытие. Именно в этом ключе авторы отводят определенное место арт-практикам, представляющим собой художественные формы активности, направленные на анализ, рефлексии и самопознание. Арт-практика предполагает непосредственный контакт человека с произведением искусства (или репродукцией), направленный не только на эмоционально-аффективное состояние, но и на мыслительные процессы.

Субъектность и технологические тренды

Промышленные революции и формирование новых «индустрий» (актуальная маркирована как «Индустрия 4.0») характеризуются не только непрерывным развитием инновационных кластеров, возникновением новых изобретений, но и иными эффектами. Многие из них являются пролонгированными и скрытыми. Как правило, это социальные и антропологические эффекты, для оценки которых традиционные методы точных и, собственно, самих гуманитарных наук не подходят. Проблема субъектности обостряется в связи с непрерывно развивающимися и изменяющимися связями и отношениями человека и технической среды. Традиционно считается, что техника служит достижению целей и вписывается в модальность координации человека и природы в качестве посредника. Достаточно вспомнить хотя бы хайдеггерианскую дескрипцию «расхожих» определений техники, кристаллизующую популярные пропозиции: каждому известно, что техника – это средство для достижения целей и вместе с тем она есть «известного рода деятельность» [Хайдеггер web]. С интенсификацией промышленных и технологических революций стало очевидно, что традиционные дефиниции сглаживают острые углы антропо-технических отношений. Это касается всех без исключения трендов – роботизации и искусственного интеллекта, компьютеризации, генетических экспериментов, нанотехнологий и пр. Новационный характер отношений существенным образом влияет на привычные формы и способы жизнедеятельности, заставляя пересматривать социальные категории закона, нормы, правила и др. Не случайно правовая система оказывается вынужденной реагировать на технические новации, так как в противном случае из-под ее юрисдикции вышла бы не вполне определенная совокупность связей.

По мнению зарубежных авторов, формирование нормативной базы для высоких технологий актуализировалось в связи с тем, что человечество живет в «эпоху нарастающей роботизации» [Danaher 2016]. Роботизация, как бы ни парадоксально это выглядело, все сильнее «переплетается» с жизнью и телом

человека [Koops V. et al. 2013]. Чем многообразнее новые антропо-технические отношения, тем сложнее охватить их статическими показателями и любыми другими количественными данными. Не случайно в футурологии популяризировался метод сценарирования, прибегающий не только и не столько к статистике, сколько к конструированию многоплановых образов (собственно, сценариев), позволяющий буквально *представить*, как и куда будет расти та или иная событийная ветка. Во второй половине XX в. многие исследователи поняли, что прогностическим ресурсом обладают не только футурологические труды, но и фантастические произведения (прежде всего, художественная литература и кинематограф). Их прогностический потенциал не в том, что они с точностью предсказывают то или иное событие (к прозрению и предвидению современная футурология относится скептически), а в том, что они художественными средствами создают сценарий и, по существу, представляют собой машинерию образов, не лишенных «презентизма» и вместе с тем не сводимых полностью к наличной действительности. В частности, на семинаре был проанализирован короткометражный фильм «Blinky™», повествующий об отношениях подростка и робота, основной функционал которого составляют домашние дела. Постепенно подростку становится «скучно», и он, фрустрированный родительскими конфликтами, начинает срывать злость на своем «лучшем друге». В конце концов мальчик истерично выкрикивает несколько противоречивых команд («убей моих родителей», «убей меня» и т. д.), что приводит к неопределенным сбоям в функционале машины. После перезапуска робот фактически выполняет полученные команды, расправляется с подростком, а затем и с родителями.

В фокусе нормативности актуализируются вопросы виновности и ответственности, разрешаемые в короткометражном кино ссылкой на технологическую корпорацию, переделывающую боевых роботов в домашних помощников. Однако до того, как подросток не отдал смертоносные команды, машина функционировала в соответствии с установленной нормой. В свою очередь, на поведение подростка воздействовали напряженные отноше-

ния родителей и непрерывные скандалы. Вопросы о вине и ответственности по-разному разрешаются в зависимости от парадигмальной оптики. Если эта оптика традиционнo-гуманистическая, то в качестве первопричины всегда выступает человеческий фактор, а человек (коллектив) оказывается «альфа» и «омега» любых отношений. Постгуманистическая оптика, в частности, трансгуманизм [Yudkowsky web; Bostrom web] и постгуманизм предлагает принципиально иное видение ситуации, в которой человек позиционируется в качестве агента наряду с природными, человеко-машинными, механическими и электронными агентами. В частности, сегодня в качестве альтернативы традиционным антропологическим выступает «машинная антропология». Возникло мнение о необходимости пересмотра категории презумпции невиновности и требование распространения презумпции на всех разумных существ, в числе которых оказалась и машина [Гришин 2018].

Субъектность как интенция на самопознание

Нынешние реалии благодаря активному использованию умных технологий принципиальным образом видоизменяют выражение субъектности, субъект все чаще занимает пассивную роль в собственной жизни, и в первую очередь благодаря виртуальной действительности. Тем не менее существуют лакуны, в которых задачи субъектности остаются прежними, а именно как интенция на самопознание, саморефлексию и самоопределение. Безусловно, формат самопознания видоизменяется, так как изменяется сам инструментарий передачи и хранения информации, а также увеличились объемы, поступающей информации, в которых очень сложно найти границу между подлинным и неподлинным. Все это усложняет процесс самопознания, для его активизации необходимы новые форматы передачи знания: включенность в непосредственное действие, интерпретация и переинтерпретация исторического кода в культурном и образовательном процессе, а также важен язык визуализации информации. Кроме того, медиальность предполагает освоение субъектности через иронию, игру, непосред-

ственное участие. Очевидно, что язык трансляции знания должен отвечать вызовам современности, соучастие только текстового материала для получения знания сейчас недостаточно, важна визуализация знания для переработки информации в новом ключе. И в этой связи можно говорить о том, что проект «Визуализация картины “Афинская школа”» состоялся и раскрыл критерии субъектности поколения эпохи digital.

В первую очередь, необходимо отметить интерактивность проекта, в силу которой зритель может стать действующим лицом, находясь при этом в активной позиции познающего. Еще одна его особенность – интерпретативность, при которой открывается возможность через доступность любого вида информации доходить до уникального, собственного знания. И, в-третьих, это принцип коллажа, который позволяет объединить все медиа средства выразительности (аудио, видео, текст), давая возможность субъекту выразить себя на привычном ему языке.

Видеоролик «Визуализация картины “Афинская школа”» был реализован рабочей группой философского клуба ЮУрГУ «Фонарь и Бочка», где авторы поставили цель популяризировать философское знание в игровом формате через переработку академического материала на языке цифровой эпохи. Идея заключалась в том, чтобы связать истоки с современностью, показать, существует ли связь современного человека с человеком древности, устроить диалог между эпохами и установить есть ли между ними понимание, возможна ли идея преемственности. Для этого авторы уже известным академическим образам философов, представленным на картине, придали новый смысл, «современивающий и оживляющий», что позволило выйти за пределы стереотипов и привлечь варианты интерпретации, разомкнувшие границы для самопознания. В проекте смогли принять участие студенты, изучающие философию в рамках общего курса, они писали сценарии и играли персонажей картины, позволившие им быть непосредственно включенными в процесс, быть субъектами собственной деятельности, а значит, занимать активную, авторскую позицию по отношению к собственному видению академи-

ческого материала, строить его сознательно и целенаправленно с включением личного, индивидуального опыта.

В этом проекте важным оказалось то, что субъектность человека – трансэпохальная тема, преломлявшаяся в различные времена, от Античности до наших дней. Выбор «Афинской школы» Рафаэля был сделан не случайно, ведь именно в ней выражена преемственность философской традиции от истоков Древней Греции до римского периода эпохи античности: под сводами вымышленного античного здания зрители могут видеть всех выдающихся философов древности, беседующих со своими учениками. Именно такие беседы, обращенные к субъектности человека, как известно, и способствовали развитию философской мысли.

Безусловно, в условиях digital эпохи процесс самопознания трансформировался, но его глубинные задачи сохранились и по-прежнему оказывают влияние на формирование субъектных оснований человеческого существа, отстаивающего свою уникальность и обретение подлинности. И в силу того, что субъектность состоит из множества слоев, видоизменяющихся от эпохи к эпохе, человеку, пребывающему в поиске самоопределения, необходимо давать возможность говорить о себе в «свою эпоху» на своем языке, так как это, пожалуй, единственная возможность выразить свои фундаментальные основания, именуемые «субъектностью».

«Практики субъектности» в современном авторском кино

Проблема субъектности плодотворно раскрывается и в границах философского осмысления феномена кино в целом [Гредновская, Первушина 2015]. По-видимому, одним из наиболее известных «случаев» концептуализации визуального искусства в условиях технологического инновационизма является работа В. Беньямина. В фокусе его внимания находились фотографическое и кинематографическое искусство, обеспечивающие техническую «воспроизводимость» артефактов, событий, фактов, и, с другой стороны, сами превращенные в воспроизводимые и тиражируемые объекты.

По мысли В. Беньямина, технически воспроизводимые произведения искусства (репродукции) утрачивают аффектирующий заряд, то есть не способны (по меньшей мере, эта способность находится под вопросом) вызывать сиюминутные, спонтанные эмоции у зрителя. Однако, лишая наблюдателя повода к аффектации, репродукции приобретают мобильность. Как и в случае с экономическими благами, технически воспроизведенное искусство «девальвируется» [Беньямин 1996]. Кинематограф в обозначенном ракурсе можно оценить не только как произведение искусства, но и как машинерию образов, а также индустрию технической воспроизводимости артефактов, «подлинных» вещей. Вместо подлинности кино предлагает зрителю двумерные проекции.

Распространено убеждение, что кино условно можно делить на два типа: «массовое» и «элитарное» (или мейнстримовое кино и арт-хаус). «Элитарное» кино, по распространенному мнению, в отличие от «массового», не ориентировано на денежную конвертацию. Мейнстримовое кино – (от англ. mainstream) преимущественно (на уровне тренда) состоит из голливудских фильмов, блокбастеров, хорроров и прочего, то есть совокупности зрелищных сцен, ориентированных на мгновенные зрительские реакции. Они буквально часть того «форума» удовольствий, о котором писал Ж. Бодрийяр в книге «Общество потребления» [Бодрийяр 2006]. Что касается арт-хауса, то под этим понятием, в первую очередь, подразумевают преобладание в картинах такого художественного начала, которое требует от зрителя большой концентрации внимания на эстетическом и интеллектуальном компонентах фильма, которая помогает прочувствовать именно режиссерский замысел, увидеть его работу, проделав собственную интеллектуальную и эмоциональную деятельность, то есть проявить активный глубинный мыслительный ресурс, являющийся основанием субъектности.

Именно в этом контексте на конференции был представлен фильм Олега Павлова «Юность Есенина. Гл. 1. Возвращение» – результат коллективной работы над кинопроектом студии «Павлин». Съёмки проходили на территории Урала. Над фильмом работала певица и композитор Ксения Быкова. Кроме

того, в кино используется музыка группы «Помни имя свое» [Резвушкина web].

Для состоявшейся конференции важным оказалось новаторство режиссера, заключающееся уже и в том, что о биографии поэта представленного периода времени мало кто знает, в основном всем известна жизнь поэта уже в Москве. Режиссер поставил перед собой задачу показать истоки формирования души поэта, поэтому в фильме много просторов и тишины. Сочетание музыки и природы в фильме завораживает, да и эмоциональный уровень настолько передает энергию, что некоторым участникам даже не потребовались специальные знания о поэте, чтобы почувствовать, что зашифровал режиссер в некоторых кадрах. В этом и заключается особенность арт-практик, когда участникам не требуются специальные знания для включения в рефлекссию, когда посредством достаточно простого диалогового общения удается выйти в пространство глубины и поиска истины.

В отличие от тиражируемых проекций, доступных «в любой момент», подлинное произведение искусства дистанцируется от зрителя (слушателя). Его нельзя встретить в повседневной жизни – для встречи с ним требуется особого рода усилие [Беньямин 1996]. В повседневности потребитель, разумеется, не всегда готов совершить это усилие (в принципе, нередко вообще не имеет возможности). Однако в его власти находится способ восприятия воспроизводимого искусства. Он вправе выбрать «критическую» или «гедонистическую» установку. Первая предполагает аналитический настрой, интерпретацию, сопоставление со своим жизненным опытом, сопоставление тем и сюжетов, идей и пресуппозиций с действительностью. Естественно, критический настрой связан и с рефлексией. Вторая установка ориентирована на получение удовольствия, позитивных эмоций. Как правило, в этом случае произведение «поглощается», но на выходе не возникает ничего, кроме неартикулируемых эмоций.

Однако, с другой стороны, кино позволило проецировать различные аспекты и ракурсы действительности. Оно оказалось для этого более пригодным, чем любая другая форма визуального искусства. К тому же с появлением звукового кино иллюзия реальности ста-

ла «многомерной». Именно эти технические возможности создают завораживающий эффект представленного фильма о Есенине: внутренний мир будущего поэта передается ритмами, размерностью и звуковым рядом, выходящими за границы рациональности и привычной повседневной понятности, ибо внутренний мир Поэта с большой буквы – особое измерение особой субъектности. И есть еще один аспект, оказавшийся новаторски важным в представленном сериале: «массовое» и «элитарное», «авторское» и «публичное» смешиваются в нем, а потому подобное кино претендует на «универсальность», удовлетворяя признакам того и другого типов.

Сегодня, когда мы находимся в постоянной смене ролей, в стремительном ритме цифровой действительности так важно остановиться и порефлексировать, получить обратную связь от самого себя, в чем может помочь современное искусство XXI века, где каждый может стать участником творческого процесса, а значит и творцом своей индивидуальной траектории своей уникальной субъектности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

The work was supported by the Russian Science Foundation Competition «Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research of special significance of application» (regional competition) 18.22.20011 «Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беньямин 1996 – *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
- Бодрийяр 2006 – *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика: Культурная революция, 2006.

- Борисов 2008 – *Борисов С.В.* Наивное философствование как познавательная деятельность // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 8 (32). С. 4–7.
- Гредновская, Первушина, 2015 – *Гредновская Е.В., Первушина Е.О.* Философия кино: между Сокуровым и Мамардашвили // Homo Holistic: Человек целостный: сб. науч. ст. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2015. № 3. С. 16–32.
- Гришин 2018 – *Гришин Е.А.* Законы робототехники: новая парадигма // Искусственные общества. 2018. № 3. С. 3–5.
- Делез, Гваттари 1998 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
- Леонтьев web – *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/index.html>
- Резвушкина web – *Резвушкина С.А.* Философский клуб кафедры философии провел творческую встречу с авторами проекта «Юность Есенина» // <https://www.susu.ru/ru/news/2022/03/03/filosofskiy-klub-kafedry-filosofii-provel-tvorcheskuyu-vstrechu-s-avtorami>
- Хайдеггер web – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike
- Ясперс 2000 – *Ясперс К.* Введение в философию. Мн.: Пропилеи.
- Bostrom web – *Bostrom N.* The Future of Humanity // <https://www.nickbostrom.com/papers/future.pdf>
- Danaher 2016 – *Danaher J.* Robots, law and the retribution gap // *Ethics and Information Technology*. 2016. № 18 (4). P. 299–309. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-016-9403-3>
- Jue, Ha 2021 – *Jue J., Ha J.H.* Influence of Art Therapy Students' Art Practice on Their Professional Identity and Career Commitment // *Art Therapy*. 2021. № 1 (38). P. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/07421656.2020.1743609>
- Koops B. at al. 2013 – *Koops B.-J., Di Carlo A., Nocco L., Casamassima V., Stradella E.* Robotic Technologies and Fundamental Rights: Robotics Challenging the European Constitutional Framework // *International Journal of Technoethics*. 2013. № 4 (2). P. 15–35.
- Yudkowsky web – *Yudkowsky E.* Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk // <https://intelligence.org/files/AIPosNegFactor.pdf>

REFERENCES

- Ben'yamin, 1996. A work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility. *Proizvedenie iskusstva v e'poxu ego texnicheskoj vosproizvodimosti*. Moscow, Medium.
- Bodriyyar, 2006. Consumer society. Its myths and structures. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify' i struktury'*. Moscow, Respublika; Kul'turnaya revolyuciya.
- Borisov, 2008. Naive Philosophizing as a Cognitive Activity. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8 (32), pp. 4-7.
- Grednovskaya E.V., Pervushina E.O., 2015. Philosophy of Cinema: Between Sokurov and Mamardashvili. *Homo Holistic: Chelovek Tselostniy*, no. 3, pp. 16-32.
- Grishin E.A., 2018. Laws of Robotics: A New Paradigm. *Iskusstvenny'e obshchestva*, 2018, no. 3 (13), pp. 3-5.
- Delez Zh., Gvattari F., 1998. *What is Philosophy?* Moscow, Institute of experimental sociology, Aletejya.
- Leont'ev A.N. *Activity. Consciousness. Personality*. URL: <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/index.html>
- Rezvushkina S.A. *The Philosophical Club of the Department of Philosophy Held a Creative Meeting with the Authors of the Project «Yesenin's Youth»*. URL: <https://www.susu.ru/ru/news/2022/03/03/filosofskiy-klub-kafedry-filosofii-provel-tvorcheskuyu-vstrechu-s-avtorami>
- Heidegger M. *Question About Technique*. URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike
- Yaspers K., 2000. *Introduction to Philosophy*. Minsk, Propilei.
- Bostrom N. *The Future of Humanity*. URL: <https://www.nickbostrom.com/papers/future.pdf>
- Danaher J., 2016. Robots, Law and the Retribution Gap. *Ethics and Information Technology*, 2016, no. 4 (18), pp. 299-309. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-016-9403-3>
- Jue J., Ha J.H., 2021. Influence of Art Therapy Students' Art Practice on Their Professional Identity and Career Commitment. *Art Therapy*, 2021, no. 1 (38), pp. 13-21. DOI: <https://doi.org/10.1080/07421656.2020.1743609>
- Koops at al. 2013. Robotic Technologies and Fundamental Rights: Robotics Challenging the European Constitutional Framework. *International Journal of Technoethics*, 2013, no. 2 (4), pp. 15-35.
- Yudkowsky E. *Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk*. URL: <https://intelligence.org/files/AIPosNegFactor.pdf>

Information About the Authors

Artur A. Dydrov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, zenonstoik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5693-9258>

Elena V. Grednovskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, nebytiya_net@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4639-6800>

Vasilisa A. Klenovskaya, Senior Lecturer, Department of Philosophy, South Ural State University, Prosp. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, vasilisa.pogorelaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4617-5776>

Информация об авторах

Артур Александрович Дыдров, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, zenonstoik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5693-9258>

Елена Васильевна Гредновская, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, nebytiya_net@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4639-6800>

Василиса Александровна Кленовская, старший преподаватель кафедры философии, Южно-Уральский государственный университет, просп. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, vasilisa.pogorelaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4617-5776>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.5>

UDC 1:008
LBC 87.000.4

Submitted: 06.09.2022
Accepted: 05.12.2022

PHENOMENOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF THE CONCEPT OF “CULTURAL STATUS”

Viktoriya A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valentina A. Komova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The subject of this research is the concept of “cultural status”, the actualization of which in scientific and philosophical discourse indicates the increasing role of culture in the modern world and the need to comprehend the position of the subject of cultural creativity, its importance in the organization of socio-cultural space. The authors use the phenomenological approach as the most heuristic in the conditions of social transformation, allowing to consider the object in a naturally formed context, to apply methods and techniques corresponding to research intentions. The work is based on the comparison of the concept of “cultural status” with the concept of “social status”, widely used in sociological science. The conceptual provisions of P. Bourdieu’s sociological theory, as well as the guiding theses of the activity approach in the study of culture, allowed the authors to conclude that social status reflects a person’s place in the social hierarchy, position in the space of social relations, and cultural includes a much wider range of parameters rooted in people’s daily lives, diverse experience of connections and relationships, gaining value value; cultural status characterizes the position of its bearer in the space-time continuum and the context of values, norms, relationships, the ontological position of the subject of cultural creativity, determined by the measure of activity to create a cultural order, which correlates with the social and carries a life-creating potential. The authors identify the components that influence the formation of cultural status: spatial and temporal parameters, the specifics of values, the role of the subject. The emphasis on the active, active beginning of the subject of cultural creativity, whose status position presupposes choice, decision and responsibility, allows for a productive search for mechanisms to optimize the life of a person and society in a risky world. The novelty of the study consists in clarifying the semantic the structure of the concept of “cultural status,” the study of discursive fields that influence its formation in the conditions of modern social dynamics. The phenomenological approach allows us to master the discursive space in movement from life to rational, capable of becoming a reliable tool in the formation of sociocultural space as an integrity necessary for the harmonious existence of man and society.

Key words: cultural status, phenomenological approach, social hierarchy, social order, culture, socio-cultural space, social transformation, social dynamics, cultural phenomenon, subject of cultural creativity.

Citation. Khrapova V. A., Komova V.A. Phenomenological Aspects of the Study of the Concept of “Cultural Status”. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 46-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.5>

УДК 1:008
ББК 87.000.4

Дата поступления статьи: 06.09.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС»

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валентина Александровна Комова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Предмет данного исследования – концепт «культурный статус», актуализация которого в научно-философском дискурсе свидетельствует о возрастании роли культуры в современном мире и необходимости осмысления позиции субъекта культурного творчества, его значения в организации социокультурного пространства. Авторы используют феноменологический подход как наиболее эвристичный в условиях социальных трансформаций, позволяющий рассматривать объект в естественным образом сложившемся контексте, применять методы и приемы, соответствующие исследовательским интенциям. Работа построена на сравнении концепта «культурный статус» с концептом «социальный статус», широко используемым в социологической науке. Концептуальные положения социологической теории П. Бурдьё, а также установочные тезисы деятельностного подхода в изучении культуры позволили авторам сделать вывод о том, что социальный статус отражает место человека в социальной иерархии, позицию в пространстве социальных отношений, а культурный включает в себя гораздо более широкий диапазон параметров, укорененных в повседневной жизни людей, разноплановом опыте связей и отношений, обретающем ценностное значение; культурный статус характеризует положение его носителя в пространственно-временном континууме и контексте ценностей, норм, отношений, онтологическую позицию субъекта культурного творчества, определяемую мерой активности по созданию культурного порядка, который соотносится с социальным и несет в себе жизнотворческий потенциал. Авторы выделяют составляющие, оказывающие влияние на формирование культурного статуса: пространственно-временные параметры, специфику ценностей, роль субъекта. Акцент на активном, деятельностном начале субъекта культурного творчества, статусная позиция которого предполагает выбор, решение и ответственность, позволяет осуществлять продуктивный поиск механизмов оптимизации жизнедеятельности человека и общества в рискогенном мире. Новизна исследования состоит в уточнении семантической структуры концепта «культурный статус», изучении дискурсивных полей, оказывающих влияние на ее формирование в условиях современной социальной динамики. Феноменологический подход позволяет осваивать дискурсивное пространство в движении от жизненного к рациональному, способному стать надежным инструментом в деле формирования социокультурного пространства как целостности, необходимой для гармоничного существования человека и общества.

Ключевые слова: культурный статус, феноменологический подход, социальная иерархия, социальный порядок, культура, социокультурное пространство, социальная трансформация, социальная динамика, культурный феномен, субъект культурного творчества.

Цитирование. Храпова В. А., Комова В. А. Феноменологические аспекты исследования концепта «культурный статус» // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 46–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.5>

Современное исследовательское поле расширяется за счет новых подходов, методов, понятий, концептов, которые ранее находились на периферии научного поиска, но неявным образом указывали на существование нераскрытых сторон жизнедеятельности человека и общества, возможности обретения значимых смыслов, ресурсы процесса познания. Одним из таких концептов является «культурный статус», широко используемый в современной научной литературе в связи с изучением конкретных культурных феноменов, но не получивший содержательной интерпретации.

Для начала определимся, какие исследовательские интенции мы имеем ввиду, делая предметом анализа концепт. В самом общем плане концепт – то, что позволяет выявить главное на определенном этапе, некий конструкт, образ, который содержит уже некоторое знание, не отрефлексированное в научном дискурсе, коррелирующее с природой бессознательного, непрявленного, но уже присутствующее

и значащее. Концепт – продуктивная интуиция субъекта, позволяющая вычленить значимое содержание из неформленного опыта, ментального поля, культурного контекста и интегрировать ее в языковую среду. Это инновационная идея, образно выраженная, заряженная на передачу импульса ее осмысления, содержащая созидательный смысл. Обращаясь к исследованию концепта «культурный статус» мы имеем целью приблизиться к пониманию процессов, организующих современное социокультурное пространство, доминирующих тенденций его развития, а также осмыслить возможности субъекта культурного творчества в условиях современной социальной динамики.

В условиях трансформации всех сфер жизни человека и общества, когда устоявшиеся методы исследования реальности обнаруживают свою дисфункцию, одним из наиболее эвристичных представляется феноменологический подход, позволяющий осуществлять поиск знания в «здесь-и-сейчас» сложив-

шихся обстоятельствах, в соответствии с познавательными задачами субъекта без обязательного следования определенной исследовательской парадигме. Феноменологическая установка на непосредственное созерцание со сосредоточением внимания на акте (переживании) сознания, восприимчивое проникновение, концентрация приводят к интуитивному постижению, максимальной ясности и отчетливости видения объекта с дальнейшим установлением различий и сопоставлением с целью выбора аспектов и параметров, адекватно характеризующих объект и способствующих эффективности исследовательского процесса. Универсальной и наиболее простой составляющей феноменологического подхода является аналогия, теоретические основания которой базируются на принципе единства мира, единства природы и ее законов, принципах всеобщей связи, подобия, изоморфизма и универсальности законов строения и развития. Аналогия исходит из посылки: если некоторые признаки двух объектов подобны, то должны быть подобны и остальные признаки. Это поиск, основанный на сравнении исследуемого объекта со схожими по содержанию, форме, функциям хорошо изученными объектами и системами.

В общественных науках широко используется понятие «социальный статус» (от лат. status – состояние, положение). Многочисленные словари, энциклопедии, справочники раскрывают его разветвленную семантику: «статус – положение, занимаемое человеком в социальной группе и сопрягаемое с совокупностью прав и обязанностей (социальная роль), которая принимается им» [Неретина web]. Статус – место, определяемое характеристиками субъекта, которые обуславливают его функции, роли, возможности в социальном пространстве. Признаки подобия, образующие структуру семантики концептов «социальный статус» и «культурный статус» позволяют применить к анализу концепта «культурный статус» ту же исследовательскую парадигму.

Итак, статус – место субъекта в определенной иерархии, являющейся составляющей некоторого порядка. Человек нуждается в порядке, ему свойственно преодолевать дезорганизацию окружающего пространства. В современном исследовательском поле,

сформированном постнеклассическими разработками, даже о хаосе сложилось представление как о сверхупорядоченном единстве. Человек организует пространство в соответствии с видением порядка, который существует в его сознании. Однако порядок как следствие соответствующей организации сознания не существует как данность, а формируется в процессе созерцания внешних форм мира. Об этом писал Г. Гачев, когда обосновывал свою концепцию «Космо-Психо-Логоса»: тип местной природы, характер человека и национальный ум находятся во взаимном соответствии и дополнительности» [Гачев 2007, 6]. Пространство и время – главные и универсальные предпосылки восприятия и мышления. Первоначально органы чувств адаптируются к внешнему миру активизируясь и настраиваясь. Так формируется определенный тип восприятия. Затем происходит выделение, дифференциация и организация структурных элементов и связей. Когда субъективное восприятие и особые установки сознания позволяют эффективно решать вставшие перед человеком проблемы, формируются ценности. Далее развивается способность находить решения не конкретных частных проблем, но целых классов проблем. Ценности закрепляются в социальной памяти, определяют идентичность, задают параметры жизнедеятельности. Эти ценности становятся нормой для последующих поколений, способствуют созданию определенного социального порядка. С представлений о высших, сакральных ценностях начинается культура [Конев 1998].

Как заметил А.Я. Флиер, социально-функциональная амбивалентность культуры породила богатую палитру дефиниций, определяющих ее сущность в различных ракурсах и с позиций выделения тех или иных ее функций. Для данного исследования наиболее подходящим представляется определение, данное А.Я. Флиером и А.В. Костиной: «Культура – это исторически выработанный порядок устойчивых взаимоотношений между людьми в связи с их коллективным существованием в имеющихся природных и исторических условиях, а также совокупность продуктов, идей, структур и технологий, порожденных в процессе этих взаимоотношений» [Костина, Флиер 2009, 26].

П. Бурдьё, осуществив синтез классических социологических теорий, предложил описание процессов становления, утверждения, развития социального, отвечающее условиям современной социальной динамики [Бурдьё 2005]. С точки зрения П. Бурдьё, социальное пространство – не что иное как отношения между позициями индивидуальных и коллективных агентов, обладающих активными свойствами. Активные свойства (капитал, положенный в основу построения социального пространства в теории Бурдьё) – мера силы и власти, которой наделен агент. Сила имеет не субстанциальную природу, она рождается столкновением различий, проявляется в действии (практиках). Позиция агента в социальном пространстве определяется структурой сил, которые ему удалось обрести [Бурдьё 2004].

Генезис социальной действительности П. Бурдьё описал следующим образом: существуют объективные (не зависящие от воли и сознания людей) структуры, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление. Вместе с тем агентам имманентно присуща активность, они являются источниками непрерывных воздействий на социальную действительность. Социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят или преобразуют структуры [Бурдьё 2005]. Таким образом, социальное пространство предстает как «поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих, таким образом, в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [Бурдьё 2007, 55]. Поле характеризуется особенностями различий активных свойств. Агенты (индивидуальные или групповые) определяются их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, а также той ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять.

Поле описывается через устойчивые инварианты практик. Фиксируемые феноменологически практики представляют ансамбль отношений, проявляющихся в виде простран-

ственной структуры, различной с точки зрения исследователей, занимающих разные позиции в социальном пространстве. «Социальное пространство» конструируется каждый раз в зависимости от целей и средств исследования.

Главным мотивом поведения человека Бурдьё считал «жажду достоинства», которая может быть удовлетворена только социально: социальные структуры наделяют человека именем, позицией, ставят перед ним определенные задачи, решая которые человек достигает фундаментальной экзистенциальной цели – социального признания. Стремление к признанию становится источником бесконечных соревнований, делающих общество динамичным. Поиск смысла превращается в стремление к власти через обретение капитала – ресурса, обеспечивающего продуктивность реализации субъекта (агента социальной активности). Экономический и культурный капитал – наиболее важные формы социальных ресурсов, позволяющие получать преимущества в современном обществе.

При таком подходе социальный статус – не просто место в социальной иерархии с заданными ролями и строго регламентируемыми функциями, а социальная позиция, которая обладает некоторой степенью автономности и позволяет осуществлять выбор, принимать решения.

Бурдьё был одним из первых исследователей, который подчеркивал роль культуры в обретении капитала как меры влияния. Культура, как известно, выполняет адаптивно-приспособительную функцию в социальной системе, обусловленную адаптивной природой деятельности. С точки зрения одного из представителей деятельностного подхода Э.С. Маркаряна, определяя феномен культуры следует учитывать «диалектику ситуационных превращений, при которых результат деятельности постоянно трансформируется в ее средство...» [Маркарян 1979, 106]. То есть феноменом культуры может быть только такой результат деятельности, который используется в качестве ее средства и механизма, то есть в своей технико-логической функции. Фундаментальное значение деятельности – повышение жизнеспособности социума. Деятельность – это активность, направленная

на самосохранение живых систем. Поэтому результаты деятельности, сыгравшие жизненно важную роль в процессе адаптации социума к внешней среде обретают ценностное значение и образуют ценностное ядро культуры, ее духовное содержание.

Духовность – это атрибутивное качество, определяющее состояние человека как субъекта культурного творчества. Эвристичной представляется концепция духовности, предложенная А.Л. Киселевым и Н.Л. Мухелишвили, по мнению которых «условием выживания человека и социума является динамическая включенность самоопределяющегося субъекта в иерархическую систему бесконечной сложности и его открытость действующим в ней законам восходящей и нисходящей причинности» [Киселев, Мухелишвили 2001, 39]. Такая способность предполагает онтологическую осведомленность человека (умение понимать происходящее, разбираться в законах мироустройства, адекватно реагировать на внешние воздействия и внутренние импульсы). Исследователи определяют духовность как онтологическую осведомленность. Психологи Д.А. Леонтьев и Л.А. Карпенко трактуют духовность как «высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности» [Леонтьев, Петровский 2005, 37–38]. Исследователи поясняют, что «общим для многих подходов исследования духовности является: признание ее связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, божественными или космическими силами. Духовность является не «структурирующей структурой», а, наряду со свободой и ответственностью, способом существования человека. Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне» [Леонтьев, Петровский 2005, 37–38]. Духовность выступает предпосылкой личностной свободы и автономии через ориентацию на широкий спектр надындивидуальных ценностей, способствующую

их выживанию в сложных условиях и переходу на новые бытийные уровни. Это свойство, определяющее возможности адаптации в ситуациях преодоления противоречий, кризисов, предполагающих обретение новых экзистенциальных состояний и онтологических позиций. Духовная составляющая результатов культурного творчества определяет культурный статус субъекта.

Таким образом, культура несет в себе возможность совершенствования, преодоления онтологических противоречий и обретения новых жизнеутверждающих смыслов. В ценностных смыслах, которые формируются в конкретных пространственно-временных условиях, предопределяют характер деятельности и обеспечивают развитие человека и общества состоит назначение культуры, ее ресурсообразующие функции.

Если социальный статус отражает место человека в социальной иерархии, позицию в пространстве социальных отношений, культурный включает в себя гораздо более широкий диапазон параметров, укорененных в повседневной жизни людей, разноплановом опыте связей и отношений, обретающем ценностное значение. Определение «культурный» характеризует пространственно-временные координаты, контекст, в котором происходило формирование феноменов культуры, а также ценностное значение, определяющее характер регуляции, управления. Культурный статус отражает положение его носителя в пространственно-временном континууме и контексте ценностей, норм, отношений, его онтологическую позицию.

Социальный порядок возникает раньше культурного, для селекции и осмысления опыта и превращения его в стратегически значимый ресурс нужно время. Широко распространена историческая типология культур как определенных порядков, соответствующих стадиям развития общества – доиндустриальной, индустриальной, постиндустриальной. Доиндустриальные архаичные общества ориентированы на сохранение традиций, аккумулирующих опыт первоначального жизнеустройства – приспособления к природе, познания ее незыблемой силы и мудрости. Следствие этого – устойчивость быта, психологии, хозяйственного уклада, форм социальной организации.

Социальная иерархия является продолжением представлений о естественном образе складывающегося и сакрализованном порядке. Индивид включен в общественную систему и подчинен ее интересам. Ранговые, сословные, кастовые различия, определяющие ценность человека, его статус, устойчивы, прочно закреплены в менталитете людей и не пересматриваются.

Научный и технический прогресс способствовали существенной трансформации коллективной жизни. Индустриальные общества с высоким уровнем развития промышленного производства восприимчивы к новациям и динамичны. В них возрастает роль и престиж интеллектуального труда, образования, творчества. Мышление и язык обретают более абстрактный характер, усложняется сознание. Либеральное отношение общества к отклоняющемуся от традиционного мышлению и поведению становится предпосылкой для реорганизации социального порядка: происходят демократические преобразования, выстраиваются и законодательно закрепляются новые социальные иерархии. Традиционные связи ослабляются, меняется шкала жизненных ценностей, среди которых утверждается право личности на свободу и независимость. Становится возможной и получает активную общественную поддержку социальная мобильность.

В постиндустриальном обществе ведущие позиции занимает интеллектуальное производство. Приоритетные технологии ориентированы на компетентного потребителя, формирующего свою жизнь в глобализирующемся мире. Решение задач цивилизационного уровня требует изменения базовых ценностей. Культура основывается на принципах плюрализма, который распространяется на все сферы жизни. В зарождающихся в новом жизненном контексте социальных структурах появляются роли и статусы, отвечающие современным условиям. Идентичность обретает гибкие формы, становится стратегией организации жизненного пространства личности и общества. Статус – не привилегия, а выработанная позиция, результат принятых решений.

Культурная специфика характеризует определенный стиль, особенности организации

порядка, сложившиеся в обществе на определенном этапе развития. Этот стиль проявляется в материальных феноменах, менталитете людей, моделях их поведения, специфике отношений, языке. Культурный – значит специфический характер порядка. Статус – мера порядка, вносимого в окружающее пространство. Этот порядок зависит от того, как человек ощущает взаимообусловленность мира, какие устанавливает связи. Культурный статус фиксирует специфику отношения к миру и место, роль функции в иерархии отношений, определяется тем, как и в какой мере эти роли и функции выполняются субъектом культурогенеза или объектом. Статус зависит от того, что этот объект решает как объект культурный, то есть как смысл, стимулирующий развитие, как ценность, регулирующая поведение.

В культуре заложен механизм трансляции социально значимого опыта, ценностей и смыслов в знаково-символической форме. Знаково-символический характер обеспечивает возможность коммуникации, интерпретации. Любая культура существует благодаря интерпретации, содержит в себе традиции и новации, но соотношение их разное. (Культура «...в чистом виде предполагает наличие традиций (как результат аккумуляции значимых для человечества смыслов), и новаций (как процесс диффузного обновления и переосмысления существующего опыта) определенного количества людей, объединенных в исторически сложившуюся общность», – пишет Е.В. Фомина [Фомина 2010, 80]). В архаичных, стремящихся к самосохранению обществах ценности устойчивы, социальные структуры стабильны, преобладают традиционные формы жизнедеятельности. Элитарная культура, нацеленная на развитие, обладает мощным творческим потенциалом – как бы вырастая из традиции, она расширяет диапазон мысли и действия, предполагает свободу в создании новых бытийных форм. Задача массовой культуры – сохранение социальной целостности, осуществление их связи. Самосохранение в условиях социальной трансформации предполагает установление баланса традиций и новаций, координацию разнонаправленных потоков. В связи с этим вспоминаются размышления классика отечественной

философской мысли Л.П. Карсавина, который писал: «Нет развития без субъекта, развитие связано с обогащением сущего во взаимодействии мира и человеческого рода. Развитие мира представляет единство, обладающее гибкой иерархией: высшая ступень не отменяет низшую, а только расширяет и восполняет» [Карсавин 1993, 20].

В любом обществе присутствует определенная иерархия статусов, которая является основой его стратификации. Каждому статусу соответствует совокупность прав, предписывающих диапазон активности его носителя. Социальный статус – это позиция в социальной структуре, связанная с другими позициями через систему прав и обязанностей, а также соответствующая степень ответственности (ответственность здесь выступает как элемент механизма воспроизводства порядка, необходимого для самосохранения социальной системы). Культурный статус – онтологическая ситуация, характеризующая меру активности по созданию порядка, определяемого спецификой ценностей, обуславливающих жизненную стратегию субъекта культурного творчества на данном этапе развития.

Статус – это мера активности, мера в регуляции, управлении. Научные изыскания, проводимые в близком для нашего исследования поле, показывают, что применение понятия «культурный статус» в философии базируется прежде всего на категории меры – единстве количественных и качественных характеристик изучаемого объекта: «Методологическим основанием исследования статуса является «качество-количество-мера» [Петров 1995]. Опираясь на это, нам следует определить из чего складывается мера оценивания и какой именно набор качественных и количественных характеристик объекта следует анализировать для формирования наиболее полного представления о его культурном статусе.

1. Пространственно-временной фактор. Объект, являясь продуктом истории, отражает культуру того или иного времени. Время «застывает» в объекте, как годовые кольца на срезе ствола дерева. «Все в мире – от молекулы и камня до живого существа – имеет свои «годовые кольца» [Аскин 1966, 87]. Сочетание накопленных характеристик «пере-

работанное» и аккумулированное время – уникально для каждого объекта. Фактор времени неразрывно связан с пространственным фактором, что отражается в понятии хронотоп. Пространство – начальный импульс и атрибут культуры. Смыслообразующие функции культуры определяются ее пространственными характеристиками. Пространство представляет интерес для исследования в различных смыслах: это и место пребывания изучаемого объекта, и территория культуры (культурное пространство), и место жизнедеятельности (социокультурное пространство).

2. Ценностный фактор. В процессе исследовательской деятельности всегда определяется набор значимых характеристик изучаемого объекта, зависящий как от поставленных задач, так и от актуального понимания ценности этих характеристик. Это значит, что далеко не все параметры равнозначны в определении обобщенной картины культурного состояния объекта. Ценностный фактор позволяет провести градацию и обозначить наиболее важные аспекты исследования. Ценностный фактор тесно связан с фактором пространственно-временным: то, что воспринимается как ценность в определенном обществе и в определенное время может потерять свою важность при других обстоятельствах.

3. Фактор воздействия личности. В определении культурного статуса чрезвычайно актуальной является его социальная составляющая. Заслуживает внимания как связь культурного статуса и социума, так и связь культурного статуса и «особых» личностей, действия и авторитет которых влияют на его формирование. Влияние и того, и другого так взаимосвязано и переплетено между собой, что порой трудно поддается разграничению. В любом случае характеристики культурного статуса объекта тем или иным образом связаны с человеческой деятельностью (или бездействием).

Таким образом, используя феноменологический подход, мы совершили попытку осмысления и описания культурного статуса, определения основных факторов, влияющих на его формирование как феномена. Такой подход представляется нам унифицированным, приемлемым для анализа культурного статуса любого объекта, субъекта или процесса, и в тоже

время открытым для научного поиска. Вместе с тем мы сделали попытку описать дискурсивное поле, в котором происходит становление концепта «культурный статус», определить тенденции его осмысления в современном социокультурном пространстве.

В настоящее время мы наблюдаем изменение категориальной матрицы культуры. Происходит своеобразный эпистемологический разрыв – перманентная замена одного теоретического фрейма другим в едином потоке исторического времени. Человек как носитель рации в актах познания и практики не отражает мир в полной мере, а приближается к истине, которая имеет психологические, эпистемологические, онтологические уровни. На каждом этапе развития он выполняет определенную роль «модернизируя» когнитивные средства. Аттрактор мобилизации когнитивных ресурсов использует для эффективного решения проблем деятельность гибкого субъекта, обучающегося действовать в социокультурном языковом пространстве. Феноменологический метод позволяет осваивать дискурсивное пространство в движении от жизненного к рациональному, теоретически и логически выверенному, способному стать надежным руководством в плане организации бытия человека и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аскин 1966 – Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М.: Мысль, 1966.
- Бурдьё 2004 – Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25–48.
- Бурдьё 2005 – Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- Бурдьё 2007 – Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2007.
- Гачев 2007 – Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Академический проект, 2007.
- Карсавин 1993 – Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993.
- Киселев, Мухелишвили 2001 – Киселев А.Л., Мухелишвили Н.Л. Непрямая коммуникация в передаче духовной традиции // Системные исследования. Методологические

проблемы: ежегодник. М.: Эдиториал URSS. 2001. С. 29–45.

- Конев 1998 – Конев В.А. Онтология культуры : (Избранные работы). Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1998.
- Костина, Флиер 2009 – Костина А.В., Флиер А.Я. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской академии культуры и искусства. 2009. № 2 (18). С. 23–36.
- Леонтьев, Петровский 2005 – Леонтьев Д.А., Петровский А.В. Духовность / Общая психология. Словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. Т. 1 / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 37–38.
- Маркарян 1979 – Маркарян Э.С. Предмет и метод истории культуры: выступление на Круглом столе журнала «История СССР» «Предмет и метод истории культуры» // История СССР. 1979. № 6. С. 105–113.
- Неретина web – Неретина С.С. Статус // Новая философская энциклопедия // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0e8713ea8c7cb2ff681b0>
- Петров 1995 – Петров Ю.П. Социокультурный статус работников торговли: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Белгород, 1995.
- Фомина 2010 – Фомина Е.В. Онтологический статус «культурного» // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 78–81.

REFERENCES

- Askin Ya.F., 1966. *The Problem of Time. Its Philosophical Interpretation*. Moscow, Mysl' Publ.
- Burd'yo P., 2004. Distinction: A Social Critique of Judgment. *Western Economic Sociology: A Textbook of Modern Classics*. Moscow, ROSSPEN, pp. 25–48.
- Burd'yo P., 2005. *Sociology of Social Space*. Moscow, Institute of Experimental Sociology.
- Burd'yo P., 2007. *Social Space: Fields and Practices*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Gachev G.D., 2007. *National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos*. Moscow, Akademicheskij projekt Publ.
- Karsavin, L.P., 1993. *Philosophy of History*. Saint Petersburg, AO «Komplekt».
- Kiselev A.L., Muskhelishvili, N.L., 2001. Indirect Communication in the Transmission of Spiritual Tradition. *System research. Methodological problems: Yearbook*. Moscow, Editorial URSS, pp. 29–45.

- Konev V.A., 1998 *Ontology of Culture (Selected Works)*. Samara, Samarskij universitet Publ.
- Kostina A.V., Flier A.Ya., 2009. Three Types of Culture – three Functional Strategies of Life. *Vestnik Chelyabinskoy akademii kul'tury i iskusstva*. 2009, no. 2 (18), pp. 23-36.
- Leont'ev D.A. Petrovskij A.V., 2005. Spirituality. *General Psychology. Dictionary. Dictionary Psychological lexicon. Encyclopedic Dictionary in Six Volumes. Vol. 1*. Moscow, PER SE, pp. 37-38.
- Markaryan E.S., 1979. The Subject and Method of the History of Culture: A Speech at the Round Table of the Magazine “History of the USSR” “The Subject and Method of the History of Culture”. *History of the USSR*, 1979, no. 6, pp. 105-113.
- Neretina S.S. Status. *New Philosophical Encyclopedia*. URL: <http://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0e8713ea8c7cb2ff681b0>
- Petrov Yu. P., 1995. *Socio-Cultural Status of Trade Workers: Abstract of the Dissertation of the Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06*. Belgorod.
- Fomina E.V., 2010. Ontological Status of “Cultural”. *Omsk Scientific Bulletin*, 2010, no. 4, pp. 78-81.

Information About the Authors

Viktoriya A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, hrapova-v@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Valentina A. Komova, Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vakomova2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-2596>

Информация об авторах

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, hrapova-v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Валентина Александровна Комова, соискатель кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vakomova2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-2596>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.6>

UDC 316.77:316.422.42
LBC 60.524.126

Submitted: 08.09.2022
Accepted: 05.12.2022

**SPATIAL AND TEMPORAL PATTERNS OF DEVELOPMENT
OF TERRITORIAL COMMUNITIES: POSSIBLE SCENARIO OF CHANGE**

Julia A. Drozdova

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Janna S. Martinson

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Time and space are the prerequisites for the existence of a territorial community, since all the events that take place in a certain locality, show cause-and-effect relationships that form history, traditions, and patterns of life. Urban and country residents participate in the production, consumption, reproduction and capitalization of a territory's social resources; the latter arise through social interactions, social ties, relations, motives, objectives and means of their achievement that are played out over a long time on a certain territory. Social changes affected by such factors as social resource availability determine the spatial and temporal patterns of development. The development patterns of a region are influenced by "liquid modernity", situational and spontaneous actions of actors, suddenness and eventfulness, uncertainty and variability that are essential characteristics of social resources. Considering a region as a space-time continuum, the authors suggest that the territorial communities of urban and country residents constitute an established and changing system of social ties and interactions, with models of territorial socio-economic behavior, trust in institutional / non-institutional actors and other social resources. The spatial and temporal patterns of development are also affected by objective factors like economy crises, epidemics, wars, and the domestic and global politics. Given the evening-out of spatial difference in countries and regions, towns and settlements, glocalization is characterized by retaining local specifics related to the history, tradition, image of the territory, which we also classify as social resources. Subjective indicators are associated with understanding a region as a social space for interaction between people, groups, communities where social ties and interdependencies are formed, and ideas and meanings appear. In current conditions of nonlinear change, subjective factors can define the vector of development: people's motivation for present and future self-realization on the given territory, trust, regional identity, solidarity with fellow countrymen. Based on the findings of a complex empirical sociological study the authors worked out the composite index of social resource availability that unites all the factors mentioned. Fluctuations of the index of social resource availability determine the spatial and temporal patterns of development of territorial communities and regions.

Key words: territorial communities, social turbulence, spatial and temporal patterns of development, atomization of society, social resources, solidarity, index of social resource availability.

Citation. Drozdova Ju.A., Martinson Ja.S. Spatial and Temporal Patterns of Development of Territorial Communities: Possible Scenario of Change. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 55-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.6>

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ПАТТЕРНЫ РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ:
ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ ИЗМЕНЕНИЙ****Юлия Алексеевна Дроздова**Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация**Жанна Сергеевна Мартинсон**

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пространство и время являются необходимыми условиями жизни территориальных общностей, поскольку все происходящие события локализованы, имеют причинно-следственные связи, обеспечивающие процессуальность, продолжительность и устойчивость развития территории. Горожане и сельские жители участвуют в создании, потреблении, воспроизводстве и капитализации социальных ресурсов региона, которые образуются вследствие их социальных взаимодействий, социальных связей, отношений, мотивов, целей и способов их достижения в течение длительного времени на определенной территории. Социальные изменения, происходящие под влиянием различных факторов, среди которых авторы выделяют социальную ресурсообеспеченность, определяют пространственно-временные паттерны развития территории. На паттерны развития региона влияют «текущая современность», ситуативность и спонтанность действий акторов, внезапность и событийность, неопределенность и изменчивость. Рассматривая регион как пространственно-временной континуум, авторы предполагают, что территориальные общности сельских жителей и горожан образуют сложившуюся и изменяющуюся систему социальных связей и взаимодействий, с определенными моделями территориального социально-экономического поведения, доверием к институциональным / неинституциональным субъектам, с другими социальными ресурсами. На пространственно-временные паттерны развития влияют объективные факторы – экономический кризис, эпидемии, военные конфликты, политическая ситуация в стране и мире. Но глокализация при нивелировании пространственных различий в странах и регионах, городах и поселениях, характеризуется сохранением локальных особенностей, связанных с историей, традициями, имиджем территории, которые мы также относим к социальным ресурсам. Субъективные факторы связаны с пониманием региона как социального пространства, где в результате взаимодействия людей, групп, общностей появляются идеи и смыслы сохранения и развития территории. Субъективные факторы в современных условиях «нелинейных» изменений могут стать определяющими вектор этого развития: мотивация жителей к самореализации в настоящем и будущем на данной территории, доверие, территориальная идентичность, солидарность с земляками. Авторами статьи на основе результатов комплексного эмпирического социологического исследования разработан интегральный индекс социальной ресурсообеспеченности (ИСРО), объединяющий данные показатели. От изменения индекса социальной ресурсообеспеченности зависят пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей и региона.

Ключевые слова: территориальные общности, социальная турбулентность, пространственно-временные паттерны развития, атомизация общества, социальные ресурсы, солидарность, индекс социальной ресурсообеспеченности.

Цитирование. Дроздова Ю. В., Мартинсон Ж. С. Пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей: возможный сценарий изменений // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 55–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.6>

Введение

На пространственно-временные паттерны влияют «нелинейные» множественные социальные изменения: экономический кризис, нестабильная политическая ситуация, воен-

ные конфликты, санкции, растущая миграция, пандемия, связанная с COVID-19 инфекцией, – которые, будучи рискогенными, определяют условия и ограничения для развития территориальных общностей, углубляют переживание «социальной травмы» [Штомпка 2001],

в связи с чем, данное исследование является актуальным и востребованным.

В современных условиях различия в жизнедеятельности территориальных общностей горожан и сельских жителей нивелируются: пространственное развитие территорий определяют стратегические документы государственного управления, которые направлены на преодоление диспропорций в развитии российских локаций. Но ресурсообеспеченность территорий, прежде всего социальными ресурсами, не характеризуется только количественными показателями: рост социального неравенства, рисков, нестабильность, социальная разобщенность, индивидуальные стратегии адаптации и выживания в условиях социальной турбулентности, убывание населения, атомизация общества, – все это определяет качественные характеристики развития территории и ее будущее.

В основе исследования территориальных общностей, прежде всего, следует выделить общностный подход, основателем которого является немецкий социолог Ф. Тённис [Тённис 2002], впервые использовавший понятие «общность». Постоянный процесс взаимодействия людей порождает общности, сами общности воспроизводятся и поддерживаются взаимодействием. Идея обобществления через взаимодействия получила развитие в трудах Г. Зиммеля [Зиммель 1996], М. Вебера [Вебер 1990], Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1994], Я. Щепаньского [Щепаньский 1969], Т.И. Заславской [Заславская 1983], Г.Е. Зборовского [Зборовский 2014].

Территория в определении исследователей является определяющим фактором социальных отношений и связей, что мы можем найти в работах Дж. Хиллери [Hillery 1955], который выделяет следующие признаки: «а) территорию; ...б) социальное взаимодействие; ...в) наличие прочных связей между индивидами» (цит. по: [Bates, Bacon 1972, 372–373]).

Люди, идентифицируя себя с определенной территорией, образуют общности, и именно от позиции людей, от их желания выстраивать солидарные отношения и интенсивные связи зависит существование территориальной общности. Но, как показывает проведенное исследование, само существование общности не является данностью, процесс

трансформации может разрушать ее или образовывать иные формы общности, например, виртуальные сообщества («воображаемые сообщества») [Андерсон 2001], что мы наблюдаем в ситуации карантина и самоизоляции в связи с коронавирусной инфекцией, полностью трансформирующей социальную реальность.

Достаточно новым в контексте данного исследования является сетевой подход, в рамках которого территориальные общности определяются как сеть социальных взаимодействий. Эта концепция представлена в работах Дж. Коулмана [Коулман 2001]; В. Wellman [Wellman 1999]; Б. Латура [Латур 2014], Е. Ериксона [Erikson, 2013]. Для нас важным является определение сети как совокупности позиций горожан и сельских жителей и функциональных отношений между ними, а также ресурсов, которыми обладают акторы. Неравенство ресурсов закрепляет за акторами неравные структурные позиции. Позиции в социальной сети являются узлами пересечения множества связей-отношений, определяя ее многомерность и стабильность взаимодействий.

Исследование территориальных общностей на основе ресурсного подхода позволяет апробировать идею формирования и изменения (возрастания/убывания) социальных ресурсов в процессе жизнедеятельности горожан и сельских жителей, в зависимости от их отношения к территории и друг другу, принимаемых решений и их последствий. Методология данного подхода представлена в исследованиях зарубежных авторов – А.В. Sorensen [Sorensen 2000], М. Кастельса [Кастельс 2000], S. Mutzel, [Mutzel, 2009], Н. White [White, 2008], и отечественных – Т.И. Заславской [Заславская 1983], Н.Е. Тихоновой [Тихонова 2006], В.В. Радаева [Радаев 2019], Д.В. Мальцевой [Мальцева 2018], В.С. Вахштайна [Вахштайн 2013] и др.

Состояние «социальной турбулентности» [Яницкий 2011] характеризуется: дефицитом ресурсов и риском их воспроизводства. Концепт «социальной турбулентности» получил развитие в исследованиях социальных рисков О.Н. Яницкого [Яницкий 2011], У. Бека, С. Лэша, Э. Гидденса [Beck, Giddens, Lash 1994], М.А. Никулиной, Б.Б. Джамаловой, М.Ю. Колодиева, Е.Ю. Шулова [Никулин и др. web].

Социальные трансформации оказывают влияние на пространственно-временные паттерны развития общностей, что обусловило цель исследования: определить траектории возможного сценария развития территориальных общностей региона в условиях социальной нестабильности и рискогенности для прогнозирования в региональном управлении.

Алгоритм решения исследовательских задач обусловлен целью: охарактеризовать социальные ресурсы (такие как, социальный капитал, доверие, солидарность) территориальных общностей горожан и сельских жителей Волгоградской области; их социальные отношения и взаимодействия, влияющие на пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей; на основе эмпирических данных осуществить методологическую разработку интегрального индекса социальной ресурсообеспеченности для формирования солидарной среды управления, преодоления «социальной аномии» и разобщенности [Дроздова Мартинсон 2020], обеспечивающих развитие регионов.

Исследование и методы

В статье представлены результаты комплексного социологического исследования, включающего количественные и качественные социологические методы. Эмпирические данные, позволяющие анализировать и прогнозировать развитие территории, были получены с использованием следующих социологических методов: 1) опрос сельских жителей (Волгоградская область, $n = 332$, июль – сентябрь 2019 г.; $n = 100$, март – апрель 2022 года); 2) опрос жителей городов (Волгоградская область, $n = 516$, июль – август 2019 г.; 3) глубинные интервью (представители городской и сельской территориальных общностей Волгоградской области, $N = 10$, июль 2019 – январь 2020 г.); 4) экспертные интервью с представителями научного сообщества, органов муниципальной и региональной власти; ($N = 10$, июль 2019 – январь 2020 г.; $N = 10$, март – апрель 2022 г.).

Использование комбинированной стратегии на «полевом» этапе исследования, мониторинг результатов на протяжении 2019–2022

гг. дают основания для разработки интегрального индекса социальной ресурсообеспеченности, который позволяет прогнозировать развитие территориальных общностей в пространственно-временном континууме региона в условиях социальной турбулентности.

Результаты и дискуссия

Территориальная общность является самостоятельным системообразующим элементом территориальной структуры общества, включающим: определенную группу населения (в контексте статьи – горожан и сельских жителей); социальное пространство с его природными, материально-техническими и социальными ресурсами; модели взаимодействия, сеть социальных отношений.

Содержание и интенсивность социальных отношений и взаимодействий территориальных общностей определяется их сходством и различиями. Чем более похожими ресурсами обладают общности, тем больше оснований для солидаризации, социального обмена, объединения усилий, направленных на реализацию индивидуальных и общностных стратегий развития. В контексте нашего исследования важно, что территориальные общности горожан и сельских жителей представляют пространственно-временную социальную организацию. Общность пространства и времени, устойчивая система взаимодействий, формирующих и воспроизводящих социальный капитал, территориальная идентичность [Зборовский 2014], – все это является важным основанием для сравнительного ресурсного анализа территориальных общностей.

Различия в жизнедеятельности территориальных общностей также стимулируют взаимодействия, обмен результатами деятельности, внутреннюю миграцию. Все эти процессы влияют на сценарий развития территории, определяют векторы изменений.

Основной гипотезой исследования является предположение, что горожане и сельские жители имеют различные пространственно-временные паттерны развития, и вследствие этого разные сценарии возможных изменений, определяемые такими социальными ресурсами, как социальный капитал, пространство и время, доверие, со-

циальная активность, солидарность в современных условиях социальной нестабильности, анализ которых осуществлен в данной статье. При этом мы предполагаем, что есть тенденция к сближению данных общностей из-за различных эндогенных (например, убывание населения из городов и сельских территорий) и экзогенных (например, экономический кризис) изменений, снижения ресурсного потенциала провинциальных территорий.

Социальные ресурсы территориальных общностей воспроизводятся на микро- и макроуровнях. Межличностные связи, их масштаб, интенсивность, определяют социальный капитал и являются системообразующими для территориальных общностей, основной характеристикой микроуровня. Макроуровень воспроизводства социального капитала в контексте развития территориальных общностей представляет регион.

Социальный капитал как основной ресурс общности влияет, на наш взгляд, на социальное самочувствие, социальную активность на определенной территории, удовлетворенность жизнью.

Социальный капитал во многом определяет пространственно-временные паттерны развития горожан и сельских жителей, создает возможности и ограничения в его формировании и воспроизводстве [Barbieri 2003, 684].

Общностная модель территориального поведения [Рязанцев, Завалишин 2006] предполагает интенсивные взаимодействия внутри общности, взаимопомощь, поддержку, принятие «других» в качестве «своих» [Зиммель 2008], – все это формирует, воспроизводит и увеличивает социальный капитал как основной социальный ресурс.

В целом мы получили данные, подтверждающие гипотезу исследования о разнонаправленной динамике развития территориальных общностей, но характеризующие новую социальную реальность: ответы горожан демонстрируют большую значимость родственных связей, чем ответы сельских жителей. Так, например, «когда Вам нужна компания» 86,6 % опрошенных горожан выбирают родственников и друзей, 82,6 % сельских жителей, участников опроса, демонстрируют эту готовность. За консультацией по экономичес-

ким (юридическим вопросам) к родственникам и друзьям обратились бы 47,2 % (45,6 %) опрошенных горожан, в этих же ситуациях такой же выбор сделали только 37 % (36,7 %) опрошенных сельских жителей. На наш взгляд, ответы респондентов свидетельствуют о влиянии социальных трансформаций на паттерны развития территориальной общности, в сложившихся рискогенных обстоятельствах повышается роль первичных групп. Большая ценность родственных отношений у горожан объясняется недостаточностью данного ресурса [Ежевская 2015], особенно в условиях вынужденных эпидемиологических ограничений. Так, о своем желании устроить большое торжество и вечеринку, после режима самоизоляции, в кругу родственников и друзей заявили 75,3 % горожан, только 70,6 % сельских жителей, принявших участие в опросе, были солидарны с ними.

Во многом с этим мнением респондентов коррелирует их отношение к тем, с кем они находят наибольшее взаимопонимание (см. рис. 1).

Как видим, большинство опрошенных, считает, что это также близкие родственники. По мнению информанта, объяснение значимости первичных групп можно найти в традиционных, ментальных установках людей и повседневных практиках:

Вот менталитет очень важен в этом... Каким образом родственные связи живут в людях? Потому что, знаете, вот «с глаз долой – из сердца вон» – это самый плохой фактор, который сегодня проявляется, да. Вот человек уехал и забыл о всем том, что его связывало с прежней жизнью, понимаете... С другой стороны, если в семье, в этих кланах существуют какие-то иные отношения близости внутренней – поддержание связей, приглашение в гости, проезд на праздники... и так далее... – то это, в общем, я думаю, усиливает эти взаимодействия, и усиливает тенденции этих общностей городских в сторону сельских и наоборот, сельских в сторону городских. То есть, вот эти внутренние взаимодействия, основанные на ментальных характеристиках людей» (информант № 20, эксперт, представитель научного сообщества).

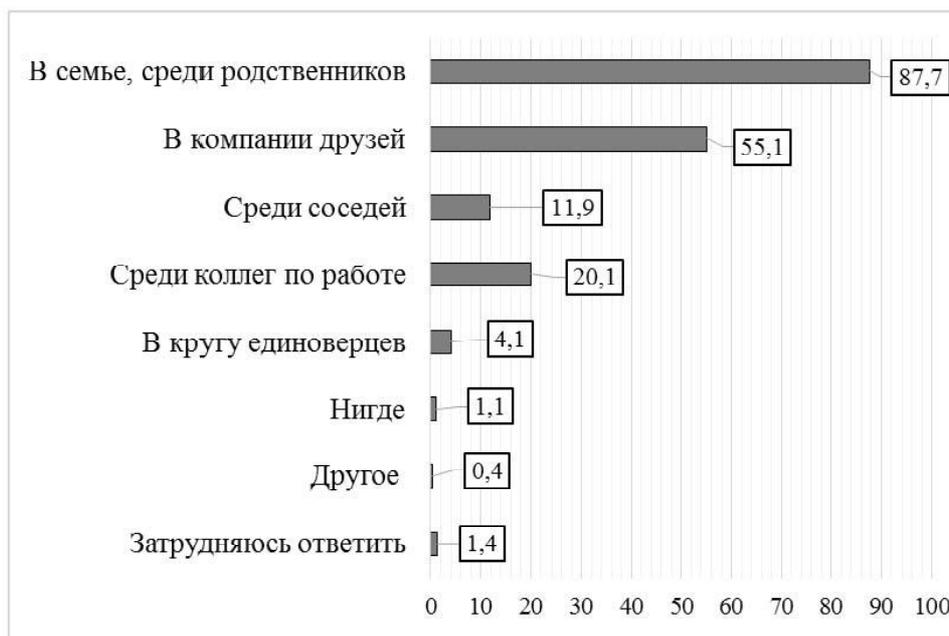

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?» (по всему массиву, в %)

Хотя в компании друзей жители области также нередко находят взаимопонимание (55,1 %), но, как мы видели выше, такое взаимопонимание не дает оснований полагаться в своей жизни на данную группу людей в различных ситуациях.

Преобладание семейно-родственных, дружеских отношений, ориентация на «первичные группы» не способствуют формированию территориальной общности, в которой существуют общностные, общественные отношения, предполагающие обезличенные требования и ответственность, деловое взаимодействие, готовность прийти на помощь незнакомым жителям города / сельского поселения.

Концепция Ф. Тенниса [Теннис 2002] основывалась на эволюции «традиционных» общностных оснований (общность по крови, родству и т. д.) в общественные основания образования общности (источник доходов, близость в социальной структуре, по видам занятости, профессии, образованию). В современных условиях, сходство общностных и общественных характеристик территориальных общностей горожан и сельских жителей позволяют нам говорить о гибридности и трансформации социальных отношений в пространственно-временной организации.

Как показало мониторинговое пилотажное исследование ($n = 100$, март – апрель 2022 г.), пандемия внесла существенные корректировки в социальные отношения сельских жителей, в случае болезни 53,9 % респондентов предпочли бы ни к кому не обращаться, а решать проблемы со здоровьем самостоятельно. С одной стороны, предполагаем, что данный ответ связан с заботой и страхом за здоровье своих родных, друзей в условиях пандемии, с другой стороны, свидетельствует о еще большей атомизации общества в условиях пандемии и росте недоверия, в том числе к институциональным акторам (медицинским учреждениям, врачам):

Родственникам, друзьям не разрешала приезжать в больницу, боялась, что заразятся. Был большой страх и за свою жизнь: медицина в плачевном состоянии, лекарств нет, специалистов нет, в больницу в 2020 г. попали по знакомству, хочешь – не хочешь рассчитываешь только на себя и Божью помощь» (сельская жительница, Волгоградская область, 45 лет).

Растущая атомизация общества, «социальная аномия», – данные состояния, по мнению классика социологии Э. Дюркгейма, «возникают в момент общественной дезорганизации, будет ли она происходить в силу

болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека» [Дюркгейм 1994, 237].

При реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (руководитель – Ю. А. Дроздова) авторским коллективом статьи был использован междисциплинарный индексный метод и впервые осуществлен расчет индекса социальной ресурсообеспеченности (ИСРО). Данный индекс разработан авторами статьи, на его основании составлена карта обеспеченности социальными ресурсами территориальных общностей Волгоградской области.

При разработке индекса социальной ресурсообеспеченности (ИСРО) авторы дополнили показатели Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемого ООН с 1990 года. Были учтены и другие методики, в частности, С.А. Айвазяна [Айвазян 2003], Г.П. Петропавловой [Петропавлова 2011], Л.А. Беляевой [Беляева 2009], а также «кризисный индекс качества жизни», разработанный Н.Е. Зубаревич [Зубаревич 2003], основанный на статистических показателях кризисного состояния регионов.

Разработанный авторами в грантовом исследовании интегральный показатель – индекс социальной ресурсообеспеченности – состоит из нескольких смысловых блоков: социальное самочувствие, социальная активность, социальные связи и их интенсивность, миграционные установки, доверие к социальным акторам, оценка качества жизни и т. д. Каждый показатель характеризует состояние локальной общности, социальные ресурсы исследуемой территории. Полученные количественные данные могут использоваться для дальнейшей научной рефлексии социальных ресурсов, качества жизни, сопоставления субъективных и объективных характеристик в одном интегральном показателе, имеющем количественные и качественные коннотации. Индекс представляет собой порядковую шкалу (от 0 до 32), где 0 – наименьшее (min) значение ресурсообеспеченности

территориальной общности, а 32 (max) – наибольшее.

Семь основных групп объединили 28 показателей обеспеченности социальными ресурсами:

- «самооценка текущего состояния респондента (общее настроение, качество жизни, удовлетворенность);
- миграционные установки (желание переехать в другой город / село);
- оценка привлекательности города/ села (для отдельных категорий граждан и прибывшего населения в отдельности);
- оценка солидарности территориальной общности (с отдельными категориями граждан и прибывшего населения в отдельности);
- оценка текущего взаимодействия в территориальной общности (внутри общности и отдельно с прибывшим населением);
- уровень доверия к социальным институтам и субъектам;
- базовые установки населения» [Дроздова web].

Индекс представляет собой сумму долей положительных ответов респондентов по отдельным городским и сельским округам (по миграционным установкам положительными для индекса считались ответы, свидетельствующие о желании остаться в городе/селе), а также среднего арифметического показателя генерализованного (обобщенного) доверия.

Остановимся на некоторых деятельностных показателях, формирующих пространственно-временные паттерны развития территориальных общностей Волгоградской области, к ним мы относим оценку солидарности территориальной общности и оценку текущего взаимодействия. Эти показатели характеризуют социальный капитал территориальных общностей как их основной социальный ресурс.

Мы рассматриваем солидарность как приоритетный пространственно-временной паттерн развития территориальной общности, в котором, по мнению А.Б. Гоффмана, сочетаются: «1) взаимозависимость, взаимодополнительность и общность интересов индивидов, групп, обществ; 2) взаимная симпатия, сочувствие, сопереживание, консенсус социальных акторов; 3) их приверженность одним и тем же нормам и ценностям; 4) их общая социальная (групповая) идентичность; 5) соци-

альная связь в самом широком смысле; 6) социальная интеграция; 7) общность взглядов и ответственности акторов; 8) совместная деятельность для достижения определенной цели; 9) альтруистическая помощь, взаимопомощь или поддержка социальных акторов; 10) моральная обязанность, основанная на ценности справедливости и предписывающая помощь другим людям (ближним, соратникам в общем деле, нуждающимся, обделенным судьбой); 11) различные формы социальной, экономической и политической поддержки, в том числе со стороны государства, направленные на улучшение положения определенных социальных групп и слоев, включая деятельность институтов социальной защиты и социального страхования; 12) совместная ответственность за что-либо» [Гофман 2014, 29]. При оценке уровня солидарности горожан и сельских жителей были получены эмпирические данные, представленные в таблице 1 и впервые проанализированные в статье соисполнителя гранта РФФИ А.В. Одинцова [Одинцов web, 19].

Статистический анализ различий между оценками городских и сельских жителей с

помощью критерия U-Манна-Уитни показал, что по всем вопросам различия во мнениях являются значимыми. Как видно из данных опроса (таблица 1), горожане в целом более склонны дистанцироваться с другими, абсолютное большинство участников опроса выбирают ответ «солидарности нет, но и не конфликтую». Горожане реже (32,8 % опрошенных), чем сельские жители (51,5 % респондентов) отмечают, что с соседями по дому их отношения характеризуются солидарностью. Но, на наш взгляд, на это влияют объективные факторы – характер расселения в сельской местности, проживание в частных домах, – обуславливают более частые повседневные взаимодействия. Только 17,1 % горожан – участников опроса оценили свои взаимодействия внутри территориальной общности как «есть солидарность, частые взаимодействия».

Эксперты гранта также противоречиво оценивают существующие взаимодействия с соседями, и в целом с представителями своей территориальной общности:

Территориальная общность... на мой взгляд, ее и не существует... Эээ, допус-

Таблица 1

Оценка уровня солидарности в территориальных общностях, в %

	Нет солидарности, редкие взаимодействия	Случаются конфликты, не чувствую солидарность	Солидарности нет, но и не конфликтую	Есть солидарность, частые взаимодействия	Затрудняюсь ответить
В целом по массиву					
1. Соседи по дому	13,6	3,7	35,5	40,1	7,1
2. Жители города (села), в котором я живу	15,8	3,3	43,6	24,2	13,1
3. Жители моего региона	19,0	3,7	44,5	11,1	21,7
4. Прибывшее население в наш город (мигранты)	26,0	5,7	38,1	5,2	25,0
Городские жители					
1. Соседи по дому	16,5	2,9	42,7	32,8	5
2. Жители города (села), в котором я живу	21,0	3,7	46,6	17,1	11,7
3. Жители моего региона	22,5	3,1	48,2	10,9	15,3
4. Прибывшее население в наш город (мигранты)	28,5	6,6	41,6	4,1	19,2
Сельские жители					
1. Соседи по дому	9,0	4,8	24,4	51,5	10,2
2. Жители города (села), в котором я живу	7,8	2,7	38,9	35,2	15,4
3. Жители моего региона	13,6	4,5	38,9	11,4	31,6
4. Прибывшее население в наш город (мигранты)	22,0	4,2	32,8	6,9	34,0

тим... Мой опыт съемного жилья, я несколько раз менял квартиры. Получается, ты не знаешь, кто твои соседи, не знаешь, как долго они здесь проживут, и, если, интегрируясь в какой-то период, ты начинаешь знакомиться, обживать, то через три года ты понимаешь, что все меняется очень быстро (информант 1, городской активист).

Напротив, 38,9 % опрошенных сельских жителей оценили взаимодействие внутри территориальной общности как солидарные. Показательными является и отношения горожан, сельских жителей к прибывшему населению (мигрантам): 41,6 % опрошенных горожан отметили, что «солидарности нет, но и не конфликтует», 32,8 % сельских жителей – участники опроса (32,8 %) также стараются избегать конфликтов, не выстраивая устойчивые социальные связи, воспринимая мигрантов, как «чужих», что при больших объемах миграции в регион также затрудняет формирование территориальной общности.

На рисунке 2 мы видим, что сельские жители гораздо чаще (в 28,6 % случаев) оценивают отношения в своем населенном пункте как солидарные. Среди горожан таких только 11,7 %.

По мнению экспертов гранта – сельских жителей, отношения в сельской общности тоже трансформируются и, в большей степени, определяются индивидуальными поведенческими стратегиями, как и у горожан: ...я здесь

живу, это земля, на которой я живу, мне, конечно, очень хочется, чтобы что-то здесь сделать именно доброе для места, где я живу. Опять, хочу сказать, что это очень неблагодарное дело, никто в ноги не кланяется, никто спасибо не говорит, поэтому, если кто-то там ожидает, что: «Ой, ты, наверное, такой уважаемый человек», – у нас нет вот этого понятия, к сожалению, оно у нас как-то растворилось. У нас кричат: «Ой, караул!», – когда что-то надо, когда у человека экстренная ситуация, тогда он бежит к тебе, обращается. А когда ты к нему обращаешься: «Пойдемте на субботник», – даже элементарно: «Пойдемте на выборы», «Давайте, мы проводим праздник, приходите». У нас есть люди, которые будут печь блины, у нас есть предприниматели, которые дадут молоко и яйца на эти блины. У нас есть люди, которые готовы делиться, а есть люди – потребители, которые смотрят и только говорят: «Ну-ну» (информант № 7, сельская жительница).

Таким образом, по мнению А.В. Одиноца, соисполнителя гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социологический управленческий анализ» (руководитель – Ю.А. Дроздова), «взаимодействия сельских жителей внутри сообщества гораздо более со-

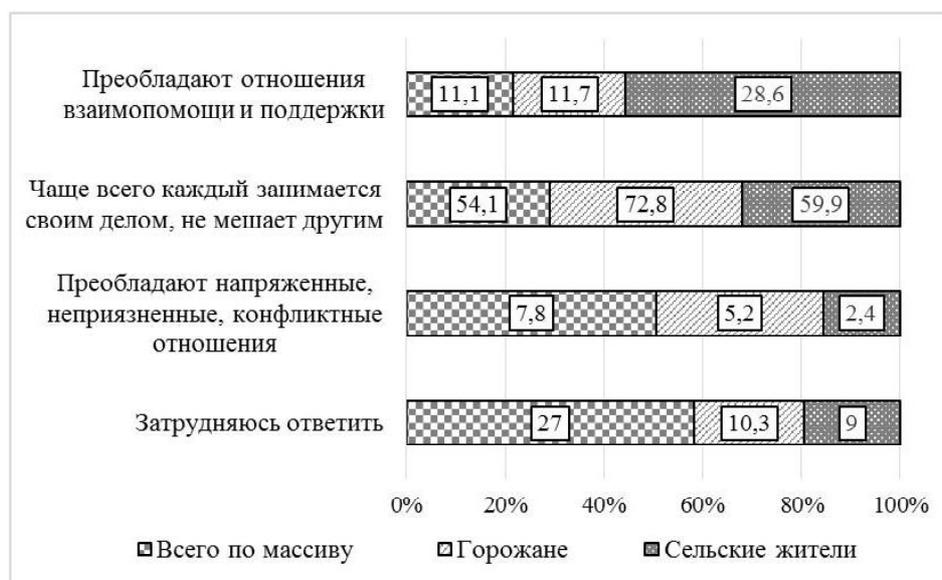

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой тип взаимоотношений преобладает среди жителей Вашего города / сельского поселения?», в %

лидарны, чем взаимодействия городских жителей. По этой причине потенциал коллективного действия, которое является основной гражданской активности, позволим предположить, заметно выше именно у сельских жителей» [Одинцов web, 19], что позволяет прогнозировать иной сценарий развития сельских территорий, безусловно, с учетом и других показателей.

Еще одним важным социальным ресурсом, отражающим пространственно-временные паттерны развития городов и сельских поселений, является доверие. Данный показатель интегрирует объективные и субъективные оценки горожан и сельских жителей, так как в нем отражаются рациональные и эмоциональные установки жителей, стереотипы и поведенческие стратегии, основанные на традиционном, историческом, этническом, социокультурном, биологическом контексте выстраивания отношений с определенными институциональными субъектами.

Показатель генерализованного доверия в разработанном авторами индексе ИСРО (индекс социальной ресурсообеспеченности) считался по интервальной шкале и представлен в виде среднего арифметического значения, варьирующегося от 1 до 5.

Исследование показало, что доверие в территориальных общностях к первичным группам (родственники, друзья) выше среднего (4,53 у горожан и 4,55 у сельских жителей), а ко вторичным (соседи, институциональные субъекты) занимает средние или ниже

среднего позиции. Например, свое доверие к жителям своего города горожане оценивают по шкале от 1 (совсем не доверяю) до 5 (самое высокое доверие) на 2,84, а сельские жители – на 2,89, что характерно для инертной среды, ориентированной в большей степени на родственные связи, а не на общественные, и состояния социальной аномии (табл. 2).

Как видим в сельской местности, сохраняется традиционные более доверительные отношения ко всем институциональным субъектам: степень доверия к Президенту горожане оценили на 2,64 балла, а сельские жители на 3,03 балла, но доверие к местным органам власти и горожане, и сельские жители оценили достаточно низко (2,22 балла и 2,67 балла соответственно), что затрудняет социальное управление в регионе и свидетельствует о социальной аномии, пассивном отношении жителей к вопросам местного управления.

Статистически (по критерию U-Манна-Уитни) почти не различается оценка доверия профсоюзам ($p = 0,249$), жителям родного города / села ($p = 0,349$); родственникам и друзьям ($p = 0,452$), СМИ и Интернету ($p = 0,712$). Статистически значимые различия ($p < 0,022$) наблюдаются по оценке доверия всем остальным институтам и субъектам: «сельские жители больше склонны доверять органам государственной и местной власти, «более значимым для исследования является заметно большая степень доверия селян священнослужителям (среднее значение 3,04 балла) и соседям (3,50 балла)» [Одинцов web, 21], что

Таблица 2

Оценка доверия социальным институтам и субъектам (среднее значение в баллах)

Социальные институты, субъекты	В целом по массиву	Городские жители	Сельские жители
Президенту	2,79	2,64	3,03
Правительству	2,37	2,28	2,52
Государственной Думе	2,23	2,14	2,37
местным органам власти	2,40	2,22	2,67
правоохранительным органам (полиции, суду, ФСБ)	2,66	2,46	2,96
Армии	3,21	3,01	3,51
профсоюзам	2,26	2,22	2,31
СМИ, Интернету	2,50	2,52	2,48
банковской системе	2,61	2,54	2,72
священнослужителям (священникам, муллам и т.п.)	2,63	2,37	3,04
медицинским учреждениям	2,74	2,61	2,94
соседям	3,10	2,84	3,50
родственникам, друзьям	4,54	4,53	4,55
жителям Вашего города/села	2,86	2,84	2,89

также необходимо учитывать при разработке программ развития локальных территорий.

Позволим предположить, что более высокие показатели доверия сельских жителей к политическим / неполитическим институтам, субъектам является важным социальным ресурсом гражданской активности в селах, а не в городах. При этом служители церкви и церковные приходы могут аккумулировать данный социальный ресурс и сыграть свою роль в консолидации территориальных общностей, особенно сельских, что также свидетельствует о возвращении в современных условиях нестабильности и неопределенности к традиционным пространственно-временным паттернам развития общества.

Авторское исследование и по другим показателям выявило средний и ниже среднего уровень социальной ресурсообеспеченности территориальных общностей Волгоградской области (min – 7,48 (от 0 до 8 – критический индекс социальной ресурсообеспеченности); max – 19,79 (максимально возможный – 32). Безусловно, необходима дальнейшая апробация, уточнение, разработка и патентование данного интегрального социального показателя, позволяющего учесть объективно-субъективные характеристики качества жизни, социальное самочувствие людей, возможности реализации собственных интересов на определенной территории, с чем связаны перспективы развития региона.

Представленные количественные и качественные данные частично подтвердили гипотезу исследования о трансформации территориальных общностей горожан и сельских жителей, их сближении и нивелировании их различий. Но данное сближение происходит и за счет разнонаправленных векторов в развитии общностей (например, большая ценность «первичных» групп для горожан и дистанцирование сельских жителей из-за новых повседневных практик в условиях информатизации). Мы наблюдаем трансформацию территориальных общностей, которая нуждается в дальнейшем мониторинге и социолого-управленческом анализе.

Конструирование, изменение социальной реальности происходит в конкретном пространстве и времени, которые также являются социальными ресурсами, определяющими пат-

терны развития территориальных общностей. Настоящее время, горожане и сельские жители Волгоградской области определили, как «застывшее» для их территорий в силу проанализированных и других социально-экономических показателей, которые имеют неразделимую триаду с прошлым региона (героическим) и его будущим (рискогенным), что воплощается в деятельности территориальных общностей, миграционных установках населения («убывающий регион»). Слабые взаимосвязи и низкая степень доверия затрудняют процесс формирования территориальной идентичности, «общего сектора времени и пространства» [Гидденс 2003, 118], что также выявляет риски возможного сценария изменений, требующих дальнейшего прогнозирования и управления.

Выводы

Исследование показало, что территориальные общности Волгоградского региона, горожане и сельские жители в пространственно-временном континууме Волгоградского региона имеют средний и ниже среднего уровень социальной ресурсообеспеченности, что характеризует рискогенное развитие территории. Рискогенность макросреды определяют экономические, политические, военные, эпидемиологические факторы. В контексте данной статьи акцент был сделан на другие показатели (субъективные), во многом зависящие от членов территориальных общностей. Различные показатели определяют невысокий уровень социальной ресурсообеспеченности жителей Волгоградской области. оценку: низкий уровень солидарности; атомизация жителей на бытовом и ценностном уровнях; индивидуальные поведенческие стратегии; ценность и ориентация на «первичные группы» близких родственников; низкий уровень доверия населения к институциональным субъектам.

Частично была подтверждена гипотеза о сближении территориальных общностей горожан и сельских жителей, особенно эти процессы ускорились в связи с тотальной информатизацией, созданием всеобщей системы работы в «удаленном режиме» с использованием информационных технологий и Интернет-коммуникации. Эндогенные процессы, в силу слабой мобильности сельских жителей и, от-

части горожан, еще играют свою роль, но уже меняются общности, люди, ежедневно покидающие свои сельские поселения и уезжающие на работу – это уже другая, не сельская общность. Люди, сидящие по 20 часов в Интернете и взаимодействующие с миром через компьютеры, телевизоры – это тоже другая общность [Урри 2012]. Более глубокий статистический анализ эмпирических данных позволил выявить корреляции в ответах горожан и сельских жителей, не позволяющие говорить полностью о нивелировании различий данных общностей.

При прогнозировании сценария развития территориальных общностей надо признать остаточность нашей рефлексии и подготовиться к «постсоциетальной» фазе развития территориальных общностей.

Постсовременность, условия нелинейно изменяющейся реальности актуализируют гуманитарное знание о регионе и его потенциале, социальных ресурсах, людях и социальных общностях, среди которых территориальные являются основными. Когнитивные составляющие свидетельствуют о проблемно-тематической рефлексии инновационных и традиционалистских паттернов развития территориальных общностей, при этом в современных условиях происходит стремительная их замена.

Альтернативный сценарий институциональных изменений социальной реальности регионов и стран свидетельствуют о вариативности формирования и существования территориальных общностей, освоения социальных ресурсов, что определяет траекторию дальнейших исследований ресурсного потенциала территориальных общностей в условиях социальных рисков и турбулентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян 2003 – *Айвазян С.А.* К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39, № 2. С. 33–53.
- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Беляева 2009 – *Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
- Бурдые 2002 – *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
- Вахштайн 2013 – *Вахштайн В.С.* К концептуализации сообщества: еще раз о резидентности или работа над ошибками // Социология власти. 2013. № 3. С. 8–25.
- Вебер 1990 – Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гофман 2014 – *Гофман А.Б.* Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. М.: РАН ИНИОН, 2014. С. 16–100.
- Гидденс 2003 – *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуриации. М.: Акад. проект, 2003.
- Дроздова web – *Дроздова Ю.А.* Ресурсообеспеченность территориальных общностей провинциальных регионов в период социальных трансформаций [Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности]. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: сб. материалов. Москва: МАКС Пресс, 2021. С. 562–565] // <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf>
- Дроздова, Мартинсон 2020 – *Дроздова Ю.А., Мартинсон Ж.С.* «Разобщенность близких душ»: социальная аномия территориальной общности в период социальных трансформаций // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 1. С. 52–62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.9>
- Дюркгейм 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство. М.: Мысль, 1994.
- Ежевская 2015 – *Ежевская Т.И.* Ценности как важный психологический ресурс личности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 2. С. 55–59.
- Заславская 1983 – *Заславская Т.И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 215–217.
- Зборовский 2014 – *Зборовский Г.Е.* Социальные общности и их временные характеристики // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 23, № 1. С. 148–158.
- Зиммель 1996 – *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Избранное. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 509–528.

- Зубаревич 2003 – *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России в переходный период: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003.
- Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- Коулман 2001 – *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Мальцева 2018 – *Мальцева Д.В.* Сетевой подход как феномен социологической теории // *Социологические исследования*. 2018. № 4. С. 3–14.
- Никулина и др. web – *Никулина М.А., Джамалова Б.Б., Колодиев М.Ю., Шулова Е.Ю.* Социальные риски в современном российском обществе: философская рефлексия [Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-48-64] // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve-filosofskaya-refleksiya/viewer>
- Одинцов web – *Одинцов А.В.* Ресурс гражданского активизма локальных сообществ Волгоградской области [Социодинамика. 2020. № 4] // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32528. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528
- Петропавлова 2011 – *Петропавлова Г.П.* Содержащие категории «качество жизни в науке и использование в практике управления территориями» // *Экономика и экологический менеджмент*. 2011. № 1. С. 206–225.
- Радаев 2019 – *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019.
- Рязанцев, Завалишин 2006 – *Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). Серия «Социологические технологии», М.: Гаудеамус: Акад. проект, 2006.
- Тённис 2002 – *Тённис Ф.* *Общность и общество*. СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Тихонова 2006 – *Тихонова Н.Е.* Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. Т. 7, № 3. С. 11–26.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
- Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Социальные изменения как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.
- Щепаньский 1969 – *Щепаньский Ян.* *Элементарные понятия социологии*. М.: Прогресс, 1969.
- Яницкий 2011 – *Яницкий О.Н.* «Турбулентные времена» как проблема общества риска // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6. С. 155–164.
- Barbieri 2003 – *Barbieri P.* Social Capital and Self-Employment. A Network Analysis Experiment and Several Considerations // *International Sociology*. 2003. Vol 18 (4). P. 681–701. DOI: 10.1177/0268580903184003.
- Bates, Bacon 1972 – *Bates F, Bacon L.* The Community as Social System // *Social Forces*. 1972. Vol. 50, No 3. P. 371–379.
- Beck, Giddens, Lash 1994 – *Beck U., Giddens A., Lash S.* *Reflexive Modernization: Politics, Tradition & Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity Press, 1994.
- Erikson 2013 – *Erikson E.* Formalist and Relationalist Theory in Social Network Analysis // *Sociological Theory*. 2013. Vol. 31, iss. 3. P. 219–242.
- Hillery 1955 – *Hillery G.H.* Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. 1955. Vol. 20. P. 111–123.
- Sørensen 2000. – *Sørensen A.B.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105, no. 6. P. 1523–1558.
- Mützel 2009 – *Mützel S.* Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor–network Theory // *Current Sociology*. 2009. Vol. 57. P. 871–887.
- Wellman 1999 – *Wellman B.* *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities*. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

REFERENCES

- Ayvazyan S.A., 2003. On the Methodology of Measuring Synthetic Categories of the Quality of Life. *Ekonomika i matematicheskiye metody*, vol. 39, no. 2, pp. 33–53.
- Anderson B., 2001. *Imagined Communities*. Moscow, Kanon-Press Publ.
- Belyaeva L.A., 2009. The Level and Quality of Life. Problems of Assessment and Interpretation. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 33–42.
- Bourdieu P., 2002. Forms of Capital. *Jekonomicheskaja sociologija*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.
- Vakhshstein V.S., 2013. On Conceptualizing the Community: Residency or Error Correction Revisited. *Cociologiya vlasti*, no. 3, pp. 8–25.
- Weber M., 1990. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ.
- Gofman A., 2014. Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek? On Two Types of Social Integration.

- Social'naya solidarnost' i al'truizm: Sociologicheskaya tradiciya i sovremennye mezhdisciplinarnye issledovaniya: sb. nauch. tr.* Moscow, MAX Press, pp. 16-100.
- Giddens E., 2003. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow, Akad. proekt Publ.
- Drozdova J.A., 2021. Resource Availability of Territorial Communities in Provincial Regions during Social Transformation. *Sovremennoe obshchestvo v usloviyah social'no-ekonomicheskoy neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Sorokinskie chteniya": sb. materialov*. Moscow, MAX Press Publ., pp. 562-565. URL: <https://www.socio.msu.ru/documents/sorokinsbornik2021.pdf>
- Drozdova J.A., Martinson J.S., 2020. Estrangement of Close Souls: Social Anomie of Territorial Communities in Times of Social Transformation. *Logos et Praxis*, vol. 19, no. 1, pp. 52-62. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.9>
- Durkheim E., 1994. *Suicide*. Moscow, Mysl Publ.
- Ezhevskaja T.I., 2015. Values as an Important Personal Resource. *Gumanitarnyj vektor*, no. 2, pp. 55-59.
- Zaslavskaja T., 1983. Theoretical Issues of Studying Territorial and Social Structures of the Soviet Society. *Metodologicheskie problemy kompleksnyh issledovanij*. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 215-217.
- Zborovskij G., 2014. Social Communities and Their Temporal Characteristics. *Izvestija UrFU*, vol. 23, no. 1, pp. 148-158.
- Simmel G., 1996. *How is Society Possible? Vol. 2*. Moscow, Jurist Publ. pp. 509-528.
- Zubarevich N., 2003. *Social Development of a Russian Region During Transitional Period: Doct. geogr. sci. abs. diss.* Moscow, Mosk. gos. un-t.
- Castells M., 2000. *The Information Age: Economy, Society, Culture*. Moscow, GU-VShE Publ.
- Coleman J., 2001. Social Capital in the Creation of Human Capital. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 121-139.
- Latour B., 2014. *Reassembling the Social: Introduction to Actor Network Theory*. Moscow, GU-VShE.
- Maltseva D.V., 2018. Network Approach as a Phenomenon of Sociological Theory. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 3-14.
- Nikulina M.A., Dzhamalova B.B., Kolodiev M.Yu., Shulova E.Yu., 2018. Social Risks in Modern Russian Society: Philosophical Reflection. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, vol.10, no. 2. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-2-48-64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-riski-v-sovremennom-rossijskom-obschestve-filosofskaya-refleksiya/viewer>
- Odintsov A.V., 2020. Resource of Civil Activism in Local Communities of the Volgograd Region. *Sociodinamika*, no. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32528. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.4.32528
- Petrovavlova G.P., 2011. Intention of the Category "Quality of Life in Science" Applied to Region Management. *Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*, no. 1, pp. 206-225.
- Radaev V., 2019. *Millenials: How Russian Society is Changing*. Moscow, Izdatel'skij dom NIU VShJe.
- Rjazancev I., Zavalishin A., 2006. *Territorial Behavior of Russian People: Historical and Sociological Analysis. Serija "Sociologicheskie tehnologii"*. Moscow, Gaudeamus Publ., Akad. proekt Publ.
- Tönnies F., 2002. *Community and Society*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ.
- Tikhonova N., 2006. Resource Approach as New Theoretical Paradigm in Stratification Studies. *Jekonomicheskaja sociologija*, vol. 7, no. 3, pp. 11-26.
- Urry J., 1999. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London, Routledge.
- Stompka P., 2001. Social Change as Trauma. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 6-16.
- Szczepanski J, 1969. *Elementary Notions in Sociology*. Moscow, Progress.
- Janickij O., 2011. Turbulent Times as an Issue in Risk Society. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 155-164.
- Barbieri P., 2003. Social Capital and Self-Employment. A Network Analysis Experiment and Several Considerations. *International Sociology*, vol. 18(4), pp. 681-701. DOI: 10.1177/0268580903184003
- Bates F., Bacon L., 1972. The Community as Social System. *Social Forces*, vol. 50, no. 3, pp. 371-379.
- Beck U., Giddens A., Lash S., 1994. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition & Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge, Polity Press.
- Erikson E., 2013. Formalist and Relationalist Theory in Social Network Analysis. *Sociological Theory*, 2013, vol. 31, iss. 3, pp. 219-242.
- Hillery G.H, 1955. Definitions of Community: Areas of Agreement. *Rural Sociology*, vol. 20, pp. 111-123.
- Sørensen A.B., 2000. Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *British Journal of Sociology*, vol. 105, no. 6, pp. 1523-1558.
- Mützel S., 2009. Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-Network Theory. *Current Sociology*, vol. 57, pp. 871-887.
- Wellman B., 1999. *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities*. Boulder, CO, Westview Press.

Information About the Authors

Julija A. Drozdova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, juliadrozdova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6864-1416>

Janna S. Martinson, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer, Chair of Modern Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, martinson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0719-4632>

Информация об авторах

Юлия Алексеевна Дроздова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, Волгоградский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, juliadrozdova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6864-1416>

Жанна Сергеевна Мартинсон, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, martinson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0719-4632>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

UDC 316.7:39(=511.131)(045)
LBC 60.546.22-3

Submitted: 16.08.2022
Accepted: 05.12.2022

THE SOCIAL CONDITIONS OF PRESERVATION OF TRADITIONAL RITUALS AND ANTIQUES IN RURAL COMMUNITIES OF NORTH UDMURTIA

Tatiana A. Vlasova

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. This article deals with the perception of folk traditions among modern rural residents. In the last few years, the interest in ethnic culture is represented by changes in attitude towards the material culture and rituals, which are perceived as the manifestation of tradition. Following the change in modern country lifestyle, the practices which regulate the everyday routine change as well. The main research goal was to specify how rural residents incorporate things and rituals they see as traditional into their modern way of life. The empiric base of the research consists of survey data (n = 453) and semi-structured interviews (n = 36) from Debyosy, Igra and Kez districts of the Udmurt Republic. Results showed that traditional goods are preserved as the part of family memorial practices, and they are being recognized as things connected to the Udmurt culture in families with Udmurt ethnic identity. The drive to preserve the rituals develops in villages where the ethnic celebrations ensure the legacy transfer between generations. The pivotal role in preservation of rituals belongs to the replication of traditional rural activities, and their disappearance leads to abandonment of rituals. It also leads to the abandonment of ritualistic actions in daily life and communication. The activities of cultural centers where the folk rites become the part of scene performance help to inform about the ethnic traditions in their “invented” form. Such actions aren’t fictional in their nature because they serve as a basis for familial, friendly, and neighborly communication. Traditional rituals and household things in their modernized form then become the foundation of ethnic identity.

Key words: Ethnic groups, Traditional culture, Invention of the tradition, Rituals, Material heritage.

Citation. Vlasova T.A. The Social Conditions of Preservation of Traditional Rituals and Antiques in Rural Communities of North Udmurtia. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

УДК 316.7:39(=511.131)(045)
ББК 60.546.22-3

Дата поступления статьи: 16.08.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ И СТАРИННЫХ ВЕЩЕЙ В СЕЛАХ НА СЕВЕРЕ УДМУРТИИ

Татьяна Анатольевна Власова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются представления современных сельских жителей о народных традициях. В последние годы интерес к этнической культуре выражается в стремлении сохранить материальную культуру и обряды, в которых представители этноса и ученые видят воплощение исторической традиции. Вместе с изменением стиля жизни в современной деревне трансформируются практики, регламентирующие жизненный цикл людей и их повседневность. Цель исследования состояла в уточнении способов, каким сельские жители включают в современный образ жизни предметы и обряды, которые они сами считают традиционными и народными. В качестве эмпирической базы исследования использованы данные опроса (n = 453) и полуструктурированных интервью (n = 36), проведенных в Дебёском, Игринском и Кезском районах Удмуртской Республики. В результате изучения установлено, что предметы народного быта сохраняются как часть семейных мемориальных практик, а также осознаются как вещи, соотносящиеся с удмуртской культурой, если члены семьи имеют этническую идентичность. Установка на сохранение обрядов формируется в деревнях, где с помощью этнических праздников и мероприятий обеспечивается преемственность между старшим и млад-

шим поколением. Для сохранения обрядов решающее значение имеет воспроизводство традиционных крестьянских видов деятельности. Исчезновение практик приводит к отказу от обрядовых действий в быту и обыденной коммуникации. Деятельность домов культуры, где народные обряды становятся частью сценического перформанса, способствуют трансляции этнической традиции в «изобретенной» форме. Такие обрядовые действия не являются фикцией, поскольку становятся основой для семейной, дружеской и соседской коммуникации. Обрядовые практики в современной интерпретации и материальные предметы, включенные в современный быт, становятся основой для конструирования этнической идентичности.

Ключевые слова: этнические группы, традиционная культура, изобретение традиции, обряды, материальное наследие.

Цитирование. Власова Т. А. Социальные условия сохранения традиционных обрядов и старинных вещей в селах на севере Удмуртии // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.7>

Введение

2022 год был объявлен годом культурного наследия, что свидетельствует о внимании органов власти к проблемам его сохранения. В то же время продолжается дискуссия о формах поддержки этнической культуры в регионах. Практическая проблема является отражением академических дебатов о том, что следует включать в число проявлений народной культуры, а что – нет. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы описать современные практики, которые жителями удмуртских сел осознаются как «народные» и «традиционные». Опираясь на конструктивистскую парадигму, исследование предполагало совмещение концепта изобретения традиции с методами этнографического описания современной сельской культуры. Такая исследовательская установка позволила понять принципы совмещения институционально признанных форм народной культуры и бытовых практик. В настоящей статье рассматриваются трансформации вещной среды и обрядовых практик в современной деревне. В статье выделено четыре раздела: в первом обосновывается применение концепции изобретения традиции, во втором – описывается методология исследования. В третьем разделе рассматривается проблема взаимосвязи предметного мира и обрядовых практик, как она понимается жителями села. В четвертом разделе представляется возможность рассмотреть эту взаимосвязь на примере разных обрядов, сохранившихся в деревнях на севере Удмуртии.

Методология исследования

Материалы исследования были собраны в трех районах Удмуртской Республики (Де-

бёсском, Игринском, Кезском). Районы были выбраны на основании того, что учреждения этих районов стали участниками проекта «Хранители», поддержанного Фондом президентских грантов. В тоже время все три района граничат друг с другом и образуют культурно-этническую область, связанную с традицией северных удмуртов. Кроме удмуртской культуры в Кезском районе сохранились элементы старообрядческой (кержацкой) культуры. В рамках настоящего исследования нас интересовали нарративы, сложившиеся вокруг практик, которые информанты осознавали в качестве народной традиции.

В феврале-марте 2021 года был проведен опрос. По данным переписи 2010 года в Дебёсском районе проживало 12 665 человек, в Игринском – 17 457, в Кезском – 22 911. Во всех трех районах было собрано примерно равное количество анкет: 145 – в Дебёсском районе, 162 – в Игринском районе, 146 – в Кезском районе. Всего в опросе приняли участие 453 респондента. Выборка стихийная с точкой входа через сотрудников учреждений культуры. Респонденты в той или мере были связаны с работой этих учреждений.

С 17 мая по 6 июля 2021 г. была проведена серия интервью с работниками домов культуры, которые руководят работой фольклорных ансамблей, участниками фольклорных коллективов, а также с жителями села и районных центров трех районов (Дебёсский, Игринский, Кезский). В каждом из трех районов было собрано по 12 интервью, всего – 36 интервью. В каждом районе на долю работников учреждений культуры приходится четыре-пять интервью, то есть не более одной трети. Жители, не задействованные в работе учреждений культуры, были отобраны для уча-

ствия в исследовании на основании их желания, выраженного в ходе опроса, проводившегося на первом этапе исследования. Среди информантов были люди, в разной степени интегрированные в этническую или локальную культуру. В интервью обсуждалась тема сохранения культурного наследия, связанного с семьей, этнической идентичностью и локальным контекстом. Более детально рассматривались вопросы общения на удмуртском языке, сохранения объектов материального наследия в повседневных практиках.

Теория «изобретения традиции» и процесс культурных изменений

Связь этнической традиции с сельским образом жизни стала тавтологией и, как следствие, чаще всего несет в себе комплекс стереотипных суждений. С одной стороны, противопоставление города и села по-прежнему имеет свои основания. Несмотря на унификацию образа жизни и бытовых условий, остаются различия, которые проходят по линии урбанизации. В. Куренной отмечает тенденции, согласно которым люди из пространств «с низкой современной мобильностью» стремятся к универсальным продуктам глобальной цивилизации, которая понимается как престижная. Напротив, горожане ценят «локальную историческую аутентичность», включая еду и напитки, которые понимаются как экзотика. Именно в городах скапливаются рестораны традиционной кухни и музеи [Куренной 2017, 28]. Такая трактовка представляется несколько упрощенной. Бытовая среда сельских жителей не стала идентичной городскому образу жизни. Некоторые бытовые предметы используются так же, как несколько десятилетий назад. Вместе с тем приходит понимание, что предметы, практики, обряды являются артефактами личной и семейной памяти, а также эстетическими элементами оформления сельского дома. Использование культурных артефактов и практик в современной сельской среде необходимо трактовать не как актуальную традицию, а в качестве действий, которые ее являются «изобретением».

В рамках ставшей уже классической концепции Э. Хобсбаума подчеркивается, что

«изобретенная традиция» всегда представляет собой сочетание общественно значимых практик и комплекса действий по их ритуализации, а также придания им символического характера [Hobsbawm 1983, 4]. «Изобретенная традиция» противопоставляется обычаю, взятому в значении рутинной практики. Обычные практики не нуждаются в подкреплении традицией, они поддерживаются регулярными действиями, выполняемыми по правилам, известным всем. Поэтому попытки изобрести традицию сами по себе указывают на разрыв. Связь таких традиций с историческим прошлым – фиктивная, но это не означает, что она бессмысленная. Так, с помощью «изобретенной традиции» происходит внедрение определенных ценностей и норм поведения, а посредством повторения разрабатываются эмоционально и символически заряжающие знаки, которые придают общности, изобретающей некую традицию, уникальность и отличие от других.

Некоторые из положений теории Э. Хобсбаума получили дальнейшее развитие. Термин «конструирование» и «изобретение» близки. Начинает казаться, что все культурные феномены изобретены, или, наоборот, возникает сомнение, может ли что-то изобретаться абсолютно заново. Г. Десаи подчеркивает значение научных исследований, проведенных представителями культуры. При сравнении внутренних и внешних исследовательских перспектив становится очевидно, что научное обоснование является исходным пунктом проблемы политического представительства на муниципальном или региональном уровне власти [Desai 1993, 131]. Интеллектуальные споры и политические дебаты являются результатом двух публичных дискурсов: западный мир стремится справиться с изменениями, связанными с модернизацией, а западный – оправдать колониальные и империалистические установки. Со стороны меньшинственных групп создаются нарративы, репрезентирующие опыт общности перед лицом доминирования. Один из способов – рассказывание историй, другой – пение, коммунальные практики, использование предметов быта.

В отечественной социологии применение конструктивистского подхода также привело

к формулировке задач разграничения «настоящих» и «изобретенных» традиций [Свистунов 2018; Рахинский и др. 2021]. Но более продуктивным фокусом академической дискуссии оказался вопрос о том, какие акторы и с помощью каких инструментов работают на изобретение традиции [Малахов 2018, 238]. В отечественной социологии концепция изобретения традиции нашла применение в дискуссиях об идеологическом обосновании политических институтов [Ссорин-Чайков 2011; Макашова 2013; Кирчанов 2020] и значимых символах, служивших основой для государственной и региональной идентичности. Анализ кейсов сосредоточен вокруг использования изобретенных традиций во взаимодействии органов власти и социальных институтов, прежде всего в регионах [Тэзич 2011; Хлынина 2013; Озерова 2018].

В ряде исследовательских работ изучается бытование изобретенной традиции. Можно предполагать, что «уход» на уровень конкретных практик позволяет избежать обсуждения проблем политического доминирования. Хотя вопрос о поддержке властей все равно возникает. Так, описание традиции изготовления ковров в Гагаузии трактуется как точка пересечения академических исследований, экономического обоснования доходов от продажи сувениров, поддержки со стороны властей автономии [Никогло 2019]. На примере гагаузских ковров открывается возможность для осмысления степени и характера вовлеченности различных акторов: жителей конкретной местности, туристов, коммерческих и бюджетных организаций, представителей местной власти.

В основном корпусе работ, посвященных практике «изобретения традиции», анализируются изменения народной культуры, которые обусловлены использованием современного формата перформансов. Фестивали и массовые праздники формируют различные модусы национальной, этнической и персональной идентичности [Euerman 2004; Fox 2006; Ruane 2017]. Успешной оказывается работа с нематериальным наследием, в частности, народной музыкой и пением [Ajotikar, van Straaten 2021; Wrazen 2010]. Перформативные способы представления этнической культуры также делают востребованной материальную культуру как воплощение повседневной жизни

людей, принадлежащих к «истинной традиции». Это укладывается в логику маркетинга и коммерциализации вещного мира [Geng 1997; Oberholtzer 1995; Schnell 2003].

Эмпирические исследования в разных странах мира позволяют предположить, что в настоящее время категории культуры определяются извне этой культуры теми, кто представляет академическое поле, теми, кто реализует бизнес- и маркетинг-стратегии, и теми, кто организует перформансы и мероприятия с этническим контентом. Среди аудитории также есть внешние для культуры люди, включая туристов, и есть те, кто внутри культуры. Все категории акторов по-своему интерпретируют содержание и характер того, что они считают народной культурой. З. Стротхер предполагает, что фактор открытости для интерпретаций сближает народную и популярную культуру [Strother 1995, 29], что позволяет анализировать оба феномена с точки зрения изменчивости, а не статичности. Возможность собственной интерпретации дает увидеть коллективную работу в ходе создания и репликации символического продукта. Такой подход снимает противопоставление городской и сельской культуры и открывает другие возможности для аналитического сопоставления. В частности, новые элементы народной культуры, которые «изобретены», можно понять, если принять позицию, что они сформировались после того, как основные культурные категории уже описаны [Kuligowski 2014, 325]. Поэтому «подлинно народные» традиции исследователи относят к началу XX века, когда происходил активный прирост этнографических описаний народов России. С появлением технологических новшеств элементы традиции охраняются особенно тщательно. Ведется «работа с наследием», включающая объяснения и перформансы, а также маркетинг. Полученный результат должен свидетельствовать о том, что миноритарная традиция жива и отличается от доминирующей культуры.

Вещи и предметы в сельской повседневности

Материалы исследования позволили установить, что этническая традиция осознается жителями села как совокупность элемен-

тов материальной и нематериальной культуры. Данные опроса показывают, что наибольшей устойчивостью характеризуется песенная культура. О том, что в домашней традиции сохранились песни на родном языке, сообщили 47,4 % ответивших. Другим важным аспектом семейной памяти являются частные истории (39,6 %), вероятно, благодаря их коммуникативной функции и включению в процесс домашнего общения. Реже сохраняются традиционные предметы быта (29,2 %), так как в течение длительного времени не формировалась установка сохранения исторических предметов в семье. Лишь небольшая часть респондентов сообщила о сохранении народной одежды (9,2 %) и народных сказок (8,5 %). Эти элементы в большей степени музеефицированы и перестали воспроизводиться в обычных взаимодействиях. 20,9 % участников исследования заявили, что в семье не сохранилось никаких элементов традиционной культуры (рис. 1).

Материалы интервью позволили увидеть более сложную картину сохранения предметов, практик и обрядности. В частности, многие информанты смогли назвать старинные предметы или вещи, хранящиеся в их собственном доме, которые они связывали с народной традицией. Молодые участники исследования рассказывали о предметах, которые есть у родителей или родственников. Чаще всего информанты сообщали об оставшихся от бабушек предметах одежды (юбка, рубашка, платье) или целом костюме (9)¹. Кроме того, в семьях хранятся самотканые полотенца (8) и самодельные половики (8). Все эти вещи удобно хранить. Некоторые информанты продолжают использовать сундуки (7), так как они сохранили свою функцию. Информан-

ты описывали большие сундуки, куда они складывают зимнюю одежду, и маленькие для мелких предметов. Похожим образом функциональной остается посуда. Информанты упоминали глиняную и деревянную посуду (6). В домохозяйствах продолжают использовать маслобойки, среди которых есть как унаследованные от старших членов семьи, так и новоделы (Инт. 24, 30). В обоих случаях маслобойки рассматриваются участниками исследования как вещи, относящиеся к традиционной культуре. Другим предметом, воспринимающимся как безусловно старинный, является ткацкий станок (4), хотя обычно он находится в нерабочем состоянии. В единичных интервью упоминались прялки (3), веретена (2), берестяные изделия (2), кадушка или бочонок для изготовления наливки, самодельная мебель (шкаф, стол, комод), чугунные утюги (2), ухват, коромысло, кочерга, лапти. Информанты упоминали вещи, которые в настоящее время реже используются, но являются обычными для деревенского хозяйства: скалка, доска для раскатки теста, корзинки, валенки.

Некоторые вещи определяются участниками исследования как предметы, которые просто «остались на память», хотя информанты испытывали импульс, чтобы перечислить их в ответ на вопрос исследователя. К таким относились простыни с подзорами, керосиновый фонарь, старые ворота. Случалось, что вещи были связаны с ремеслом членов семьи, например, сапожный инструмент деда (Инт. 20), корзины и короба, которые сделал отец (Инт. 18). Информанты подчеркивали эмоциональную связь с этими родственниками. Например, молодой человек сообщил о гитаре, браслете и фотопроекторе отца (Инт. 28), а

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о сохранившихся элементах традиционной культуры

молодая сотрудница дома культуры – о бабушкиной вышитой скатерти (Инт. 22). Тогда важно было не соотнесение предметов с этнической традицией, а рассказ о родственных чувствах и порядке наследования. С другой стороны, один из достаточно распространенных сюжетов интервью – это сожаления об уже утраченных вещах. Пожилые информанты рассказывали, что некоторые вещи еще в послевоенные годы отдавали в обмен на продукты (Инт. 1, 32). Кроме того, случалась утрата имущества семьи в результате пожара (Инт. 1, 17), либо старинные предметы оставляли в проданных домах (Инт. 11, 18, 26, 28). Молодые сотрудницы домов культуры замечали, что в домах их бабушек хранилось довольно много старинных вещей, что стало для них существенной помощью во время учебы в школе и университете (Инт. 2, 12). С другой стороны, некоторые информанты описывали свои практики хранения как установку «ничего не выбрасывать» (Инт. 20, 30), что становилось для них своеобразной стратегией домашней музеефикации. Поскольку значительную долю выборки составляли сотрудники учреждений культуры, они участвовали в комплектовании фондов локальных музеев. Как правило, их собственные семейные вещи передавались в музеи (Инт. 8, 11, 13, 15, 24). Одной из информантов, чье фермерское хозяйство располагалось на земле заброшенной деревни, удалось сформировать частный музей из собранных в оставленных домах вещей (Инт. 7).

В материалах интервью нашли отражение два нарратива. В рамках одного из них описывается переход от вещного мира традиционной крестьянской избы к универсальным образцам устройства быта в послевоенные десятилетия:

Лавки были вот такие толщиной, сантиметров 10–15. И в углах там и посередине еще вот такие ножки. Ну сильные они были, сильные. Полати были, спали на полатах. Ну вот спать даже никакой мебели не было. Вот мы на полатах. (...) А я уже замуж вышла, тоже хоть в натуральную кержацкую семью, но там уже вот этих лавок не было. Были уже койки. Вот первые пошли... (Инт. 3)

Другая тенденция, обнаруженная в ходе исследования, но пока не очень распростра-

ненная, – это желание приобрести бытовые вещи, которые восполнят утрату аутентичных вещей. Те информанты, которые являются участниками хоровых коллективов или работают в учреждениях культуры (они часто тоже имеют опыт выступлений), имеют сценические костюмы (Инт. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 13, 15, 17, 22, 25, 28, 32, 35, 36). Но имеет место осознание того, что сценический костюм – это продукт современных визуальных конвенций относительно того, что в выступлении видит зритель и что способен шить современный мастер по костюмам. Поэтому информанты сообщали о желании сшить «настоящее» удмуртское или старообрядческое платье (Инт. 3, 6, 30, 35). Молодые женщины сообщали, что они с удовольствием покупают вещи «с удмуртским колоритом»: одежду и сумки с удмуртским орнаментом, стилизованные украшения, корзины, посуду (Инт. 12, 29, 30, 35). Они также ценят мероприятия, включающие объяснение семантики этнического орнамента и костюма (Инт. 29). Информанты старшего поколения чаще говорили о приобретении деревянной посуды в качестве сувениров и половиков для повседневного использования (Инт. 36). Выяснилось, что в деревнях ценятся мастерицы, которые умеет ткать или вязать самодельные половики. В двух интервью участники исследования делились идеей организации в доме комнаты или «уголка» с элементами традиционного быта (Инт. 6, 30).

Предметный мир, который ассоциируется у участников исследования с традиционной или старообрядческой культурой, сохраняется под влиянием трех факторов. Во-первых, сельские жители берегут вещи, имеющие значение с точки зрения биографической и семейной памяти. Во-вторых, предметы могут использоваться в цикле обрядовых событий. В-третьих, вещи и предметы с этническим колоритом становятся частью модернизированного эстетического запроса, связанного с ностальгией по прошлому.

Трансформация обрядов

Трансляция элементов традиции наиболее успешна в условиях, когда институционально выработанные механизмы, в частности, деятельность учреждений культуры, сочета-

ются с повседневными практиками. Это предположение подтверждается с помощью сравнения ответов на вопрос о том, какие практики сохраняются, а какие – нет. На этапе планирования опроса предполагалось, что при сопоставлении «в прошлом» и «сейчас» все обряды будут сокращать масштаб своей распространенности. Гипотеза подтвердилась в отношении почти всех элементов традиционной культуры (рис. 2). Больше других сократилась распространенность обрядов, связанных с домашними животными. 35,8 % респондентов говорили о том, что они были в прошлом, но только 19,7 % – о том, что обряды сохранились в настоящее время. То же касается языческих обрядов: 21 % ответивших сообщили, что такие обряды в их семье были раньше, но лишь 7,6 % – что они существуют сейчас. Эти практики в наименьшей степени представлены в репертуаре сельских организаций культуры. Хотя они могут демонстрироваться туристам. Единственным исключением является приготовление традиционных блюд, которые в настоящее время готовят чаще (91,4 % респондентов), чем раньше (85,4 % респондентов). Благодаря устоявшимся представлениям, транслируемым в учреждениях культуры и в СМИ, приготовление распространенных блюд стало маркироваться как часть народной традиции. Это касается не только удмуртской кухни, но и русской, татарской.

В рамках интервью участники исследования следовали списку блюд, широко тиражируемому в качестве удмуртских, или шире, неродных: перепечи ², табани ³, шаньги ⁴, пель-

мени (Инт. 12, 15, 21, 27, 31). Люди старшего возраста вспоминали пищу, которая составляла основу крестьянского рациона в послевоенные годы: варенча ⁵ из свеклы (Инт. 1), холодный суп из хрена, супы из сныти, крапивы, борщевика (Инт. 20), овощной суп капустника (Инт. 3), заваруха ⁶ (сежьяпызь), гороховые шарики – кожыпог (Инт. 1, 27, 30), пироги с калиной, рябиной, брюквой (местное название – калега), потрохами (Инт. 27). Значительно реже информанты сообщали о практиках приготовления пива (сур) (Инт. 21, 28, 33). В интервью упоминались и крепкие алкогольные напитки, которые были распространены в деревнях. Но никто из информантов не говорил, что самогонование было в их семье.

Отметим, что о пище, которая в настоящее время почти исчезла, чаще всего вспоминали в Кезском районе, где в большей мере сохранились старообрядческие традиции. При этом даже информанты среднего возраста признавались, что в их детские годы такую еду в семье уже не готовили, а их собственные дети «не застали живую традицию» (Инт. 10). Для детей и молодежи «народные» блюда ассоциируются с пищей, приготовленной в крестьянской печи (Инт. 12). Многими участниками исследования транслируется установка, что еда в деревне «натуральная» и даже мука «другая, вкусная» (Инт. 15).

В интервью преобладает нарратив трансформации деревенских обрядов в семейные праздники. Большинство обрядов предполагали совместную трапезу, превратившуюся в семейное застолье. Часть информантов, перечисляя традиционные блюда, пере-

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о динамике сохранения обрядов в сельских семьях

ходили на описания того, что обычно готовится в семье по праздникам: рыбный пирог, салаты, блины (Инт. 11, 15). Складывается новая традиция, которая, помимо фокусировки на любимых в семье блюдах, демонстрирует тенденцию перехода на универсальную кухню. Тем не менее информанты рассказывали о случаях, когда они делали выбор в пользу деревенских блюд:

А свой юбилей я справляла в клубе. Неделю посуду возила, потом вторую неделю уже готовила столы. (...) Что вот мне, да в кафе? (...) Вот говорят: «Ж:ук – жо:к возьмась», это значит «каша охраняет стол». Как это без каши? В первую очередь каша. И что мужики салаты, что ли, будут есть? А каша энергию дает, потом уже салат (Инт. 13).

В этом отрывке отчетливо проявляется эффект обратного перехода от семейного праздника к общедеревенскому событию. Количество и состав гостей предполагает изменения в праздничном меню, что, в свою очередь, показывает, что набор традиционных блюд объясняется прагматикой: необходимо накормить всю деревню.

Данные опроса показывают, что в семьях респондентов-удмуртов чаще, чем у русских, сохраняются обряды и традиции, как в прошлом, так и в настоящее время (табл. 1). То, что закономерность касается и христианских праздников, заставляет предположить, что таким образом проявляется осознание стилистического единства представлений о народной культуре. Элементы, которые в доминирующей культуре рассматриваются как

гетерогенные, в удмуртской культуре приобретают стилистическое единство.

Материалы интервью позволяют соотнести содержание обрядовых действий и характер влияния универсального стиля жизни. Обряды, связанные с рождением ребенка, принадлежат к числу тех, в которых модернизационные тенденции проявляются достаточно явным образом. В сельской местности сохраняется обряд смотрин новорожденного («каша» или «кашка»). Судя по рассказам информантов, в настоящее время он превращается в чисто семейное событие. О том, что такой обряд проводился для их собственных детей, сообщили две женщины (Инт. 30, 35), замечая при этом, что многие их сверстники были удивлены тем, что они решили устроить такое событие. В то же время информанты упоминали о принятых в сельской среде манипуляциях с новорожденным, например, выведение «щетки» в бане, которую топят три дня подряд (Инт. 32, 33). Те участники исследования, которые самостоятельно собирали этнографический материал в рамках профессиональной деятельности, фиксировали локальные обряды, имевшие место в конкретных деревнях. Так, в Дебёсском районе фиксировался обряд, имевший отношение к лечебной магии: мать делала вид, что выбрасывает часто болеющего ребенка вместе с мусором. Считалось, что тогда здоровье ребенка станет крепче (Инт. 18). Сама информант не могла утверждать, что этот обычай существует по сей день. Вероятно, ряд практик имеет очень ограниченное распространение, а молодые родители относятся к ним как к этнической экзотике.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о бытовавших раньше и сохранившихся в настоящее время обрядах и традициях в соотношении с этнической идентичностью респондентов, %

Традиции / обряды	Было раньше		Сохранились сейчас	
	удмурты	русские	удмурты	русские
Приготовление блюд народной кухни	87,9	70,6	93,6	76,9
Приготовление национальных напитков	56,7	45,1	41,9	30,8
Обряды, связанные с рождением ребенка	56,1	31,4	46,3	36,5
Свадебный обряд	55	47,1	45,6	36,5
Погребальные обряды, поминки	65,4	37,3	63,1	42,3
Проводы в армию	65,1	49	59,4	42,3
Обряды, связанные с домашними животными	39,4	19,6	22,5	11,5
Обряды в честь удмуртских духов (богов)	21,8	5,9	9,1	0
Христианские праздники	62,3	58,8	60,4	57,7

Более подробно информанты описывали свадебные обряды. Главная граница, которая очерчивалась в нарративах – это разделение «настоящей деревенской» свадьбы и «городской» церемонии. Признаком аутентичной свадебной традиции считалось двух-трехдневное застолье (Инт. 32, 36). Многие информанты вспоминали выкуп невесты (Инт. 15, 21, 22), обычай оценивать приданое невесты (Инт. 16, 24), приготовление традиционных блюд, принудительное купание гостей в речке (Инт. 35), переезд молодой пары из деревни невесты в деревню жениха (Инт. 36), испытания для невесты, включающие хозяйственные задания (Инт. 15). Традиционный обряд обеспечивал участие всех жителей: так, пара и гости переходили из дома в дом (Инт. 21). Общим нарративным элементом была констатация факта о том, что старинные свадьбы были интересные, а современные свадьбы стали однообразными.

Еще одним распространенным мотивом, характерным для свадебных обрядов, является рассказ о роли представителей старшего поколения в трансляции свадебных обрядов (Инт. 19, 25, 36). Старики, с одной стороны, контролируют соблюдение неписанных правил, с другой – выступают своеобразными режиссерами свадебной церемонии:

Мы приехали сюда с моими крестными. Тут были у нее крестные, дед и бабушки. (...) Нас гоняли, на подушки посадили. Все, не встаем, целый вечер сидим. Они нас до утра на этих подушках держали. Что-то говорили, что-то пели, какие-то песни. Не помню, чего даже они пели (Инт. 28).

Если в ходе свадебных обрядов инициатива принадлежала скорее старшим женщинам, другой важный обряд – проводы в армию – находился в ведении мужчин. Наряду со свадьбой рекрутские обряды становились для информантов «точкой притяжения» их воспоминаний. В качестве основных элементов обряда выступали перемещения новобранца и его друзей из дома в дом. Этот путь сопровождался песнями. Мужчины, которые работали в домах культуры и обычно имели гармонь или баян, были ключевыми участниками этой части обряда (Инт. 17, 19, 21, 28, 29, 35, 36). Еще одним важным элементом обряда была практика «забивания чук»: в мати-

цу⁷ дома забивалась лента, бумажная купюра и монета. В то же время информанты-мужчины подчеркивали, что с изменением конструкции сельских домов, где отсутствует матица, эта часть обряда быстро исчезла (Инт. 19, 28, 36). При этом участники исследования рассказывали об уникальных обычаях, имевших место в конкретных деревнях. Так, если в этнографических описаниях рекрутских обрядов подчеркивается, что новобранцу нельзя возвращаться, в деревне Игринского района полагалось сделать вид, будто молодой человек забыл свой головной убор, и намеренно вернуться в дом (Инт. 29). Основной причиной трансформации рекрутских обрядов следует считать изменение характера соседских отношений в современной деревне: *тогда это была традиция, а сейчас уже такое время, наверно, к любому не зайдешь* (Инт. 19). Полностью рекрутские обряды не исчезли, но, как и свадьбы, они ориентированы на ближайших друзей и родню.

В течение последних двадцати лет репрессансы переживают религиозные обряды. Христианские праздники, в частности, Пасха вспоминается пожилыми информантами как значимое деревенское событие. В советский период пасхальные обычаи соблюдались, хотя вне официального пространства. Участники исследования рассказывали о практиках хождения в гости, застолья и обмена крашеными яйцами. Прежде было принято, что на Пасху крестные делали подарки своим крестникам. Одна из информантов из Дебёсского района сообщила, что крестная дарила ей платя (Инт. 24). Большое количество воспоминаний касалось святочных ряженых. Для самих информантов были очевидны локальные различия обряда (Инт. 20, 24), обряд даже назывался по-разному. Так, в Игринском районе участники исследования использовали местное слово «нарядчики» (Инт. 29). Можно констатировать, что святочная обрядность, во-первых, не имеет строгой регламентации, во-вторых, не подвергалась ограничениям даже в советский период, и в-третьих, может быть организована в школах и домах культуры. Учителя вспоминали, что ходили ряжеными со своими учениками (Инт. 24). Руководители фольклорных ансамблей при домах культуры рассказывали, что инициировали хожде-

ние ряженных по домам, даже если в сложившейся обрядности деревни это прежде не практиковалось (Инт. 10). Ряжение хорошо укладывалось в логику возрождения традиционных обрядов, потому что, с одной стороны, сельские жители ощущали его связь с народными праздничными гуляниями, а с другой – оно соответствовало представлениям о мероприятии, в котором могла участвовать аудитория сельских домов культуры, прежде всего школьники и пенсионеры. Обряд с ряжеными легко трансформировался в семейную традицию и в пункт календарного плана работы учреждений культуры (Инт. 35).

Опрос показал широкое распространение погребальных обрядов, но из-за табуированности темы информанты мало говорили о них. Подробности старинного обряда описывались в одном из интервью (Инт. 32). Но общим нарративом был рассказ о том, что родня собирается в деревне на Троицу, обычно для посещения кладбища в родительскую субботу (Инт. 5, 6, 34). В одном из интервью встречается рассказ о противопоставлении посещения кладбища и участия в церковных службах:

Я понимаю эту церковь, я принимаю ее, я могу и помолиться, но у себя дома. Бабушка, у мамы сестра родная, сказала: «Доченька, в церковь не ходите, на кладбище вот ходите каждый раз. Вот на поминки не оставляйте». И еще суббота, говорит, считается родительский день. Каждый раз утром в субботу, там столик, говорит, накройте и помолитесь. И вот мы вот так это сделали хорошо, так это всегда все перед каждым праздником, скажем, и у родителей и у детей тоже, и в субботу вот это обязательно. Вот такое благословение (Инт. 20).

В этом и нескольких других интервью проявляются разрывы мировоззрения сельского населения, которые появились из-за влияния секуляризации советского времени в сочетании с укреплением влияния церкви в последние десятилетия.

Сокращение количества скота в современных домохозяйствах привело к исчезновению обрядов, связанных с его содержанием. Хотя информанты старшего возраста вспоминали об угощениях всем, кто приходил по-

могать в сезон забоя скота (Инт. 3, 10, 24, 32, 36). Более молодые информанты, чье детство прошло в старообрядческих деревнях, рассказывали о поверьях, сопутствующих рождению телят: детям предлагали пить много кваса или молока, чтобы теленок хорошо пил, также в день отела запрещалось отдавать что-либо из избы (Инт. 10).

В удмуртских деревнях сохранились практики, относящиеся к празднику окончания сева (Гырон-быдтон). Праздник широко отмечался в советскую эпоху, и часто проводится в настоящее время (Инт. 21, 26, 34, 35, 36). В советскую эпоху праздник сохранялся благодаря идеологии прославления сельского труда. В нем сочетались официальные мероприятия в домах культуры (концерт, награждение передовиков) и обрядовые элементы. К последним относится совместное приготовление каши с мясом в том месте деревни (лог, лес, луг, берег реки), которое зачастую используется для общих религиозных собраний с дореволюционных времен (Инт. 36). В последние десятилетия четкой границы между официальной и неофициальной частями уже не проводится, так как общий обед тоже организуют сотрудники домов культуры. С размыванием народной обрядности Гырон-быдтон используется как материал для сценической обработки (Инт. 34). Все обрядовое содержание праздника хорошо документировано в академических публикациях [Веретенникова, Метелева 2016, Шишкина 2021].

Сценическая постановка обрядов стала привычным элементом выступлений артистов фольклорных коллективов в последние два десятилетия. По воспоминаниям информантов, их собственные первые опыты театрализации обрядов относятся к концу 1990-х гг. (Инт. 13). Кроме Гырон-быдтон, для сценической постановки считаются подходящими описанные выше обычаи ряженных и проводов в армию (Инт. 35). Именно в рамках этих обрядов можно перейти от спектакля для зрителей к перфомансу со всеобщим участием. Информанты, которые имели такой опыт, подчеркивают, что перфоманс обычно организуется для детей и молодежи, чтобы обеспечить преемственность обряда (Инт. 13, 23, 24, 35). Одна из участниц исследования рассказывала о постановке обрядов, которые были

частью программы лагерной смены с этнической тематикой. Для руководителей этой образовательной программы также определяющее значение имела передача детям знания об обряде, чтобы они, в свою очередь, могли транслировать его в молодежную среду. Информант, которая была инициатором этнокультурной смены в детском лагере, сообщала, что после сценической постановки обряда воспитанники предпринимали попытки привнести обрядовые действия в деревенские мероприятия (Инт. 35).

Данные исследования подтверждают связь сохранившихся обрядов с прагматикой повседневной жизни. Сохраняются те обрядовые комплексы или их элементы, которые встроены в поле семейной или общинной коммуникации. Одним из условий воспроизводства обрядов становится деятельность «культурных активистов», иницирующих проведение обрядов в формате фольклорных праздников и мероприятий.

Выводы

Сельская местность остается пространством со специфическим стилем символического потребления благодаря сохранению удмуртского языка и других элементов традиционной культуры. Теория «изобретения традиции» раскрывает процессы воспроизводства культурной самобытности и этнической специфики. Наряду с нарративными формами, которые чаще являются объектом социологических исследований, имеет значение практический опыт. Существует убеждение, что пласт практического культурного опыта меньше контролируется политическими манипуляциями, чем комплекс дискурсивного знания. Предметный мир и обрядовые практики обеспечивают переход теоретического фокуса с исторической перспективы к социокультурному подходу, основанному на феномене наследия. Этот последний в исторических дисциплинах, этнологии и антропологии трактуется в категориях повседневной жизни, бытовых практик и конкретных действий.

В современной деревенской жизни старинные предметы и/или вещи с этническим колоритом представлены в трех формах. Во-первых, некоторые категории предметов по-прежнему

используются в быту регулярно или ситуативно. Во-вторых, в память о родственниках в семье хранятся одежда, бытовые предметы, посуда, хозяйственная утварь. В-третьих, формируется установка на приобретение вещей «под старину» в качестве элемента современного потребления.

В сельских семьях сохраняются бытовые навыки (приготовление пищи, использование хозяйственной утвари) и нарративные формы культуры (семейные истории). Масштаб распространения классических народных обрядов сокращается. Но сохраняются обрядовые элементы, включенные в различные биографические, семейные и бытовые практики. Фактором, способствующим трансляции полных комплексов обрядов или их элементов следующим поколениям, является воспроизводство семейных или соседских связей.

Распространение городского образа жизни приводит к превращению обрядов в сценические постановки, в которых местные жители не участвуют, а воспринимают их как эстетический опыт. Они также являются элементом, включенным в перформативные практики в рамках деятельности учреждений культуры. Поэтому в условиях, когда масштаб распространения обрядовой практики сокращается, сельские жители воспринимают сценические постановки с элементами народных обрядов на мероприятиях и сельских праздниках.

Список информантов:

Интервью 1 – жен., 68 лет, пенсионер, артистка хора.

Интервью 2 – жен., 28 лет, специалист по работе с молодежью, поет в хоре.

Интервью 3 – жен., 73 года, пенсионер, артистка хора.

Интервью 4 – муж., 38 лет, сотрудник ДК, художник.

Интервью 5 – муж., 32 года, участник любительского театра при ДК.

Интервью 6 – жен., 49 лет, библиотекарь детской библиотеки.

Интервью 7 – жен., 63 года, предприниматель, владелец туристического этнокомплекса.

Интервью 8 – жен., 56 лет, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 9 – жен., 65 лет, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 10 – жен., 43 года, руководитель фольклорного ансамбля в ДК.

Интервью 11 – жен., 49 лет, директор краеведческого музея.

Интервью 12 – жен., 25 лет, сотрудник ДК.

Интервью 13 – жен., 61 год, сотрудник ДК.

Интервью 14 – жен., 51 год, индивидуальный предприниматель.

Интервью 15 – жен., 70 лет, пенсионер, артистка хора.

Интервью 16 – жен., 70 лет, сотрудник филиала Дома Дружбы народов.

Интервью 17 – жен., 62 года, пенсионер, артистка хора.

Интервью 18 – жен., 60 лет, журналист районной газеты.

Интервью 19 – муж., 43 года, охранник школы.

Интервью 20 – жен., 61 год, пенсионер, активистка, депутат районного совета.

Интервью 21 – жен., 69 лет, сотрудник партийной общественной приемной.

Интервью 22 – жен., 45 лет, сотрудник ДК.

Интервью 23 – жен., 63 года, пенсионер.

Интервью 24 – жен., 61 год, сельский почтальон.

Интервью 25 – муж., 43 года, сотрудник ДК.

Интервью 26 – муж., 51 год, бывший сотрудник ДК.

Интервью 27 – жен., 62 года, пенсионер, председатель сельской ветеранской организации.

Интервью 28 – муж., 32 года, сотрудник ДК.

Интервью 29 – жен., 48 лет, директор сельского музея.

Интервью 30 – жен., 35 лет, руководитель детской волонтерской организации.

Интервью 31 – жен., 17 лет, волонтер дворца культуры.

Интервью 32 – жен., 85 лет., пенсионер, артистка хора.

Интервью 33 – жен., 67 лет, пенсионер, бывш. глава поселения.

Интервью 34 – муж, 31 год, сотрудник ДК.

Интервью 35 – жен., 42 года, сотрудник ДК.

Интервью 36 – коллективное интервью с артистами фольклорного ансамбля, три женщины и мужчина. Все информанты старше 65 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее цифра в скобках означает, сколько раз ответ встречался в материалах интервью.

² Перепеч – открытая ватрушка диаметром от 4 до 12 см с мясной, яичной, грибной или овощной начинкой, обычно заливаемой сверху яйцом.

³ Табани – пышные оладьи из кислого дрожжевого теста, выпекаемые на сковороде.

⁴ Шаньги – хлебобулочное изделие, распространенное у финно-угорских народов. Представляет собой вид ватрушки.

⁵ Варенча – суп на основе кваса.

⁶ Заваруха – крестьянское блюдо из муки и сахара.

⁷ Матица – брус, служащий основанием для потолка в избе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веретенникова, Метелева 2016 – *Веретенникова М.Ю., Метелева М.А.* Содержание удмуртского национального летнего праздника Гербер // В мире научных открытий: материалы V Всерос. студ. науч. конф. Ульяновск: Ульян. гос. с.-х. акад. им. П.А. Столыпина, 2016. С. 66–68. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Кирчанов 2020 – *Кирчанов М.В.* «Арийский миф» как фронтирный случай изобретения традиций и исторического воображения незападных национализмов // Журнал Фронтирных Исследований. 2020. № 2. С. 122–157. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Куренной 2017 – *Куренной В.А.* Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press, 2017. С. 14–29.
- Макашова 2013 – *Макашова А.С.* Государственные праздники в истории культуры России и концепция «изобретения традиции» Э. Хобсбаума // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 4 (29). С. 114–118.
- Малахов 2018 – *Малахов В.С.* Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Политика культуры. 2018. № 3 (119). С. 236–245.
- Никогло 2019 – *Никогло Д.Е.* Элементы материальной культуры гагаузов как источник для «изобретения» традиции // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2019. № 2 (8). С. 98–103.
- Озерова 2018 – *Озерова К.А.* Наследие Волжской Булгарии и региональная идентичность: политика памяти и «изобретение» традиций

- // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2/2. С. 127–132. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132
- Рахинский и др. 2021 – *Рахинский Д.В., Илларионов Г.А., Городищева А.Н., Князев Н.А.* Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах // Социодинамика. 2021. № 3. С. 1–11. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Свиштунов 2018 – *Свиштунов А.В.* Изобретение и реконструкция традиции в современных обществах // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 86–94.
- Ссорин-Чайков 2011 – *Ссорин-Чайков Н.В.* От изобретения традиции к этнографии государства: Подкаменная Тунгуска, 1920-е годы // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9, № 1. С. 7–44.
- Тэзич 2011 – *Тэзич М.Дж.* Конструирование национальной идентичности у народов Южной Сибири в период трансформации // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 3. С. 293–298.
- Хлынина 2013 – *Хлынина Т.П.* Формирование советской национальной политики: между изобретением традиции и воображаемыми сообществами // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 83–95.
- Шишкина 2021 – *Шишкина Е.В.* Фестивали как современные способы сохранения и трансляции традиционной удмуртской культуры // Родной язык как фактор культурной идентичности: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ижевск: АУК УР “Национальная библиотека Удмуртской Республики”, 2021. С. 131–137.
- Ajotikar, van Straaten 2021 – *Ajotikar R., van Straaten E.-M.* Postcolonial Sound: Challenges and Potentials. An Introduction // The World of Music. 2021. № 10. P. 5–20.
- Briggs 1996 – *Briggs Ch.L.* The Politics of Discursive Authority in Research on the “Invention of Tradition” // Cultural Anthropology. Resisting Identities. 1996. Vol. 11, № 4. P. 435–469.
- Desai 1993 – *Desai G.* The Invention of Invention // Cultural Critique. 1993. № 24. P. 119–142.
- Eyerman 2004 – *Eyerman R.* The Past in the Present. Culture and the Transmission of Memory // Acta Sociologica. 2004. Vol. 47 (2). P. 159–169. DOI:10.1007/978-3-030-13507-2_2
- Fox 2006 – *Fox J.E.* Consuming the Nation: Holidays, Sports, and the Production of Collective Belonging // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29, № 2. P. 217–236. DOI: 10.1080/01419870500465207
- Geng 1997 – *Geng C.* Marketing Strategies in a Multi-Ethnic Environment // Journal of Marketing Theory and Practice. 1997. Vol. 5, № 1. P. 122–134.
- Hobsbawm 1983 – *Hobsbawm E.* Introduction. Inventing Traditions // The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 1–14.
- Kuligowski 2014 – *Kuligowski W.* On New Meanings of Tradition. Globalization, Politics and Questions for Anthropology // Český lid. 2014. Vol. 101, № 3. P. 321–334.
- Oberholtzer 1995 – *Oberholtzer C.* The Re-Invention of Tradition and the Marketing of Cultural Values // Anthropologica. 1995. Vol. 37, № 2. P. 141–153.
- Ruane 2017 – *Ruane D.* “Wearing Down of the Self”: Embodiment, Writing and Disruptions of Identity in Transformational Festival Fieldwork // Methodological Innovations. 2017. Vol. 10 (1). P. 1–11.
- Schnell 2003 – *Schnell S.M.* Creating Narratives of Place and Identity in “Little Sweden, U.S.A.” // Geographical Review. 2003. Vol. 93, № 1. P. 1–29.
- Strother 1995 – *Strother Z.S.* Invention and Reinvention in the Traditional Arts // African Arts. 1995. Vol. 28, № 2. P. 24–33.
- Wrzen 2010 – *Wrzen L.* Daughters of Tradition, Mothers of Invention: Music, Teaching, and Gender in Evolving Contexts // Yearbook for Traditional Music. 2010. Vol. 42. P. 41–46.

REFERENCES

- Veretennikova M.Yu., Meteleva M.A., 2016. Content of Summer Ethnic Udmurt Festival Gerber. *V mire nauchnykh otkrytiy: materialy V Vseros. stud. nauch. konf.* Ul'yanovsk, Ul'yan. gos. s.-kh. akad. im. P.A. Stolypina, pp. 66–68. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Kirchanov M.V., 2020. Aryan Myth as a Frontier Case of the Invention of Tradition and Historical Imagination of Nonwestern Nationalisms. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*, no. 2, pp. 122–157. DOI: 10.46539/jfs.v5i2.205
- Kurennoy V.A., 2017. Strength of Weak Ties. Citizen and Right to Be Alone. *Gorozhanin. Chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda*. Moscow, Strelka Press, pp. 14–29.
- Makashova A.S., 2013. State Holidays in the History of Russian Culture and the Concept of “Images of Tradition” by E. Hobsbawm. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 4 (29), pp. 114–118.
- Malakhov V.S., 2018. The Invention of Tradition as a Meme and as a Feature of Socio-Cultural Reality: Eric Hobsbawm and His Co-Authors in the Post-

- Soviet Context. *Politika kul'tury*, no. 3 (119), pp. 236-245.
- Nikoglo D.E., 2019. Elements of Gagauz Material Culture as a Source for the "Invention" of Tradition. *ABYSS (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, no. 2 (8), pp. 98-103.
- Ozerova K.A., 2018. The Heritage of Volga Bulgaria and Regional Identity: The Politics of Memory and the "Invention" of Traditions. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, vol. 10, no. 2/2, pp. 127-132. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-127-132
- Rakhinskiy D.V., Illarionov G.A., Gorodishcheva A.N., Knyazev N.A., 2021. Instrumental Approach to Tradition in Conceptual and Social Contexts. *Sotsiodinamika*, no. 3, pp. 1-11. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Svistunov A.V., 2018. Invention and Reconstruction of Tradition in Modern Societies. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, vol. 7, no. 5, pp. 86-94.
- Ssorin-Chaykov N.V., 2011. From the Invention of Tradition to the Ethnography of the State: Podkamennaya Tunguska, 1920s. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 9, no. 1, pp. 7-44.
- Tezich M.D., 2011. The Construction of National Identity Among the Peoples of Southern Siberia in the Period of Transformation. *Vestnik SPbGU, Series 12*, iss. 3, pp. 293-298.
- Khlynina T.P., 2013. The Formation of Soviet National Policy: between the Invention of Tradition and imaginary Communities. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 3, pp. 83-95.
- Shishkina E.V., 2021. Festivals as Modern Ways of Preserving and Broadcasting Traditional Udmurt Culture. *Rodnoy yazyk kak faktor kul'turnoy identichnosti: materialy Mezhrregion. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Izhevsk, AUK UR "Natsional'naya biblioteka Udmurtskoy Respubliki", pp. 131-137.
- Ajotikar R., van Straaten E.-M., 2021. Postcolonial Sound: Challenges and Potentials. An Introduction. *The World of Music*, no. 10, pp. 5-20.
- Briggs Ch.L., 1996. The Politics of Discursive Authority in Research on the "Invention of Tradition". *Cultural Anthropology. Resisting Identities*, vol. 11, no. 4, pp. 435-469.
- Desai G., 1993. The Invention of Invention. *Cultural Critique*, no. 24, pp. 119-142.
- Eyerman R., 2004. The Past in the Present. Culture and the Transmission of Memory. *Acta Sociologica*, vol. 47 (2), pp. 159-169. DOI:10.1007/978-3-030-13507-2_2
- Fox J.E., 2006. Consuming the Nation: Holidays, Sports, and the Production of Collective Belonging. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 29, no. 2, pp. 217-236. DOI:10.1080/01419870500465207
- Geng C., 1997. Marketing Strategies in a Multi-Ethnic Environment. *Journal of Marketing Theory and Practice*, vol. 5, no. 1, pp. 122-134
- Hobsbawm E., 1983. Introduction. Inventing Traditions. *The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, pp. 1-14.
- Kuligowski W., 2014. On New Meanings of Tradition. Globalization, Politics and Questions for Anthropology. *Český lid*, vol. 101, no. 3, pp. 321-334.
- Oberholtzer C., 1995. The Re-Invention of Tradition and the Marketing of Cultural Values. *Anthropologica*, vol. 37, no. 2, pp. 141-153.
- Ruane D., 2017. "Wearing Down of the Self": Embodiment, Writing and Disruptions of Identity in Transformational Festival Fieldwork. *Methodological Innovations*, vol. 10 (1), pp. 1-11.
- Schnell S.M., 2003. Creating Narratives of Place and Identity in "Little Sweden, U.S.A.". *Geographical Review*, vol. 93, no. 1, pp. 1-29.
- Strother Z.S., 1995. Invention and Reinvention in the Traditional Arts. *African Arts*, vol. 28, no. 2, pp. 24-33.
- Wrazen L., 2010. Daughters of Tradition, Mothers of Invention: Music, Teaching, and Gender in Evolving Contexts. *Yearbook for Traditional Music*, vol. 42, pp. 41-46.

Information About the Author

Tatiana A. Vlasova, Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor, Department of Philosophy and Humanity, Udmurt State University, Universitetskaya St, 1, 426034 Izhevsk, Russian Federation, tavlasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Власова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный университет, ул. Университетская, 1, 426034 г. Ижевск, Российская Федерация, tavlasova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3600-3214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.8>

UDC 316.42
LBC 60.524

Submitted: 02.09.2022
Accepted: 05.12.2022

TELECOMMUNICATION MEANS OF COMMUNICATION AS A FACTOR OF CHANGING SOCIAL PRACTICES OF STUDENTS

Mariya B. Poltavskaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Natalya N. Khomutova

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeniy S. Vasiliev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines the transformation of social practices of using mobile phones by students. Two areas of manifestation of social practices were the focus of the authors' research: the daily life of students and the learning process. The article provides an overview of the works of foreign and domestic authors who have made a significant contribution to the study of the transformation of social practices of using mobile phones in everyday life. The methodological basis of the article is the theory of media as a continuation of M. McLuhan's man, which is supplemented by the constructivist theories of I. Hoffman, P. Berger, T. Lukman, which made it possible to trace the transformation of social practices of using mobile phones. Social practices are daily actions and routine actions that do not require explanation, performed in a familiar way in everyday life. The research method was the focus group (N=32), the informants were students of Volgograd State University; the time of the study: December 2021 – March 2022. The study allowed us to conclude: the first mobile phones performed the function of movement control, were used as toys, initiating individual and group gaming practices. The presence/absence of a modern game or a phone model made it possible to use power resources, move through the steps of the social hierarchy in the school team. Currently, students use mobile phones for oral communication, but visual and written communication practices are no less popular. The usual social practice using a smartphone is listening to music, communicating on social networks and messengers, sending messages, watching videos. Modern mobile phone applications allow you to turn it into a professional earning tool, facilitate everyday life, accompany the learning process. A modern mobile phone has become a "part of a person", to forget it is to lose touch with the world. The presence of a smartphone is perceived as a necessity for everyday life, leisure, work and education. A special style of communication has developed among students, unthinkable without the use of modern telecommunication means, namely a smartphone.

Key words: mobile phone, smartphone, student youth, mobile phone users, mobile devices, mobile communications.

Citation. Poltavskaya M.B., Khomutova N.N., Vasiliev E.S. Telecommunication Means of Communication as a Factor of Changing Social Practices of Students. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 84-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.8>

УДК 316.42
ББК 60.524

Дата поступления статьи: 02.09.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА СВЯЗИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мария Борисовна Полтавская

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Николаевна Хомутова

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Евгений Сергеевич Васильев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье прослеживается трансформация социальных практик использования мобильных телефонов студенческой молодежью. В фокусе исследования оказались две сферы проявления социальных практик: повседневная жизнь и процесс обучения. В статье приводится обзор работ зарубежных и отечественных авторов, внесших значительный вклад в изучение социальных практик использования мобильных телефонов в организации повседневной жизни. Методологической базой выступила теория медиа как продолжения человека М. Маклюэна, дополненная конструктивистскими теориями И. Гофмана, П. Бергера, Т. Лукмана, позволившими проследить изменение социальных практик пользования мобильными телефонами. Под социальными практиками в работе понимаются ежедневные поступки и рутинные действия, не требующие объяснения, совершаемые привычным образом в повседневной жизни. Метод исследования: фокус-группа (N=32), информантами выступили студенты Волгоградского государственного университета; время проведения: декабрь 2021 – март 2022 года. Исследование выявило, что первые мобильные телефоны выполняли функцию контроля перемещения, использовались в качестве игрушек, иницируя индивидуальные и групповые игровые практики. Наличие/отсутствие современной игры или модели телефона позволяло задействовать властные ресурсы, перемещаться по ступеням социальной иерархии в школьном коллективе. В настоящее время студенческая молодежь использует мобильные телефоны для устной коммуникации, однако не менее популярны практики визуальной и письменной коммуникации. Привычной социальной практикой, осуществляемой с помощью смартфона, является прослушивание музыки, общение в социальных сетях и мессенджерах посредством мгновенной отправки сообщений, просмотр видео. Современные приложения для мобильного телефона позволяют превратить его в профессиональный инструмент заработка, облегчают повседневную жизнь, сопровождают процесс обучения. Современный мобильный телефон стал «частью человека», забыть его – потерять связь с миром. Наличие смартфона воспринимается как необходимость для повседневной жизни, досуга, работы и обучения. Среди студенческой молодежи сложился особый стиль коммуникации, немислимый без использования современных телекоммуникационных средств связи, а именно смартфона.

Ключевые слова: мобильный телефон, смартфон, студенческая молодежь, пользователи мобильных телефонов, мобильные устройства, мобильные коммуникации.

Цитирование. Полтавская М. Б., Хомутова Н. Н., Васильев Е. С. Телекоммуникационные средства связи как фактор изменения социальных практик студенческой молодежи // Logos et Praxis. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 84–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.8>

Введение

Под телекоммуникационными средствами связи в статье понимаются технические средства и устройства связи (на примере мобильных телефонов), которые, совершенствуясь технически, изменили социальные практики

студенческой молодежи. Цель данной статьи – выявить трансформацию в социальных практиках использования мобильных телефонов, начиная с момента появления мобильного гаджета и до настоящего времени. В фокусе нашего внимания оказались две сферы проявления социальных практик: повседневная

жизнь и процесс обучения (как значимая часть повседневности студенческой молодежи).

Мы исходили из предположения, что разнообразные практики использования мобильного телефона составляют повседневность, а мобильный телефон предстает как обязательный их элемент. Отказываться от практик использования мобильного телефона и возможностей, которые он предоставляет, современные акторы не намерены, так как в повседневности, обучении, работе активно используют цифровые мобильные устройства.

Обзор научной литературы логично начать с зарубежных исследований взаимовлияния и переплетения социальных практик и ускоренного развития телекоммуникационных средств связи, которые ведутся за рубежом более двух десятков лет. Заметным событием в области исследования социальных последствий использования мобильных телефонов стал сборник, посвященный Thumb-культуре («культуре большого пальца»), точнее, культурным практикам, порождаемым мобильным телефоном [Thumb Culture 2005]. В сборнике представлены работы об индивидуализации коммуникационных сетей с помощью мобильного телефона, кастомизации и превращении телефона в фетиш. В частности, работа Дж. Каца о трансформации повседневных практик вследствие использования мобильных коммуникаций [Katz 2005]; Л. Фортунати о мобильном телефоне как артефакте, меняющем общество, несущем на себе отпечаток магии, волшебства и выступающим «волшебным помощником», в то же время занимающим «срединное» положение между аксессуаром и драгоценностью [Fortunati 2005]; Х. Гезера о противоречивых свойствах мобильных технологий: с одной стороны «расширяющих» возможностях мобильного телефона, предоставляющих коммуникативную силу в руки человека и переводящих общение из стабильных и формальных институционализированных каналов в децентрализованную индивидуальную сеть, с другой стороны, приводящих к формированию отдельных социальных сетей, изолированных друг от друга [Geser 2005].

Значительный вклад в развитие данной проблематики внесли зарубежные исследователи Дж. Эгар [Agar 2003], Р. Линг [Ling 2004],

М. Кастельс [Castells et al. ... web], М. Феррарис [Ferraris 2014]. Стоит отметить также тематический номер испанского журнала «Revista de Estudios de Juventud» (Журнал исследований молодежи) о практиках использования мобильных телефонов молодежью, вышедший под редакцией С. Лоренте в 2002 г. [Lorente 2002].

В России социологические исследования практик использования мобильных телефонов в повседневном взаимодействии начинают проводиться с начала 2000-х годов [Гладарев 2006а, 2006б; Голофаст 2002]. Если в исследованиях начала 2000-х информационно-коммуникационные технологии в представлениях и практиках молодежи являлись дополнительными каналами коммуникации, то в работах последних лет мобильные цифровые устройства выступают ключевым каналом коммуникации современной молодежи [Бондаренко 2005; Вершинская, Осипова 2003; Сайганова 2020]. Социальные последствия использования мобильных телефонов, прежде всего, изменение социальных иерархий, анализируется в работе О.В. Сергеевой, которая дает обзор понятий, раскрывающих характер изменившейся социальности: «развеществленные коммуникации», «мобильный урбанизм», «тирания близости» [Сергеева, 2010, 63].

Необходимо отметить также работы о трансформации социокультурной идентичности вследствие мобильных цифровых практик [Карпушин, Ольшанская 2017; Конева, Лисенкова 2018], о самопрезентации молодежи посредством мобильного телефона [Обухова 2011], о самом мобильном телефоне как вещи, обладающей свойствами, о его символической и посреднической роли [Николаева, Николаева 2004; Петренко-Лысак 2012а; 2012б], о телефоне как атрибуте повседневной жизни, способах использования и самовыражения [Ивченкова 2018; Шариков, Ерофеев 2019], восприятии новых коммуникационных технологий, формирующихся страхах и ожиданиях [Обухова, Евсеева, Танова 2017], трансформации повседневных практик россиян, использующих мобильные приложения [Суханова 2017]. В фокусе внимания такие аспекты, как: функционал гаджета и изменение коммуникативных практик, запросы на мгновенные сообщения, персонализированный контент.

Методология и методы

Теория медиа как продолжения человека М. Маклюэна [McLuhan 2011], его идеи о том, что направление развития общества зависит от характера медиа, используемых людьми, а тип общества определяется доминирующим типом коммуникации, были дополнены нами конструктивистскими теориями И. Гофмана, П. Бергера, Т. Лукмана, что позволило проследить трансформацию социальных практик пользования мобильными телефонами. С помощью сопоставительного анализа описания данных практик и рефлексии информантов фокус-групп были выявлены сходства и различия в оценках современной студенческой молодежи современных практик пользования мобильным телефоном, что позволило на основе частных случаев охарактеризовать общее и типичное, перейти от конкретных примеров к теоретическому обобщению [Гофман 2000; Бергер, Лукман 1995]. Под социальными практиками мы понимаем ежедневные поступки и рутинные действия («опривыченные действия»), не требующие объяснения, совершаемые привычным образом в повседневной жизни [Бергер, Лукман 1995].

Эмпирическим методом исследования был выбран метод фокус-группы (N=32). В выборку вошли студенты Волгоградского государственного университета. Было проведено три фокус-группы (обучающиеся 1, 2, 3 курсов очного отделения в возрасте от 18 до 23 лет), время проведения декабрь 2021 – март 2022 года.

Практики использования первого мобильного телефона

Чаще всего студенты вспоминали о том, что с помощью телефонного звонка родители вели контроль:

«У телефона, как считала тогда я и как полагали все члены моей семьи, была только одна единственная цель, ради которой он и был мне передан от отца – звонок. Я отчитывалась о том, как пришла в школу, как ушла из школы и как пришла домой» (Информант 10, ж., 22 года).

Контроль воспринимался не так жестко, когда вместе с ним обреталась свобода перемещения:

Первый телефон дал мне больше свободы, родители наконец всегда могли узнать, где я и что со мной, поэтому гулять можно было ходить дальше и дольше, чем раньше» (Информант 5, м., 22 года).

Телефон использовался для разнообразия досуга, практики прослушивания и скачивания музыки были особенно популярны, часто осуществлялись коллективно:

«Первый телефон стал главным атрибутом прогулок с друзьями. Основной функцией моей розовой раскладушки стала вовсе не коммуникационная, а развлекательная. Какое счастье, что у подружек тоже были телефоны, ведь мы обменивались классной молодежной музыкой. Мы скачивали ее у всех подряд: у одноклассников в школе, у знакомых на улицах. Это была всегда особая атмосфера. Когда вся ребятня выходила во двор, мы с подружками усаживались на какой-нибудь лавочке и начинали включать по очереди плейлисты. Понравившиеся файлы мы отмечали и перекачивали друг другу по блютузу. Мы наслаждались этим процессом» (Информант 21, ж., 21 год).

Назначение телефона и востребованного функционала в нем менялось по мере взросления, а также технического совершенствования гаджетов. Отметим, что за это время сменилось несколько поколений цифровых систем. Телефон позволял поменять статусную позицию в классе, приобрести власть и влияние в кругу сверстников: *«Когда я пришла с ним в школу, одноклассники тут же начали просить дать поиграть в игры. Какое я чувствовала превосходство! Я самостоятельно распоряжалась, кто и когда будет брать мой телефон, или не будет брать вообще»* (Информант 1, ж., 21 год).

«В то время телефон считался атрибутом отличия и высокого статуса, помогал социализироваться, так думало большинство подростков» (Информант 12, м., 19 лет).

Многими студентами первый телефон воспринимался как игрушка в первую очередь, и как средство связи, во вторую:

«Планировалось, что телефон я буду использовать как средство связи, я больше воспринимала его как игрушку» (Информант 28, ж., 21 год).

«Тогда телефон был для меня не как вид коммуникации, а как игрушка» (Информант 22, м., 19 лет).

Первые телефоны студентов были снабжены примитивными, по сегодняшним меркам, играми. Но они очень притягивали, практика игры в телефоне была популярна как в школе на переменах, так и дома:

«Моими любимыми играми на телефоне была змейка и шар. Я постоянно играла в них в свободное время» (Информант 4, ж., 20 лет).

«Игры, они были в приоритете. <...> Играть в любом месте — это самое главное было» (Информант 26, м., 22 года).

Чтобы играть в любимую игру на первых телефонах, приходилось совершать выбор, что оставить, а что удалить из памяти, поскольку модели того времени не позволяли хранить много контента:

«Иногда игра занимала слишком много места и приходилось удалять фотографии или видеозаписи» (Информант 17, ж., 21 год).

Таким образом, первые телефоны выполняли функцию контроля со стороны родителей, использовались не только по назначению (совершить звонок), но и воспринимались в качестве инструмента досуга (игры, прослушивание музыки).

Практики использования мобильного телефона сегодня:

«Маленький помощник с огромнейшими возможностями»

Студенты отмечают, что за время, которое прошло с момента появления первого телефона, практики его использования сильно изменились:

«Прошло тринадцать лет, а телефон изменился до неузнаваемости. Появилось много новых функций. Камера, интернет, диктофон, калькулятор, календарь, заметки. Чаще всего я пользуюсь мессенджерами, делаю домашнее задание в телефоне, фотографию и снимаю видео, смотрю фильмы, пользуюсь калькулятором и календарем, слушаю музыку и подкасты. Люблю читать книги в телефоне. Через смартфон заказываю еду, одежду, билеты на поезд. В

нем есть абсолютно все. Реже всего я пользуюсь звонками, ведь переписка намного удобнее» (Информант 4, ж., 20 лет).

Современные мобильные приложения в смартфоне позволяют заменить множество устройств, необходимых как в повседневной жизни, так и для решения специфических профессиональных вопросов, обучения. Устная коммуникация с помощью звонка телефона используется для более узкого круга родных и близких, с остальными общение выстраивается опосредованно через переписку:

«Сегодня я уже практически не играю в игры на телефоне, их заменили приложения, которые помогают отследить ежедневное потребление воды, обработать фотографии для социальных сетей, вызвать такси. <...> С появлением мессенджеров я стала намного реже созваниваться со сверстниками, звонки остались только для близких, так как нам важно слышать голос друг друга. Одним словом, телефон для меня — маленький помощник с огромнейшими возможностями» (Информант 20, ж., 20 лет).

«Функционал огромен и доходит до невероятных масштабов, а прошло всего около двенадцати лет. Телефон в настоящее время может с легкостью заменить компьютер, кошелек, телевизор, книгу, фотоаппарат, словарь-переводчик и многое другое» (Информант 17, ж., 21 год).

С помощью смартфона студенты зарабатывают, ведут активный образ жизни:

«Сейчас мой телефон — это незаменимый товарищ. Это вещь, на которую я могу положиться абсолютно в разных жизненных ситуациях. Некоторые даже зарабатывают исключительно с помощью телефона» (Информант 11, м., 21 год).

«Сейчас мой телефон — это кладь всего полезного и необходимого для жизни. Помимо социальных сетей и мессенджеров он содержит уйму полезных приложений. Так как я веду активный образ жизни, то у меня установлены фитнес приложения и три картографических сервиса. <...> Так как я работаю туристическим инструктором и вожатым в детском лагере, у меня в телефон закачаны книги и

справочники по педагогике и туризму» (Информант 16, м., 21 год).

«Сейчас мое устройство уже, наверное, не является телефоном, то есть это уже не просто «игры на ладони», это уже «целый мир на ладони». <...> Сейчас больше всего я сижу в соцсетях, просматриваю видеоконтент, слушаю музыку, и как бы забавно это не звучало, меньше всего – звоню. Сейчас это уже карманный компьютер, который, помимо всего, умеет звонить» (Информант 26, м., 22 года).

«Сейчас телефон – моя жизнь. Данный гаджет знает обо мне все» (Информант 25, ж., 20 лет).

«Телефон будто стал частью меня, забыть его – значит потерять связь со всем миром» (Информант 13, м., 21 год).

Плюсы и минусы современного мобильного телефона в оценках студенческой молодежи

О полифункциональности мобильного телефона, его разнообразных приложениях говорили многие студенты:

«Один гаджет хранит в себе сотню разных объектов, помогает мне работать дистанционно, из любой точки города, страны, мира я могу работать 24/7, телефон создает мой досуг. Я использую множество приложений и браузеров, которые содержат в себе видеоролики, сериалы, фильмы, игры, музыкальные клипы и музыку. Телефон помогает общаться с близкими по видеосвязи» (Информант 25, ж., 20 лет).

Небольшой размер телефона скрывает его безграничные возможности, отмечали студенты, перечисляя множество функций, которые они выполняют с помощью своего мобильного телефона:

«Позитивно он влияет на мою жизнь, что я всегда могу найти нужную информацию, позвонить, написать, сфотографировать, поставить будильник, оплатить покупку, заказать еду и одежду, вызвать такси» (Информант 20, ж., 20 лет).

«Он позитивно влияет на мою жизнь тем, что облегчает ее. Он заменяет мне ноутбук и камеру. Всегда все под рукой» (Информант 4, ж., 20 лет).

Преимущества, которые предоставляет телефон, перевешивают его недостатки:

«Преимущества, конечно, будут перевешивать. Доступность, легкость в освоении, широчайший функционал. Всего и не счесть» (Информант 11, м., 21 год).

«Для меня самым главным и несомненным плюсом является перенос функции плееров в мобильные телефоны. Возможность слушать музыку в телефоне – это одно из лучших изобретений человечества» (Информант 14, ж., 20 лет).

«Телефон мне заменил кучу устройств и приборов (навигаторы, фонарики, калькуляторы, плееры...) заменил некоторые профессии (он мой фитнес инструктор, проводник, фотограф...)» (Информант 16, м., 21 год).

Телефон, концентрируя в себе множество функций, позволяет экономить время, упрощает процессы:

«Основной плюс использования смартфона – удобство и простота. У вас все всегда под рукой, это облегчает жизнь. Доступность в пару нажатий – главный плюс смартфона» (Информант 5, м., 22 года).

«...с его помощью можно экономить время и деньги, он также открывает массу возможностей, ведь это неограниченный доступ к информации, шанс открыть свой бизнес, или даже заняться благотворительностью и помочь нуждающимся» (Информант 30, ж., 20 лет).

Наличие телефона воспринимается как необходимость для повседневной жизни, досуга, для работы и учебы:

«На данный момент наличие смартфона для меня необходимость. Без смартфона на работе я не могу обойтись, у нас функционирует группа в мессенджере. Он нужен для учебы – я могу прослушать лекцию онлайн» (Информант 19, ж., 23 года).

В качестве минусов долгого использования телефона студенты отмечают ухудшение зрения:

«Снижение зрения, что очень тревожит меня, сильное чувство зависимости от непрерывного общения, да и гаджета в целом» (Информант 20, ж., 20 лет).

«Минусы – портится зрение, отнимает очень много времени, мало оперативной памяти, постоянно приходится что-то удалять» (Информант 6, ж., 19 лет).

Телефон, от которого человек зависит, студенты называют слабым местом, лишаящим уверенности:

«Но достаточно факта севшей зарядки или забыть телефон дома, для того чтобы почувствовать себя неполноценным и не полностью дееспособным человеком» (Информант 4, ж., 20 лет).

Многие студенты отмечали чувство зависимости от своего гаджета, сокращение времени реального межличностного общения:

«Телефон вызывает зависимость. Мы все настолько привыкли к данному гаджету, что порой забываем о жизни без него. Лично я частенько «зависаю» в привычных приложениях, забывая о времени в реальности» (Информант 25, ж., 20 лет).

«Негативные стороны влияния смартфона для меня связаны с сокращением живого общения, а также тем, что он сильно отвлекал от дел» (Информант 19, ж., 23 года).

О психологическом напряжении, перегрузке от информационного шума, нервозности и переизбытка информации также заявляли студенты:

«Меня скорее волнует то, какое воздействие оказывает телефон на мое психологическое состояние. И сколько бы ты ни старался ограничить себя, быть вне зоны доступа вечность – невозможно» (Информант 10, ж., 22 года).

«Очевидный минус – я часто зависаю в нем по ночам, вместо того чтобы лечь спать. Зависаю надолго, вместо важных дел или во время их выполнения» (Информант 16, м., 21 год).

Однако все минусы перекрываются плюсами, это также отмечали студенты:

«Сейчас и минута не может обойтись без использования телефона. Все мы время от времени испытываем на себе эту зависимость. Тем не менее, я не представляю тот момент, когда мне придется идти в определенное место, чтобы позвонить бабушке или сидеть в библиотеке несколько часов для того, чтобы найти и прочи-

тать одну или несколько статей, или сесть в такси, не зная никакой информации о водителе» (Информант 1, ж., 21 год).

Есть те, кто ценит период своей жизни, в который не было зависимости от техники:

«Я благодарна своим родителям, что гаджеты мне доверили гораздо позже, чем сверстникам. До сих пор помню то время, когда я могла обходиться без него. У меня было то самое беззаботное детство, когда я не нуждалась в дополнительной технике» (Информант 25, ж., 20 лет).

Некоторые студенты утверждают, что не подвержены зависимости от телефона, они способны к самоорганизации и контролю:

«На данный момент я не могу сказать, что смартфон негативно влияет на мою жизнь. Я тот человек, который способен организовывать свое время, у меня нет такой проблемы как «зависание» в социальных сетях» (Информант 7, ж., 18 лет).

«Я спокойно могу обходиться без телефона у бабушки в деревне, но чем крупнее населенный пункт, тем это сложнее» (Информант 4, ж., 20 лет).

Заключение

Проведенное исследование позволило выяснить, как выглядели типичные детские социальные практики пользования мобильным телефоном, как они трансформировались, определить особенности молодежных практик, положительные и отрицательные моменты взаимодействия студенческой молодежи с мобильными цифровыми устройствами. Первые мобильные телефоны использовались в качестве игрушек, примитивные, по сегодняшним временам, приложения позволяли играть индивидуально и в группе в школе на переменах или во дворе на прогулках. Наличие/отсутствие современной игры или модели мобильного телефона позволяло задействовать властные ресурсы, перемещаться по ступеням социальной иерархии в школьном коллективе. Сегодня обладание смартфоном известной марки по-прежнему является для молодежи способом обозначить свою наличную или желаемую статусную позицию.

За десять-пятнадцать лет, прошедших с момента появления первых мобильных теле-

фонов у современных студентов, практики его использования значительно трансформировались, впрочем, как и технологически усовершенствовались сами устройства. Первые мобильные телефоны необходимы больше родителям как инструменты контроля за детьми, поступившими в школу, далее, по мере взросления, молодежь становится зависимой от современного смартфона, в котором аккумулирована персонализированная информация о владельце. О сегодняшнем студенте гораздо больше «знает» его смартфон, а не родители.

Телефон, созданный для поддержания и воспроизводства традиционной вербальной (устной) коммуникации, в своем современном формате данную функцию теряет, она перестала быть основной. Студенческая молодежь продолжает использовать мобильные телефоны для устной коммуникации, однако более популярны практики визуальной коммуникации. Смартфон позволяет создавать, воспроизводить и передавать фото- и видеоконтент в различных форматах. Современный смартфон используется студенческой молодежью и для письменной коммуникации (популярные десятилетия назад СМС сменяются перепиской в мессенджерах и чатах социальных сетей), в тоже время растет популярность передачи голосовых сообщений (это экономит время, нивелирует грамматические ошибки).

Таким образом, современный смартфон предстает перед нами как сплетение разных практик коммуникации. Заключая в себе возможности поддерживать как устную, так и письменную коммуникацию, а также более сложные технически аудиальные и визуальные формы коммуникации. В тоже время смартфон представляет собой инструмент реализации социальных практик, «неотъемлемую часть» современного человека, заменяет десятки, если не сотни устройств (навигаторы, фонарики, калькуляторы, плееры, фотоаппараты и др.). Современные приложения для мобильного телефона позволяют превратить его в профессиональный инструмент заработка (монтировать фото и видео-контент, быть фитнес-тренером, гидом и др.), облегчают повседневную жизнь (заметки, календарь-планировщик, управление расходами, инструмент оплаты и др.), сопровождают процесс обучения (видео- и аудио лекции, ведение конспек-

тов и др.) и организуют досуг (просмотр интересного контента, покупка онлайн билетов в кино и др.). Современный мобильный телефон, по мнению студентов, стал «частью человека», забыть его – потерять связь с миром. При всех серьезных недостатках пользования смартфоном (формирование зависимости, снижение зрения, замена межличностного общения опосредованным и др.), положительные стороны перевешивают и компенсируют минусы. Наличие смартфона для современного человека воспринимается как необходимость для организации повседневной жизни, досуга, работы и обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Бондаренко 2005 – *Бондаренко С.В.* Особенности символично-смысловых взаимодействий в рамках молодежной субкультуры мобильной коммуникации // Молодежь Юга России: положение, проблемы, перспективы. 2005. № 31. С. 28–51.
- Вершинская, Осипова 2003 – *Вершинская О.Н., Осипова А.А.* Социальные аспекты мобильной телефонии // Информационное общество. 2003. № 2. С. 50–54.
- Гладарев 2006а – *Гладарев Б.* Повседневное пользование информационно-коммуникационными технологиями // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 5. С. 33–40.
- Гладарев 2006б – *Гладарев Б.С.* Женщина, мужчина и мобильный телефон // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 68–76.
- Голофаст 2002 – *Голофаст В.* Электронная среда, или Новые пещерные люди // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 2. С. 13–18.
- Гофман 2000 – *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- Ивченкова 2018 – *Ивченкова М.С.* Роль мобильных телефонов в повседневной жизни молодежи (по результатам социологического исследования) // Дыльновские чтения: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Саратов: Саратовский источник, 2018. С. 310–314.
- Карпушин, Ольшанская 2017 – *Карпушин В., Ольшанская С.А.* Роль мобильных телефонов в

- жизни современного человека // Курорты. Сервис. Туризм. 2017. № 1-2 (34-35). С. 44–49.
- Конева, Лисенкова 2018 – *Конева А.В., Лисенкова А.А.* «День без селфи прожит зря», или цифровые визуальные стратегии самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 214–228.
- Николаева, Николаева 2004 – *Николаева Е.В., Николаева Т.Н.* Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре // Вестник МГУДТ. Вып. № 2 (44). М.: ИИЦ МГУДТ, 2004. С. 45–52.
- Обухова 2011 – *Обухова Ю.О.* Мобильный телефон как средство самопрезентации в межличностной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 2. С. 119–138.
- Обухова, Евсеева, Танова 2017 – *Обухова Ю.О., Евсеева Л.И., Танова А.Г.* Новые технологии коммуникации в восприятии современного человека // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 43–47.
- Петренко-Лысак 2012а – *Петренко-Лысак А.А.* Мобильный телефон как вещь: социологический аспект // Креативная экономика и социальные инновации. 2012. Т. 2, № 1 (2). С. 176–183.
- Петренко-Лысак 2012б – *Петренко-Лысак А.А.* Мобильный телефон: маленькая деталь больших перемен // Креативная экономика и социальные инновации. 2012. Т. 2, № 2 (3). С. 110–116.
- Сайганова 2020 – *Сайганова Е.В.* Использование мобильных телефонов как средство коммуникации молодежи: региональный аспект // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68-6. С. 111–113.
- Сергеева 2010 – *Сергеева О.В.* Вопреки социальности модерна... (мобильный телефон и изменение социальных иерархий) // Власть. 2010. № 4. С. 60–64.
- Суханова 2017 – *Суханова А.Ш.* Актуальные предпочтения в интернет-практиках молодежи (на основе анализа популярных приложений для мобильных платформ) // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 8. С. 34–37.
- Шариков, Ерофеев 2019 – *Шариков А.В., Ерофеев С.В.* Особенности использования мобильной связи в студенческой среде // Наука телевидения. 2019. Т. 15, № 4. С. 182–216.
- Agar 2003 – *Agar J.* Constant Touch: A Global History of the Mobile Phone. UK: Icon Books, 2003.
- Castells et al. ... web – *Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J.L., Sey A.* The Mobile Communication Society. A cross-cultural analysis of available evidence on the social users of wireless communication technology. A Global Perspective, held at the Annenberg School for Communication, USC, Oct. 8–9, 2004 // <https://www.arnic.info/workshop04/MCS.pdf>
- Ferraris 2014 – *Ferraris M.* Where Are You?: An Ontology of the Cell Phone. New York: Fordham University Press, 2014.
- Fortunati 2005 – *Fortunati L.* The Mobile Phone as Technological Artifact // Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society. Bielefeld: Verlag, 2005. P. 149–160.
- Geser 2005 – *Geser H.* Is the Cell Phone Undermining the Social Order? Understanding Mobile Technology from a Sociological Perspective // Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society. Bielefeld: Verlag, 2005. P. 23–36.
- Katz 2005 – *Katz J.E.* Mobile Communication and the Transformation of Daily Life: The Next Phase of Research on Mobiles // Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society. Bielefeld: Verlag, 2005. P. 171–184.
- Ling 2004 – *Ling R.* The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society. San Francisco, CA: Morgan Kaufmann Publishers, 2004.
- Lorente 2002 – *Lorente S.* Youth and mobile telephones: More than a fashion // Revista de Estudios de Juventud. 2002. Vol. 57, iss. 2. P. 7–24.
- McLuhan 2011 – *McLuhan M.H.* The Gutenberg Galaxy. Toronto; Buffalo; L., 2011.
- Thumb Culture 2005 – *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society.* Bielefeld: Verlag, 2005 // <https://doi.org/10.14361/9783839404034>

REFERENCES

- Berger P., Luckmann T. 1995. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge.* Moscow: Medium.
- Bondarenko S.V., 2005. Features of Symbolic and Semantic Interactions within the Framework of the Youth Subculture of Mobile Communication. *Molodezh' Yuga Rossii: polozheniye, problemy, perspektivy*, 2005, no. 31, pp. 28-51.
- Vershinskaya O.N., Osipova A.A., 2003. Social Aspects of Mobile Phones. *Informatsionnoye obshchestvo*, 2003, no. 2, pp. 50-54.
- Gladarev B., 2006a. Everyday Use of Information and Communication Technologies. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhizn'yu peterburzhtsev*, no. 5, pp. 33-40.
- Gladarev B.S., 2006b. Woman, Man and Mobile Phone. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 4, pp. 68-76.
- Golofast V., 2002. Electronic Environment, or New Cavemen. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoy zhizn'yu peterburzhtsev*, no. 2, pp. 13-18.

- Hoffman I., 2000. *Presentation of Oneself to Others in Everyday Life*. Moscow, KANON-press-C.
- Ivchenkova M.S., 2018. The Role of Mobile Phones in the Daily Life of Young People (According to the Results of a Sociological Study). *Dylnovskiye chteniya: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saratov*, 2018, pp. 310-314.
- Karpushin V., Olshanskaya S.A., 2017. The Role of Mobile Phones in the Life of a Modern Person. *Resorts. Service. Tourism*, 2017, no. 1-2 (34-35), pp. 44-49.
- Koneva A.V., Lisenkova A.A., 2018. "A Day Without a Selfie is Wasted", or Digital Visual Strategies for Self-Identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*, no. 32, pp. 214-228.
- Nikolaeva E.V., Nikolaeva T.N., 2004. Everyday Thing as an Object of Socio-Cultural Practice: The Semantics of a Mobile Phone in Youth Subculture. *Vestnik MGUDT*, vol. 2 (44). Moscow, IITS MGUDT, pp. 45-52.
- Obukhova Yu.O., 2011. Mobile Phone as a Means of Self-Presentation in Interpersonal Communication. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no. 2, pp. 119-138.
- Obukhova Yu.O., Evseeva L.I., Tanova A.G., 2017. New Technologies of Communication in the Perception of Modern Man. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 12, p. 43-47.
- Petrenko-Lysak A.A., 2012a. Mobile Phone as a Thing: Sociological Aspect. *Creative Economy and Social Innovations*, vol. 2, no. 1 (2), pp. 176-183.
- Petrenko-Lysak A.A., 2012b. Mobile Phone: A Small Detail of Big Changes. *Creative Economy and Social Innovations*, vol. 2, no. 2 (3), pp. 110-116.
- Saiganova E.V., 2020. The Use of Mobile Phones as a Means of Youth Communication: A Regional Aspect, Trends in the Development of Science and Education, no. 68-6, pp. 111-113.
- Sergeyeva O.V., 2010. Contrary to the Sociality of Modernity... (Mobile Phone and Change in Social Hierarchies). *Power*, no. 4, pp. 60-64.
- Sukhanova A.Sh., 2017. Actual Preferences in Internet Practices of Youth (Based on the Analysis of Popular Applications for Mobile Platforms). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, no. 8, pp. 34-37.
- Sharikov A.V., Erofeev S.V., 2019. Features of the Use of Mobile Communications in the Student Environment. *Science of Television*, vol. 15, no. 4, pp. 182-216.
- Agar J., 2003. *Constant Touch: A Global History of the Mobile Phone*. UK, Icon Books.
- Castells M., Fernandez-Ardevol M., Qiu J.L., Sey A., 2004. *The Mobile Communication Society. A cross-cultural analysis of available evidence on the social users of wireless communication technology. A Global Perspective, held at the Annenberg School for Communication, USC, Oct. 8-9, 2004*. URL: <https://www.arnic.info/workshop04/MCS.pdf>
- Ferraris M., 2014. *Where Are You?: An Ontology of the Cell Phone*. New York, Fordham University Press.
- Fortunati L., 2005. The Mobile Phone as Technological Artifact. *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society*. Bielefeld, Verlag, pp. 149-160.
- Geser H., 2005. Is the Cell Phone Undermining the Social Order? Understanding Mobile Technology from a Sociological Perspective. *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society*. Bielefeld, Verlag, pp. 23-36.
- Katz J.E., 2005. Mobile Communication and the Transformation of Daily Life: The Next Phase of Research on Mobiles. *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society*. Bielefeld, Verlag, pp. 171-184.
- Ling R., 2004. *The Mobile Connection: The Cell Phone's Impact on Society*. San Francisco, CA, Morgan Kaufmann Publishers.
- Lorente S., 2002. Youth and Mobile Telephones: More than a Fashion. *Revista de Estudios de Juventud*, vol. 57, iss. 2, pp. 7-24.
- McLuhan M.H., 2011. *The Gutenberg Galaxy*. Toronto; Buffalo; L. *Thumb Culture: The Meaning of Mobile Phones for Society*, 2005. Glotz P., Bertschi S., Locke C. (eds.) Bielefeld, Verlag. URL: <https://doi.org/10.14361/9783839404034>

Information About the Authors

Mariya B. Poltavskaya, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Politology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

Natalya N. Khomutova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Economics and Law, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, Prosp. Piskaryevsky, 47, 195067 Saint Petersburg, Russian Federation, natalya.khomutova@szgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0157-2428>

Evgeniy S. Vasiliev, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vasileves@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

Информация об авторах

Мария Борисовна Полтавская, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, poltavskaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7275-626X>

Наталья Николаевна Хомутова, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, экономики и права, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, просп. Пискаревский, 47, 195067 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, natalya.khomutova@szgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0157-2428>

Евгений Сергеевич Васильев, кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vasileves@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8798-9880>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.9>

UDC 316.334.2
LBC 60.561.2

Submitted: 03.10.2022
Accepted: 05.12.2022

SOCIALLY-ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE STRUCTURE OF THE “THIRD SECTOR” OF THE ECONOMY IN RUSSIA

Irada M. Dudina

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Elena G. Efimova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Dina M. Prostova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The purpose of the paper is to study the functioning of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) in the structure of the third sector of the Russian economy, realizing socially significant benefits for society. To achieve the goal, interpretations of the concept of non-profit organizations (NPOs) were generalized and systematized, the main characteristics of their activities were identified, statistical indicators were studied, which made it possible to determine the essence and significance of the functioning of these organizations from the standpoint of public utility. Society is in demand for social benefits that are aimed at meeting the market needs of people. This study is an attempt to answer the question, how can the social benefits demanded by society be realized in modern conditions? This determines the relevance of the scientific article. The research uses the following methods: analysis, generalization and systematization of scientific provisions in the field of functioning and development of non-profit organizations; comparison of the main normative legal acts in the field of the right field of activity of these organizations; analysis of a sample of statistical data revealing the dynamics of indicators of non-profit organizations in quantitative and qualitative aspects. The theoretical contribution of the study is to determine the essence of the activities of socially-oriented non-profit organizations, their structure based on classification by type of activity, justification of the legal field of their activities. From a practical point of view, the contribution of socially-oriented non-profit organizations to the socio-economic development of the country is determined based on the analysis of statistical data. The analysis of indicators of functioning of socially-oriented non-profit organizations in the field of vocational education is carried out. The demand for educational services of various types of NGOs was noted, which has increased many times by 2021. There is a tendency to decrease the number of students enrolled in higher education programs, a significant increase in the number of students enrolled in secondary special education programs, as well as an increase in the number of private organizations of vocational education. The article concludes that SO NPOs operating in the field of vocational education form and develop the human resources potential of the regional economy, influence the situation on the regional labor market, minimize the risks of unemployment and social isolation of people due to low qualifications.

Key words: non-profit organizations, “the third sector” of the economy, socio-economic development, vocational education, modernization.

Citation. Dudina I.M., Efimova E.G., Prostova D.M. Socially-Oriented Non-Profit Organizations in the Structure of the “Third Sector” of the Economy in Russia. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 95-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.9>

**СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
В СТРУКТУРЕ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» ЭКОНОМИКИ РОССИИ****Ирада Мехтиевна Дудина**

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Елена Георгиевна Ефимова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Дина Михайловна Простова

Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является исследование функционирования социально-ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в структуре третьего сектора экономики России, реализующих социально-значимые для общества блага. Для достижения цели обобщены и систематизированы трактовки понятия некоммерческих организаций (НКО), выделены основные характеристики их деятельности, исследованы статистические показатели, что позволило определить сущность и значимость функционирования данных организаций с позиции общественной полезности. Социальные блага востребованы обществом и направлены на удовлетворение нерыночных потребностей людей, данное исследование представляет собой попытку ответить на вопрос, каким путем могут реализовываться востребованные обществом социальные блага в современных условиях? Этим определяется актуальность научной статьи. В исследовании использованы анализ, обобщение и систематизация научных положений в сфере функционирования и развития некоммерческих организаций, сопоставление основных нормативно-правовых актов в сфере правового поля деятельности данных организаций; проведен анализ выборки статистических данных, выявляющих динамику показателей некоммерческих организаций в количественном и качественном аспектах. Теоретическим вкладом исследования является определение сущности деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций, их структуры на основе классификации по видам деятельности, обоснование правового поля их деятельности. С практической точки зрения определен вклад социально-ориентированных некоммерческих организаций в социально-экономическое развитие страны на основе анализа данных статистики. Проведен анализ показателей функционирования социально-ориентированных некоммерческих организаций в сфере профессионального образования. Отмечена востребованность образовательных услуг разных видов НКО, которая к 2021 году многократно увеличилась. Выявлена тенденция снижения числа обучающихся по программам высшего образования, значительный рост числа обучающихся по программам среднего специального образования, а также увеличение количества частных организаций в сфере профессионального образования. Делается вывод, что СО НКО, работающие в сфере профессионального образования, формируют и развивают кадровый потенциал экономики регионов, влияют на ситуацию на региональном рынке труда, минимизируют риски безработицы и социальной изоляции людей по причине низкой квалификации.

Ключевые слова: некоммерческие организации, «третий сектор» экономики, социально-экономическое развитие, профессиональное образование, модернизация.

Цитирование. Дудина И.М., Ефимова Е.Г., Простова Д.М. Социально-ориентированные некоммерческие организации в структуре «третьего сектора» экономики России // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 95–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.4.9>

Введение

Переход экономических систем к постиндустриальному типу развития определяется соотношением материальной сферы и сферы услуг в общественном производстве, где вторая имеет тенденцию значительного увеличения.

Со второй половины XX века данная тенденция характерна для стран с высоким уровнем экономического развития. Кроме того, экономисты в это же время стали выделять еще одну тенденцию: с ростом доходов предельная полезность некоторых товаров и услуг снижается. Данные факты в целом привели к

росту сферы услуг, в том числе и особого типа услуг для удовлетворения потребностей человека, не измеряемых в денежном выражении. Речь идет о социальных услугах, соответствующих высшим потребностям человека, выделенных в пирамиде А. Маслоу, таких как самореализация, общение, признание и т. п.

В XXI веке начинается формирование и развитие экономики нерыночных услуг, предоставляемых общественными организациями с особым типом хозяйствования – некоммерческими. Данные организации включены в структуру «третьего сектора экономики», где, как отмечают научные исследования, происходит интенсивный рост и развитие.

Третий сектор экономики – общественный сектор – производит общественные блага и имеет целью их производство и предоставление потребителям. Социально значимые блага не могут реализовываться на рынке, поскольку не являются предметом купли-продажи с целью извлечения прибыли, но они необходимы для достижения социальных целей. Поскольку данный вид благ направлен на удовлетворение нерыночных потребностей общества, это является одной из причин роста общественного сектора, предоставляющего некоммерческие услуги в таких сферах, как образование, воспитание, творчество и других услугах/благах, востребованных обществом.

В Российской Федерации сложилась экономика смешанного типа с различными формами собственности и способами хозяйствования, а ее особенностью является ориентация в большей степени на социальную модель, предполагающую активное участие государства в регулировании экономики и решении социально-экономических задач.

О значимости «третьего сектора» экономики России для ее социально-экономического развития мнения ученых разделились: некоторые скептически относятся к его значимости, поскольку считают использование ими ресурсов неэффективным, а предоставление услуг недостаточно качественным; другие, наоборот, приводят аргументы о пользе его чрезвычайного разнообразия, отсутствия конкуренции между некоммерческими организациями (далее НКО) и государственными и коммерческими структурами, которые берут на себя выполнение важной социальной фун-

кции удовлетворения потребностей людей востребованными услугами и нематериальными благами. В условиях ограниченности ресурсов некоммерческие организации помогают органам власти и управления определять приоритеты государственной политики в удовлетворении граждан социально значимыми благами.

Анализ научных положений позволяет привести аргументы в пользу функционирования некоммерческих организаций в структуре «третьего сектора» экономики. В конце XX столетия к категории важных ресурсов экономисты относят человеческий капитал, в качестве основы перспективного развития общества в условиях смены мирового технологического уклада, наряду с финансовыми, природными и другими ресурсами. Теория человеческого капитала, определяющая человека одним из важных ресурсов развития современного общества, представляет одну из основ для исследования становления и развития некоммерческого сектора и входящих в него организаций, ориентированных на предоставление специфических благ и услуг гражданам.

Теоретически параметры экономического роста определяют индикаторами, которые характеризуют различные стороны развития гражданского общества. Исследователи отмечают, что в условиях возникновения «провалов» (кризиса, фиаско) рынка НКО обладают такими способностями, как снижать трансакционные издержки контролировать со стороны потребителей качество предоставляемых социально-ориентированными некоммерческими организациями (далее СО НКО) услуг [Hansmann 1987; Грегова 2008].

Общественный сектор состоит из структур, включающих государственный, смешанный и добровольно-общественный элементы (подструктуры), и особое место в нем занимают НКО [Грегова 2008, 128].

В научных исследованиях о функционировании некоммерческих организаций авторы определяют, что посредством таковых государство может реализовать удовлетворение потребностей различных социальных групп общества, ориентируясь при этом на «среднего избирателя» [Hansmann 1987; Van Slyke, Лесу, Yoon web; Королева 2011; Зворыкина 2017].

В общем смысле функционирование «третьего сектора» экономики заключается в основной его цели – удовлетворение потребностей общественных групп, чем способствует повышению уровня жизни граждан. Показатели уровня жизни и благополучия, повышение качества жизни находятся в сфере государственных интересов, которые закреплены в некоторых законодательных документах [Федеральный закон N 7-ФЗ 1996... ст. 2, п. 2, Федеральный закон от 05.04.2010...], и относятся к аспектам национальной и экономической безопасности страны.

Кроме того, основы социально-экономического развития страны представлены в действующих нормативных документах, среди которых можно выделить Стратегию пространственного развития [Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019...], Стратегию национальной безопасности [Указ Президента РФ от 02.07.2021...] и другие документы. Стратегии определяют основные векторы социально-экономического развития страны, регионов и муниципальных образований, и в разрезе территорий обеспечение их экономического роста тесно связано со становлением и функционированием «третьего сектора экономики», включающему некоммерческие организации [Дворядкина, Простова 2019, 47].

Текущий 2022 год для России стал годом значимых перемен в экономике и геополитике нашей страны в результате произошедших «катастрофических событий», потрясших сегодня весь мир, описанных академиком РАН Глазьевым С.Ю. [Глазьев web]. Есть основания полагать, что сложившуюся геополитическую ситуацию можно использовать для проведения качественной структурной перестройки экономики России, определения направлений стратегии социально-экономического развития нации в новых геополитических условиях, где уже сейчас следует определить важные стратегические приоритеты для внешней и внутренней государственной политики, сформировать законодательные основы для развития всех секторов национальной экономики, в том числе «третьего сектора», поскольку он способен взять на себя функцию удовлетворения потребностей населения в социально-значимых благах и услугах.

Приведенные аргументы делают актуальным исследование сущности и значимости «третьего сектора экономики» России в контексте социально-экономического развития страны и ее территорий (регионов, муниципальных образований), где в составе некоммерческих организаций находятся образовательные организации, в том числе профессионального образования с их ключевой ролью в формировании человеческого капитала.

Некоммерческие организации в структуре «третьего сектора экономики»: понятие, сущность и значение для развития общества

Обратимся к понятию «некоммерческая организация». В словаре терминов институциональной экономики Г. Литвинцевой указано: «некоммерческая (бесприбыльная) организация – это организация (часто корпорация), доход от деятельности, которой за вычетом расходов должен оставаться в самой организации и использоваться для достижения стоящих перед организацией целей. Некоммерческая организация не имеет собственников, то есть претендентов на остаточный доход» [Литвинцева web].

В 1996 году зарубежные ученые предложили научное обоснование классификации некоммерческих организаций [Salamon, Anheier, 1992b], и сформулировали их отличительные особенности для практического применения [National Council of Voluntary... 1995]. Речь идет о Международной классификации некоммерческих организаций (ICNPO, 1996 г.) в соответствии с которой они могут быть признаны «некоммерческими» [Salamon, Anheier, 1996]. Учеными выделено пять особенностей, характеризующих данные организации:

1. Организации, представляющие часть институциональной сферы с возможностью трансформации социальных отношений в социальный институт с установлением их на основе определенных правил, норм, целей, юридически закрепленных Уставом данной организации. Характер организаций определяется четкая внутренняя организационная структура наряду со структурированными обязанностями ее членов.

2. Организации являются неправительственными, их структура не является субъектом государственного управления, но данное положение совсем не означает отделение их от получения государственной поддержки, или участия правительственных чиновников в их деятельности. Таким образом, некоммерческая организация, отделена от государственного вмешательства, но не лишена возможности государственного надзора за их деятельностью в рамках правовых отношений.

3. Миссия данных организаций обязывает их контролировать собственную деятельность, поскольку является основной целью их создания. Таким образом, НКО имеют собственную внутреннюю процедуру управления при значительной степени автономии. Жесткий контроль над некоторыми частными и правительственными НКО со стороны государственных учреждений или частных предприятий устанавливается в случае, когда контролирующие учреждения предоставляют таким НКО базы для их функционирования.

4. Прибыль НКО не может распределяться между ее владельцами, учредителями, членами правления и другими организаторами. Накопление прибыли организаций происходит в результате осуществления ими своей деятельности, а распределение этой прибыли реинвестируется или применяется согласно реализации ее заявленных целей – только в этом случае она считается некоммерческим учреждением. То есть сущность функционирования некоммерческих организаций не заключается в создании прибыли, достижении коммерческих целей и интересов.

5. Для НКО характерна концепция добровольчества, что связано со следующими аспектами: необходимость привлечения волонтеров к своей деятельности и управлению с помощью добровольцев и добровольных взносов; но с другой стороны, добровольность не означает обязательство. Это строго определяет значение «добровольно», то есть с позиции закона добровольчество и пожертвования не могут быть обязательными или принудительными, иначе организация не может быть включенной в некоммерческий сектор.

В зарубежных исследованиях характеристики НКО определяют их важную роль в стимулировании социальных инноваций, создании

новых рабочих мест, участии в исправлении рыночных неудач и развитии социальных движений [Van Slyke, Lescy, Yoon web]. Д. Баррет выделяет такие фундаментальные отличия между коммерческими и некоммерческими организациями как распределение прибыли между акционерами, где в некоммерческих такое невозможно, поскольку это исключает ее из разряда таковых. Д. Баррет выделяет такие отличительные особенности НКО, как многочисленные налоговые льготы и ограничение на законодательном уровне ответственности добровольцев [Barrett 1996]. Схожим образом трактует понятие НКО Г. Хансман, отмечая обязательное условие – запрет на распределение чистой прибыли [Hausmann 1980].

Группой исследователей университета Джонса Хопкинса (проект «The Comparative Nonprofit Sector Project») были разработаны критерии НКО как неприбыльной организации, идентифицированной в качестве социотехнической структуры. Такие организации характеризуются открытостью, формальным структурированием, отсутствием прямого влияния со стороны государства, использованием добровольных работ и услуг наряду с материальными и нематериальными ресурсами для их производства при достижении собственных целей, но не предпринимательских доходов [Salamon, Anheier 1992a].

Понятие НКО в России закреплено на законодательном уровне. Т.В. Соيفер отмечает понятие некоммерческих организаций как «собирающее, объединяющее все юридические лица, цели деятельности которых не связаны с извлечением прибыли» [Соифер 2016]. Понятие НКО было впервые закреплено в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., в настоящее время представлено в Гражданском кодексе РФ. Гражданский кодекс РФ уточняет, что «некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность, но лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы» [Гражданский кодекс РФ... от 30.11.1994]. В кризисных рыночных условиях НКО способны снижать транзакционные издержки, вовлекая в сферу своей деятельности представителей гражданской общественности [Borgaza, Tortia 2010].

В законодательных документах представлены основные общие цели создания НКО, среди которых достижение «социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих» и других целей [Федеральный закон № 7-ФЗ 1996...]. Список целей создания НКО, перечисленный в ФЗ № 7 «О некоммерческих организациях», может быть расширен. Данный законодательный документ предоставляет широкие возможности для поля деятельности НКО.

Сущность и правовое поле социально-ориентированных некоммерческих организаций «третьего сектора экономики»

Среди НКО выделяют социально ориентированные некоммерческие организации, понятие о которых введено Федеральным законом от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Федеральным законом от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».

В законодательных документах многих стран понятие «социально ориентированные некоммерческие организации» встречается под другой трактовкой: «организации общественной пользы», или «общественно полезные организации», «благотворительные организации».

В федеральном законе № 7-ФЗ 1996 года «социально-ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации» [Федеральный закон № 7-ФЗ 1996...]. Статьей 31.1 № 7-ФЗ определены виды деятельности некоммерческой организации, придающие ей статус социально-ориентированной некоммерческой организации [Федеральный закон № 7-ФЗ 1996...].

Представленный в законе список видов деятельности СО НКО может быть расширен с учетом особенностей развития регионов, например, в нормативных актах субъек-

тов РФ, представительных органов муниципальных образований.

Понятие СО НКО достаточно емкое, включает в себя различные типы организаций, иными словами «социально ориентированной может быть признана любая деятельность, имеющая признаки общественно-полезной, т.е. приносящая пользу обществу, вне зависимости от того каковы источники доходов, направленных в последствии на реализацию общественно-полезных целей» [Королева, 2011].

Исследователи А. Нецадин, В. Кашин, Г. Тульчинский относят к «социально-ориентированному» предприятию организации с учетом критериев: организационной автономии; реинвестиции прибыли на развитие и социальные нужды; создание и поддержание сети социальных контактов в сфере бизнеса; наличие долговременных социальных проектов, ориентированных на внутреннюю среду и внешнее сообщество [Нецадин, Кашин, Тульчинский 2014].

СО НКО, по мнению Т.И. Зворыкиной, «должны предоставлять дополнительные гарантии качества и доступности», поскольку эти организации «зачастую производят редкие или уникальные услуги, которые отсутствуют в типовом наборе услуг учреждений социальной защиты» [Зворыкина 2017].

Об ограничении функционирования СО НКО их миссией и целями пишут В.В. Аксенов, Ю.Ю. Антропова, А.П. Коробейникова: СО НКО «...ограничены в деятельности своей миссией и находятся под давлением ожиданий инвесторов и общества в целом относительно ее результатов» [Аксенов 2017]. При этом исследователи отмечают важность и значимость деятельности этих организаций в экономической системе потому как они «становятся немаловажным фактором трансформации социальной политики в целом, оказывая влияние на экономический рост...» в результате создания в третьем секторе экономики множества рабочих мест, что позволяет получить экономическую устойчивость как СО НКО, так и в целом экономике региона [Антропова, Коробейникова 2015].

НКО, в том числе СО НКО, являются гармоничным компонентом экономики субъектов РФ и муниципальных образований, выполняя важные социальные функции для обще-

ства, что означает их жизненно важную роль в укреплении социума и повышении качества жизни населения, в результате предоставления значимых социальных услуг, и тем самым способствует экономической стабильности и мобильности населения регионов. Они дают возможность созидательного труда для общего блага, превращая общие убеждения и надежды в действия, воплощая в жизнь самые смелые мечты, высокие идеалы и самые благородные дела. Следует сказать, что СО НКО, стимулируя экономический рост регионов, способствуют развитию гражданской активности населения. В процессе предоставления образовательных, медицинских и социальных услуг, в которых нуждаются граждане и которые рынок, правительство не всегда могут предоставить в полной мере, НКО укрепляют сообщества.

Таким образом, третий сектор экономики включает НКО и СО НКО, деятельность которых заметно влияет на благосостояние граждан, имеет прямое отношение к повышению показателей уровня жизни населения и других значимых социально-экономических показателей. Структура НКО разнообразна, их деятельность охватывает широкий спектр социально значимых услуг для населения.

В составе СО НКО ведут свою деятельность организации, работающие в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения и т.п. Деятельность организаций в сфере профессионального образования, входящих в структуру СО НКО, является значимой на государственном уровне, представляет одно из стратегических направлений социально-экономического развития страны и ее территорий, что в перспективе влияет на состояние трудовых ресурсов, формирование и накопление человеческого потенциала. Социально-экономическое состояние национальной экономики, формирование национального богатства, во многом зависят от функционирования и развития организаций профессионального образования.

Интерес к аспектам развития и функционирования некоммерческих организаций в сфере профобразования в России подтверждается работами многих ученых, например, Ф. Абреговой [Абрегова 2009], М.С. Баликовой [Баликова 2006], Г. Тищенко [Тищенко

2011], Т. Заславской [Заславская, Ядов, 2008] и многих других.

В. Крутиков, Ю. Зайцев, О. Демина определяют, что взаимодействие организаций третьего сектора и системы высшего образования «должно выступить именно в качестве такого мощного рычага, обеспечивающего преодоление социально-экономического кризиса, помогающего повысить уровень просвещения, а также духовного и физического здоровья нации» [Крутиков, Зайцев, Демина 2013]. НКО предоставляя социальные услуги населению [Jacobsen, Waggett 2022], реализуют свою деятельность как на бюджетной, так и коммерческой основе, выполняя заказ государства, что придает им устойчивость их развития. Между государственными и негосударственными организациями профессионального образования существует высокая конкуренция, которая обеспечивает широкий спектр и разнообразие предоставляемых услуг населению в сфере образования, повышения квалификации, переобучения. НКО исследователи определяют в качестве ресурса для «формирования и выражения» интересов социума, а значит его развитие и функционирование также находится в поле его интересов. «Главным ... является конструирование тех институтов, которые вносят преобразования в развитие интеллекта общества и личности», где все это дается в виде системы программ обучения и воспитания в школах, вузах, научных учреждениях, где «... главным содержательным приоритетом ... должна стать потребность в формировании всестороннего развитого человека» [Бочко 2022, 416–418], подготовка которого находится в сфере деятельности системы профессионального образования.

Исследование показателей функционирования профессионального образования в составе СО НКО

Исследуем некоторые аспекты функционирования в структуре СО НКО организаций профобразования. В настоящее время профобразование (как и вся система образования) функционирует в условиях рынка, поэтому стратегия развития отечественной системы образования имеет целью стать конкурентной на мировой арене.

В условиях изменяющегося мирохозяйственного уклада целесообразно говорить не только о конкурентоспособности российской системы образования в мире, но и конкурентоспособности ее экономики. Стремление повысить конкурентоспособность страны зависит от уровня и качества профессиональной подготовки управленцев (в том числе специалистов для разных сфер экономики). Специалистов-управленцев на российском рынке и региональных рынках труда недостаточно. В условиях жестких ограничений государственных бюджетов руководство страны принимает меры по мобилизации потенциала работодателей в области обучения, повышения эффективности и результативности обучения.

Для более детального анализа значимости деятельности некоммерческих организаций в «третьем секторе экономики» проанализируем статистические данные о СО НКО, в состав которых включены организации профессионального образования.

В таблице 1 представлено общее количество СО НКО, динамика которых в абсолютном значении к 2021 году снижается, на что заметно повлияли такие события как пандемия CORVID-19 [Connor et al. 2022], кроме того Министерством экономического развития был создан реестр некоммерческих организаций и разработаны требования к деятельности, однако не все организации смогли им соответствовать.

Следует отметить, что на фоне снижения абсолютных значений СО НКО в области образования (табл. 1) к 2021 году, в процентном отношении их доля к общему числу организаций остается на уровне 10–11 %, что свидетельствует об устойчивости спроса на услуги НКО в области образования и удовлетворенности качеством предоставляемых ими услуг.

Востребованность образовательных услуг (разных видов) НКО можно оценить по

количеству человек, получивших такие услуги, которое к 2021 году многократно увеличилось (см. данные табл. 1).

В структуру СО НКО включены организации профессионального образования, где в таблице 2 представлены данные по их количеству. По причине отсутствия статистических данных Росстата по состоянию на 2021 год (сборник выходит раз в два года) имеем возможность анализа данных только за период с 2017 по 2020 годы.

В абсолютном значении к 2020 году динамика количества частных и государственных организаций высшего образования имеет отрицательные значения, но в большей мере снизилось число частных. Основная причина, по нашему мнению, частные вузы не выдерживают конкуренции с государственными. С введением государственной аккредитации учебных заведений, Министерство науки и высшего образования контролирует качество реализуемых образовательных программ, отзывая аккредитацию у не соответствующих установленным критериям образовательных организаций.

По количеству организаций в сфере среднего профессионального образования (СПО) динамика положительная по всем формам собственности, что обусловлено, с одной стороны, проводимой государством реформой системы образования (с 2012 г.), с другой стороны, государственной политикой, направленной на укрепление и развитие системы профподготовки. Переход функционирования системы образования к рыночным условиям сделал неконкурентными организации СПО, поскольку высшее образование стало доступным для большинства желающих его получить, к тому же демографическая «яма» конца 1990-х годов, до сих пор оказывающая влияние, в том числе влияет и на численность студентов организаций СПО. Это привело к еще большему дефициту специалистов сред-

Таблица 1

Динамика показателей СО НКО в сфере образования по РФ¹

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Общее количество СО НКО	142 641	140 247	146 481	128 685	127 632
Количество СО НКО в области образования	14 869	13 957	13 935	14 437	14 099
% от общего количества	10,4	9,9	9,5	11,2	11,1
Количество человек, получивших образовательные услуги СО НКО	1 773	1 019	3 620	1 179	42 193

него звена, особенно инженерных специальностей, педагогов, учителей, медицинских работников и др.

Образовавшийся в стране серьезный кадровый «голод» на специалистов среднего звена создал необходимость реформирования, развития и популяризации системы профобразования. В эту волну удачно встроились СО НКО в области профобразования, осуществляющие в том числе услуги по подготовке и переподготовке нужных работодателям специалистов, выполняя при этом социальный заказ государства.

Анализ данных по количеству обучающихся по программам профобразования в таблице 3 выявляет следующие тенденции: снижение числа обучающихся по программам высшего образования, и значительный рост по программам среднего специального образования. Такая тенденция связана, прежде всего, с государственной реформой профобразования, в рамках которой реализуются важные национальные проекты и программы, как например, современный федеральный проект «Профессионалитет» в рамках стратегии социально-экономического развития страны до 2030 года. Этот проект выступает основой для комплексной перезагрузки системы СПО, которая решает задачи мотивации интереса молодежи к

обучению в колледжах, техникумах по подготовке специалистов по востребованным в экономике страны и ее регионов профессиям.

СО НКО, выполняя государственный заказ, способны заполнить эту нишу. Подготовка специалистов среднего звена имеет меньший временной лаг (в сравнение с высшим образованием), на этом уровне подготовки специалистов уделяется большое количество часов их практическому обучению, что позволяет формировать необходимые первичные трудовые навыки выпускников для погружения в будущую профессию, где навыки у обучающихся формируются в результате реальной практики на предприятиях, а значит повышают качество освоения образовательных программ СПО. Этим создаются условия и мотивация для получения среднего специального образования, привлекая трудоспособное население получить новые и востребованные на рынке труда специальности.

По данным Министерства просвещения России, в 2021 году среднее профессиональное образование получили 3,4 миллиона студентов. Из них 83% проходили обучение по программам подготовки специалистов, остальные – по программе квалифицированных рабочих и служащих. Самыми популярными направлениями являются сестринское дело

Таблица 2

Организации профобразования в структуре СО НКО²

Количество образовательных организаций	2017	2018	2019	2020	2020 к 2017 в абс. знач.
Частных организаций ВО	266	245	229	213	- 53
Государственных и муниципальных организаций ВО	500	496	495	492	- 8
Государственных и муниципальных образовательных организаций СПО	2 999	2 961	2 922	39 462	+36 463
Частных организаций СПО	317	350	378	884	+567

Таблица 3

Количество обучающихся по программам профобразования³

Количество обучающихся по образовательным программам подготовки:	2017	2018	2019	2020	2021	2021 к 2017 в абс. знач. и в %
Квалифицированных рабочих, служащих	543 224	542 074	543 373	576 493	577 668	+34 444 (106,3%)
Специалистов среднего звена	2 387 583	2 464 286	2 575 997	2 759 830	2 856 197	+468 614 (119,6%)
По программам высшего образования	4 245 885	4 161 672	4 068 327	4 049 333	4 044 203	-201 682 (-4,8%)
ВСЕГО	7 176 692	7 168 032	7 187 697	7 385 656	7 478 068	+301 376 (104,2%)

(207 тыс. чел.), право и организация социального обеспечения (178 тыс. чел.), информационные системы и программирование (112 тыс. чел.) [Минпросвещение России... web].

Согласно приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 октября 2020 года № 744 к востребованным и новым профессиям, требующих среднего профобразования относятся: агроном, ветеринарный фельдшер, графический дизайнер, мастер отделочных строительных и декоративных работ, мастер контрольно-измерительных приборов и автоматики, а также медицинская сестра/брат [Приказ Министерства труда ...]. В данный список включены 50 основных востребованных профессий, по которым сохраняется дефицит рабочих кадров на региональных рынках труда.

По словам заместителя главы Минобрнауки Д. Афанасьева самыми востребованными профессиями в сфере высшего профобразования являются все инженерные специальности. После них те, «...кто работает с цифровой экономикой: айтишники, программисты, электронщики, связисты, ну и масса других направлений, связанных с цифровой техникой» [Афанасьев web]. Следующим по востребованности и количеству бюджетных мест идут образовательные направления подготовки и педагогические науки, где существует нехватка не только учителей, но работников дошкольных организаций, в том числе дефектологов, наряду с преподавателями СПО и дополнительного образования. В настоящее время есть новые направления, где не хватает специалистов (микроэлектроника, генетические технологии, современная перспективная зеленая энергетика, все это связано с искусственным интеллектом, биомедициной). В качестве мотивации, данные востребованные экономикой страны направления подготовки,

имеют больше всего бюджетных мест [Афанасьев web].

Отметим, что система образования не сможет развиваться самостоятельно в условиях рынка, без государственной поддержки. Поддержка состоит, прежде всего, в финансировании деятельности образовательных организаций. В таблице 4 представлены статистические данные о госрасходах на сферу профессионального образования.

Как видно из таблицы 4 государственное финансирование профобразования в абсолютных значениях к 2021 году увеличивается по всем уровням, растет и сумма госрасходов, но в процентном выражении доля госрасходов остается на уровне примерно 5 %, где только в 2018 и 2019 годах госбюджетные расходы были наибольшими в периоде. С учетом инфляции рост доли госрасходов не значителен. Следует отметить, что финансирование профобразования государством не снизилось во время пандемии COVID-19.

Отметим, что НКО в сфере профобразования имеют возможность привлекать дополнительные финансовые ресурсы (обучение на договорной основе и др.), направляемые на их собственное развитие, что формирует их устойчивость в рыночных условиях.

Сфера образования требует инвестиций и основным инвестором, по мнению авторов, должно быть государство. Такие инвестиции являются социальными, основное их направление – это накопление и развитие человеческого капитала. Профессиональное образование выполняет важную роль в социально-экономическом развитии общества, формирует и развивает кадровый потенциал экономики регионов, влияет на ситуацию на региональном рынке труда, поддерживая тем самым высококвалифицированную экономику знаний и минимизируя риски безработицы и социальной изоляции людей по причине низкой квали-

Таблица 4

Государственные расходы на профессиональное образование в РФ, млрд руб.⁴

Вид профессионального образования	2017	2018	2019	2020	2021
Среднее профессиональное образование	212,0	251,6	315,4	331,1	368,1
Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации	23,9	33,0	43,3	47,4	48,3
Высшее образование	511,0	554,2	585,2	644,3	667,2
Всего выделенных средств	755,9	838,8	940,9	1 022,8	1 083,6
% от госбюджета	5,43	5,84	5,89	5,12	5,04

фикации. Другими словами, более качественное обучение способно принести высокую отдачу с экономической и социальной точки зрения. СО НКО непосредственно могут справиться с этой задачей.

Заключение

Анализ зарубежных и российских научных работ, нормативно-правовых актов позволил выделить основную сущность НКО, заключающуюся в цели их создания, т.е. для удовлетворения потребностей общества в социальных благах на безвозмездной основе, а распределение их прибыли реинвестируется согласно реализации заявленных ими целей. Таким образом, сущность функционирования НКО заключается в достижении целей и интересов социальных общественных потребностей, основывается на концепции добровольчества, позволяет контролировать собственную деятельность, исходя из миссии организаций. Деятельность НКО не требует государственного вмешательства, но и не лишена его надзора в рамках правовых отношений и не отделена от государственной поддержки.

Исследование сущности СО НКО и их правового поля деятельности позволяет выделить данные организации как призванные решать социальные проблемы общества, развивать гражданское общество в России, гарантирующие качество и доступность предоставляемых услуг, кроме того, они характеризуются таким преимуществом как производство уникальных, редких услуг, не предоставляемых учреждениями социальной защиты, отличаются индивидуальным подходом в предоставлении услуг высокого качества. СО НКО привлекают волонтеров и добровольцев, имеют возможности получения дополнительного финансирования для развития их деятельности. Их деятельность также ограничена миссией и целями, исходя из которых СО НКО заинтересованы предоставлять качественные услуги, а в случае не достижения поставленных ими целей они могут потерять доверие общественности, что делает невозможным их дальнейшее существование.

Анализ показателей деятельности организаций профессионального образования в структуре СО НКО выявил количественные

и качественные изменения. Таким образом, профессиональное образование выполняет важную роль для социально-экономического развития общества через формирование кадрового потенциала регионов, минимизируя риски безработицы и социальной изоляции людей, чем влияет на накопление человеческого потенциала. Сфера образования нуждается в инвестициях, которые СО НКО имеют возможности привлекать, но основным инвестором должно выступать государство. Качество обучения специалистов способно принести высокую экономическую и социальную отдачу обществу и с данной задачей СО НКО вполне могут справиться.

Развитие профессионального образования в структуре СО НКО в новых экономических условиях, образовавшихся в результате современной геополитической ситуации, является необходимым условием для формирования сильной национальной экономики. Третий сектор экономики для России становится реальным фактором социально-экономического развития, о чем свидетельствует рост его доли в ВВП страны.

По итогам исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. НКО, как часть институциональной сферы, способны более эффективно выражать интересы общества для решения социальных проблем.

2. Все организации в составе СО НКО создаются с определенными миссией и целью, что позволяет им функционировать исключительно для удовлетворения социальных потребностей. Услуги предоставляются с соответствующим качеством, которое контролируют их потребители. Анализ функционирования организаций профессионального образования доказывает востребованность предоставления социальных услуг.

3. Развитие в перспективе третьего сектора экономики в России имеет высокую значимость для социально-экономического развития общества и страны в новых условиях, поскольку данный сектор представляет альтернативу государству в случае неэффективности его деятельности в социальной сфере, может привлекать ресурсы для осуществления собственной деятельности и выполнять функцию перераспределения на добровольной основе.

Создание и развитие деятельности некоммерческих организаций представляется недостаточно исследованным направлением, что обусловлено разнообразием целей и видов их деятельности, кроме того, понятие социально-ориентированных организаций достаточно емкое, что вызывает интерес к дальнейшим исследованиям их задач и возможностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Составлено авторами по итогам выборочного отбора Росстата: <https://www.fedstat.ru/indicator/43638>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58625>, <https://www.fedstat.ru/indicator/58621>, <https://www.fedstat.ru/indicator/43638>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58625> (дата обращения: 15.08.2022).

² Составлено авторами по итогам выборочного отбора Росстата и Федеральной службы государственной статистики: <https://www.fedstat.ru/indicator/44281>; <https://www.fedstat.ru/indicator/44260>; <https://rosstat.gov.ru/statistics/education/publications> (дата обращения: 15.08.2022).

³ Составлено авторами по итогам выборочного отбора Росстата и Минобрнауки: <https://www.fedstat.ru/indicator/59645>; <https://www.fedstat.ru/indicator/59644>; <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-prieme-chislennosti-studentov-i-vypuske-spetsialistov-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-os> (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ Составлено авторами по итогам выборочного отбора Росстата и Минобрнауки: <https://www.fedstat.ru/indicator/59656>; <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-prieme-chislennosti-studentov-i-vypuske-spetsialistov-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-os>; Индикаторы образования: 2018 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018; Индикаторы образования: 2021 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, В. И. Кузнецова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021; Индикаторы образования: 2022 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022 (дата обращения: 15.08.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрегова 2009 – *Абрегова Ф.М.* Механизм интеграции некоммерческих организаций в сфере высшего профессионального образования

(ВПО): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп, 2009.

Аксенов 2018 – *Аксенов В.В.* Проблема оценки социально-экономической эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (со НКО) // Ученые записки. 2018. № 3 (27). С. 85–92.

Антропова, Коробейникова 2015 – *Антропова Ю.Ю., Коробейникова А.П.* Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии инноваций в социальной сфере региона // Дискуссия. 2015. № 11 (63). С. 64–70.

Афанасьев web – *Афанасьев Д.В.* Минобрнауки назвало наиболее востребованных в России специалистов // <https://tass.ru/obschestvo/14448891>

Баликова 2006 – *Баликова М.С.* Стратегии и инструменты управления некоммерческой организацией в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп, 2006.

Бочко 2022 – *Бочко В.С.* Конструирование образа будущего территорий: мировоззренческие подходы // *Alter Economics*. 2022. № 19 (3). С. 407–423.

Глазьев web – *Глазьев С.Ю.* О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>

Гражданский кодекс РФ ... от 30.11.1994 – Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

Грегова 2008 – *Грегова Е.Я.* Роль третьего сектора в современной экономике // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 127–135.

Дворядкина, Простова 2019 – *Дворядкина Е.Б., Простова Д.М.* Некоммерческие организации в региональной экономике: теоретический подход к исследованию // *Journal of New Economy*. 2019. Т. 20, № 4. С. 47–69.

Заславская, Ядов 2008 – *Заславская Т.И., Ядов В.А.* Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 8–22.

Зворыкина 2017 – *Зворыкина Т.И.* Перспективы и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере социального обслуживания // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 5 (124). С. 73–81.

Королева 2011 – *Королева Л.П.* Проблемы и предложения по квалификации статуса социально-ориентированной некоммерческой организа-

- ции в качестве налогоплательщика // *Налоги и финансовое право*. 2011. № 6. С. 192–196.
- Крутиков, Зайцев, Демина 2013 – *Крутиков К.В., Зайцев Ю.В., Демина О.В.* Создание системы некоммерческих организаций в учреждениях высшего профессионального образования как инструмента просвещения, обеспечивающего формирование гражданского общества и национальную безопасность // *Дайджест-Финансы*. 2013. № 7 (223). С. 53–59.
- Литвинцева web – *Литвинцева Г.* Словарь терминов по институциональной экономике // <https://vocale.ru/slovari/slovar-terminov-po-institucionalnoi-ekonomike.html>
- Минпросвещение России... web – Минпросвещение России. Статистика // <https://edu.gov.ru/activity/statistics>
- Нещадин, Кашин, Тульчинский 2014 – *Нещадин А., Кашин В., Тульчинский Г.* К вопросу о формах социального предпринимательства // *Общество и экономика*. 2014. № 9. С. 143–161.
- Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 октября 2020 г. ... – Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 октября 2020 года № 744 // <https://docs.cntd.ru/document/566132131>
- Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019... – Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».
- Сойфер 2016 – *Сойфер Т.В.* Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // *Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 22–30.
- Тищенко 2011 – *Тищенко Г.А.* Экономические основы функционирования некоммерческих организаций в сфере услуг высшего профессионального образования: на примере Хабаровского края: автореф. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Хабаровск, 2011.
- Указ Президента РФ от 02.07.2021... – Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
- Федеральный закон № 7-ФЗ 1996... – Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ 1996 г.
- Федеральный закон от 05.04.2010... – Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций».
- Barrett web – *Barrett D.W.* A Call for More Lenient Director Liability Standards for Small, Charitable Nonprofit Corporations // *Indiana Law Journal*. 1996. 71 (fall) // <http://paperity.org/p/82770136/a-call-for-more-lenient-director-liability-standards-for-small-charitable-nonprofit>
- Borgaza, Tortia 2010 – *Borgaza C., Tortia E.* The Economics of Social Enterprises. An Interpretative Framework // *The Economics of Social Responsibility: The World of Social Enterprises*. Becchetti L., Borgaza C. (eds.). 2010. P. 15–33.
- Connor et al. 2022 – *Connor C., De Valliere N., Warwick J. et al.* The COV-ED Survey: Exploring the Impact of Learning and Teaching from Home on Parent/Carers' and Teachers' Mental Health and Wellbeing During COVID-19 Lockdown // *BMC Public Health* 22, 889. 2022.
- Jacobsen, Waggett 2022 – *Jacobsen K.H., Waggett C.E.* Global Health Education for the Post-Pandemic Years: Parity, People, Planet, Priorities, and Practices // *Glob Health Res Policy*. 2022. № 7. P. 1. DOI: 10.1186/s41256-021-00234-y
- Hansmann 1980 – *Hansmann H.B.* The Role of Nonprofit Enterprise // *The Yale Law Journal*. 1980. Vol. 89, № 5 (April). P. 835–898.
- Hansmann 1987 – *Hansmann H.B.* Economics Theories of Non-Profit Organization // Powell W.W. (ed.). *The Non-Profit Sector: A Research Handbook*. New Haven: Yale University Press, 1987.
- National Council of Voluntary... 1995 – National Council of Voluntary Organisations, Feasibility Study on Obtaining Information on the Economic Activities of Non-Charitable Nonprofit-Making Bodies. London, 1995.
- Salamon, Anheier 1992a – *Salamon L.M., Anheier H.K.* In Search of the Nonprofit Sector I: The Question of Definitions // *Voluntas*. 1992. № 3 (2). P. 125–151.
- Salamon, Anheier 1992b – *Salamon L.M., Anheier H.K.* In Search of the Nonprofit Sector II: The Problem of Classification // *Voluntas*. 1992. № 3 (3). P. 267–309.
- Salamon, Anheier 1996 – *Salamon L.M., Anheier H.K.* *The Emerging Nonprofit Sector*. Manchester, Manchester University Press, 1996.
- Van Slyke, Lecy, Yoon web – *Van Slyke D. M., Lecy J.D., Yoon N.* What Do We Know About Nonprofit Entrepreneurs? Results From a Large-Scale Survey // https://www.researchgate.net/publication/318000878_What_Do_We_Know_About_Nonprofit_Entrepreneurs_Results_from_a_Large-Scale_Survey

REFERENCES

Abregova F.M., 2009. *The Mechanism of Integration of Non-Profit Organizations in the Field of Higher Professional Education (HPE):*

- Abstract of a Candidate of Economic Sciences: 08.00.05.* Maykop.
- Aksenov V.V., 2018. The Problem of Assessing the Socio-Economic Efficiency of the Activities of Socially Oriented Non-Profit Organizations (SO NPOs). *Uchenye zapiski*, no. 3 (27), pp. 85-92.
- Antropova Yu.Yu., Korobeynikova A.P., 2015. The Role of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Development of Innovations in the Social Sphere of the Region. *Discussion*, no. 11 (63), pp. 64-70.
- Afanasiev D.V., 2022. *The Ministry of Education and Science Named the Specialists Most in Demand in Russia*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14448891>
- Balikova M.S., 2006. *Strategies and Tools for Managing a Non-Profit Organization in the Field of Higher Professional Education: Abstract of a Candidate of Economic Sciences: 08.00.05.* Maykop.
- Bochko V. S., 2022. Designing the Image of the Future Territories: Worldview Approaches. *Alter Economics*, no. 19 (3), pp. 407-423.
- Glazyev S.Yu., 2020. *On the Underlying Causes of the Growing Chaos and Measures to Overcome the Economic Crisis*. URL: <https://glazyev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa>
- Civil Code of the Russian Federation: Part one Dated 11/30/1994 No. 51-FZ.*
- Gregova E. Ya., 2008. The Role of the Third Sector in the Modern Economy. *Administrative Consulting*, no. 1, pp. 127-135.
- Dvoryadkina E.B., Prostova D.M., 2019. Non-Profit Organizations in the Regional Economy: A Theoretical Approach to Research. *Journal of New Economy*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 47-69.
- Zaslavskaya T.I., Yadov V.A., 2008. Social Transformations in Russia in the Era of Global Changes. *Journal of Sociology*, no. 4, pp. 8-22.
- Zvorykina T.I., 2017. Prospects and Problems of Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations in the Field of Social Services. *Social Policy and Sociology*, vol. 16, no. 5 (124), pp. 73-81.
- Koroleva L.P., 2011. Problems and Proposals for Qualifying the Status of a Socially Oriented Non-Profit Organization as a Taxpayer. *Taxes and Financial Law*, no. 6, pp. 192-196.
- Krutikov K.V., Zaitsev Yu.V., Demina O.V., 2013. Creation of a System of Non-Profit Organizations in Institutions of Higher Professional Education as an Educational Tool that Ensures the Formation of Civil Society and National Security. *Digest-Finance*, no. 7 (223), pp. 53-59.
- Litvintseva G. *Dictionary of Terms in Institutional Economics*. URL: <https://vocable.ru/slovari/slovar-terminov-po-institucionalnoi-ekonomike.html>
- Ministry of Education of Russia. Statistics*. URL: <https://edu.gov.ru/activity/statistics>
- Neshchadin A., Kashin V., Tulchinsky G., 2014. On the Issue of Forms of Social Entrepreneurship. *Society and Economics*, no. 9, pp. 143-161.
- Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of October 26, 2020 № 744*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566132131>
- Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 № 207-r (As Amended on March 23, 2021) "On approval of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025"*.
- Soyfer T.V., 2016. Economic Activity of Non-Profit Organizations and Its Civil Law Support. *Journal of Russian Law*, no. 1, pp. 22-30.
- Tishchenko G.A., 2011. *Economic Foundations for the Functioning of Non-Profit Organizations in the Service Sector of Higher Professional Education: On the Example of the Khabarovsk Territory: Abstract of a Candidate of Economic Sciences: 08.00.05.* Khabarovsk.
- Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"*.
- Federal Law "On Non-Commercial Organizations", № 7-FZ 1996.*
- Federal Law of 04/05/2010 № 40-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Supporting Socially Oriented Non-Commercial Organizations"*.
- Barrett D.W., 1996. A Call for More Lenient Director Liability Standards for Small, Charitable Nonprofit Corporations. *Indiana Law Journal*. 71 (fall). URL: <http://paperity.org/p/82770136/a-call-for-more-lenient-director-liability-standards-for-small-charitable-nonprofit>
- Borgaza C., Tortia E., 2010. The Economics of Social Enterprises. An Interpretative Framework. *The Economics of Social Responsibility: the World of Social Enterprises*. Becchetti L., Borgaza C. (eds.), pp. 15-33.
- Connor C., De Valliere N., Warwick J. et al. 2022. The COV-ED Survey: Exploring the Impact of Learning and Teaching from Home on Parent/Carers' and Teachers' Mental Health and Wellbeing During COVID-19 Lockdown. *BMC Public Health* 22, 889.
- Jacobsen K.H., Waggett C.E., 2022. Global Health Education for the Post-Pandemic Years: Parity,

- People, Planet, Priorities, and Practices. *Glob Health Res Policy*, 2022, no. 7, p. 1. DOI: 10.1186/s41256-021-00234-y
- Hausmann H.B., 1980. The Role of Nonprofit Enterprise *The Yale Law Journal*, 1980, vol. 89, no. 5 (April), pp. 835-898.
- Hansmann H.B., 1987. Economics Theories of Non-Profit Organization. Powell W.W. (ed.). *The Non-Profit Sector: A Research Handbook*. New Haven, Yale University Press.
- National Council of Voluntary Organisations, 1995. *Feasibility Study on Obtaining Information on the Economic Activities of Non-Charitable Nonprofit-making Bodies*. London.
- Salamon L.M., Anheier H.K., 1992. In Search of the Nonprofit Sector I: The Question of Definitions. *Voluntas*, 1992, no. 3 (2), pp. 125-151.
- Salamon L.M., Anheier H.K., 1992. In Search of the Nonprofit Sector II: The Problem of Classification. *Voluntas*, no. 3 (3), pp. 267-309.
- Salamon L.M., Anheier H.K., 1996. *The Emerging Nonprofit Sector*. Manchester, Manchester University Press.
- Van Slyke D.M., Lacey J.D., Yoon N. *What Do We Know About Nonprofit Entrepreneurs? Results From a Large-Scale Survey*. URL: https://www.researchgate.net/publication/318000878_What_Do_We_Know_About_Nonprofit_Entrepreneurs_Results_from_a_Large-Scale_Survey

Information About the Authors

Irada M. Dudina, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Social Policy, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 14, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, irada.dudina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1536-5099>

Elena G. Efimova, Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor, Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, 8 Marta/Narodnoi Voli St, 62/45, 620144 Ekaterinburg, Russian Federation, levstrelkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-7063>

Dina M. Prostova, Candidate of Sciences (Economy), Associate Professor, Foreign Language Department, Ural State University of Economics, 8 Marta/Narodnoi Voli St, 62/45, 620144 Ekaterinburg, Russian Federation, prostova.dina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-194X>

Информация об авторах

Ирада Мехтиевна Дудина, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, irada.dudina.81@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1536-5099>

Елена Георгиевна Ефимова, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, Уральский государственный экономический университета, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, levstrelkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0703-7063>

Дина Михайловна Простова, кандидат экономических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский государственный экономический университета, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45, 620144 г. Екатеринбург, Российская Федерация, prostova.dina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1203-194X>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.

Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 1 336 руб. 20 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural

Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the

basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 1336.20 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
  2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
  3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
  4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
  5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
  6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
  7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
  8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
  9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
  10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").**
-
-

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

58 >